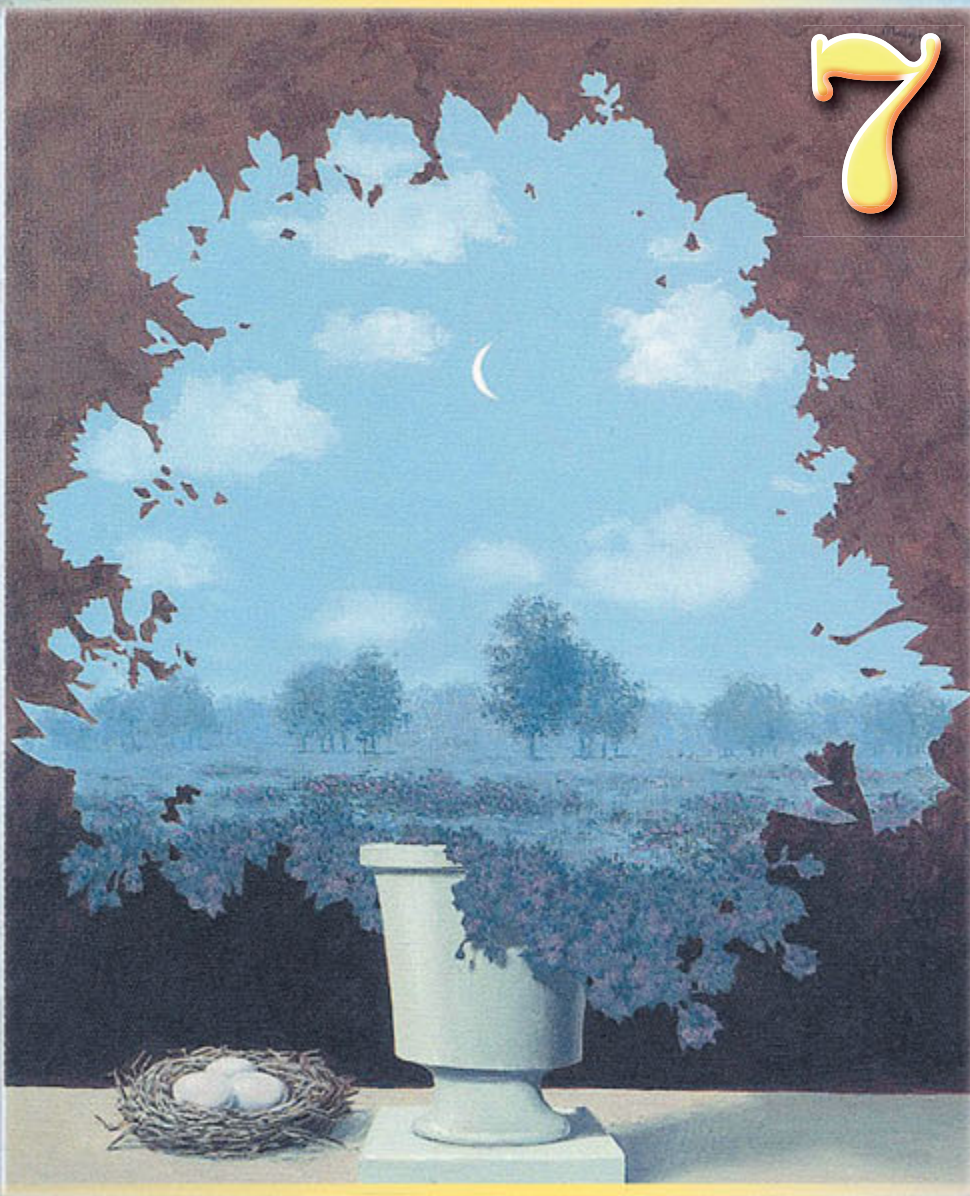


Е.В. ВОЛОЩУК, Е.М. СЛОБОДЯНЮК

ЛИТЕРАТУРА

7



УДК 821.161.1.09(075.3)

ББК 83.3(2Рос)я721

В68

Рекомендовано Министерством образования и науки Украины
(Приказ Министерства образования и науки Украины
от 20.07.2015 № 777)

**Издано за счет государственных средств.
Продажа запрещена**

Для художественного оформления обложки, титульной страницы и шмуцтитулов использованы работы Р. Магритта, Г. Хо, В. Васнецова, С. Куна, Ф. Алексеева, В. Куша, Ю. Кагая.

В учебнике приведены обложки произведений А. Грина издательств «The Planet», «Азбука-классика», АСТ и обложки произведений А. Азимова издательств «Gnome Press», «Sound Time» (аудиокнига), «Эксмо».

Волощук Е.В.

В68 Интегрированный курс : Литература (русская и зарубежная) : учеб. для 7 кл. общеобразоват. учеб. заведений с обучением на рус. яз. / Е.В. Волощук, Е.М. Слободянюк. — Киев : Генеза, 2015. — 240 с.

ISBN 978-966-11-0639-9.

В учебнике представлены предусмотренные программой произведения. Предлагается информация о жизни и творчестве писателей, система дифференцированных вопросов и заданий. Авторы поясняют теоретические понятия и литературоведческие термины, предлагают исторические справки, реализуют межпредметные связи. Учебник обеспечивает развитие читательских компетенций учащихся.

УДК 821.161.1.09.(075.3)

ББК 83.3(2Рос)я721

ISBN 978-966-11-0639-9

© Волощук Е.В.,
Слободянюк Е.М., 2015
© Издательство «Генеза»,
оригинал-макет, 2015

Дорогие семиклассники!

Работая с учебником, вы откроете для себя целый ряд замечательных произведений, которые обогатят ваши представления о мире и о себе. Внимательно прочитать и понять эти произведения вам помогут предложенные рубрики:

«**Литературоведческая закладка**» знакомит с определениями литературоведческих понятий, которые следует выучить на память.

«**Комментарий литературоведа**» раскрывает секреты построения литературных произведений и секреты мастерства писателей.

«**Комментарий архивариуса**» освещает вопросы, касающиеся истории написания и публикации литературных произведений, а также исторических событий, на фоне которых развивается сюжет и действуют персонажи.

«**Арт-салон**» рассказывает о произведениях музыки, живописи, скульптуры, кино и мультипликации, созданных на основе прочитанных вами художественных текстов.

«**Литературный навигатор**» будет вашим проводником в читательских странствиях – в нём даётся краткая информация о художественных произведениях, которые вам стоит прочитать самостоятельно, вопросы и задания для такого чтения.

Для работы над новым материалом предусмотрены следующие рубрики:

«**Литературная разминка**» поможет вам вспомнить ранее изученный материал, необходимый для освоения новой темы.

«**Перед чтением**» нацеливает на восприятие художественного произведения, которое следует прочитать.

К информационным и художественным текстам в учебнике предлагаются вопросы и задания для индивидуальной работы и работы в парах или группах. Есть среди них вопросы и задания, направленные на развитие читательской фантазии, умения вести дискуссию по литературному произведению. Они помогут реализовать ваши творческие способности, углубить знания по филологии, развить способности решать сложные читательские задачи.

В конце разделов представлены итоговые вопросы и задания.

Итоговые вопросы и задания ко всем изученным темам даны в конце учебника. Там же размещён и словарь литературоведческих терминов. Для повторения и систематизации изученного будет интересно поработать с иллюстрациями, которые расположены на форзацах книги.

Перечисленные рубрики и дополнительные материалы призваны сделать вашу работу над изучением программных текстов максимально результативной и интересной.

Желаем вам успехов в этом увлекательном деле!

Авторы



Введение

КНИГА – КЛЮЧ К ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШЕ

Книгу называют сокровищницей мудрости. Из неё мы черпаем разнообразные сведения об окружающем мире, она передаёт нам важный *духовный опыт*. Чем же этот опыт ценен и что он собой представляет?

Во-первых, он охватывает сложный *мир человеческих чувств* – от тончайших, едва уловимых ощущений до глубоких страстей. Читая книгу, мы можем пережить то, чего не пережили в жизни: отчаяние Вакулы, который хочет добиться любви красавицы Оксаны, глубокое раскаяние Скруджа, который многие годы стремился к наживе и был глух к людскому горю, но сумел переосмыслить свою жизнь, возродиться духовно. При этом чувства, которые мы разделяем с вымышленными персонажами, волнуют нас ничуть не меньше, чем эмоции, вызванные событиями, происходящими в реальной жизни. Иногда, с головой погрузившись в чтение, мы с удивлением обнаруживаем, что смеёмся, возмущаемся или огорчаемся вслух, будто имеем дело не с книгой, а с реальным собеседником. Подобные чувства играют в нашей жизни роль куда более важную, чем кажется на первый взгляд. Сопереживая литературным героям, мы постигаем силу и глубину человеческих эмоций, а одновременно с этим учимся выражать свои переживания.

Во-вторых, духовный опыт включает в себя *размышления* над жизненными явлениями и их *оценку*. В этом заключается одно из отличий художественной литературы от научной. Там, где учёный изучает и описывает факты, писатель стремится раскрыть их смысл и дать им свою оценку. Иначе говоря, наука отвечает на вопрос «что это?», тогда как литература отвечает на вопросы «зачем это?», «хорошо это или дурно?». Скажем, в то время как психолог даёт научное обоснование «жажды жизни», присущей каждому человеку, писатель показывает, на какие чудеса она вдохновляет того, кто по-настоящему силён духом. Наблюдая за героем, который, преодолевая боль и отчаяние, до последнего дыхания борется за существование, мы становимся свидетелями того, как данная человеку от рождения «жажда жизни» преобразуется в гордое, всепобеждающее мужество. Так художественная литература предоставляет нам разнообразные образцы человеческого поведения, благодаря которым мы учимся отличать благородные поступки от недостойных, полезные мысли от разрушительных, усваиваем нелёгкие, но жизненно необходимые уроки нравственности.

С каждым новым произведением читатель проживает в своём воображении «чужую» жизнь. Ведь в ходе чтения мы не просто следим за развитием событий, а на какое-то время «сливаемся» с книгой, смотрим на мир глазами понравившегося героя, проникаемся его настроениями и устремлениями. «Все хорошие книги, – говорил по этому поводу американский писатель Э.М. Хемингуэй, – сходны в одном: когда вы дочитываете их до конца, вам кажется, что всё это произошло с вами, и так оно навсегда при вас и останется: хорошее и плохое, восторги, печали и сожаления, люди и места, и какая была погода». В ходе такого «слияния» с произведением читатель приобретает новые *знания, необходимые для*





В. Ниблих. Приятного аппетита!



В. Ниблих. Мир книг, или Мир горит

решения проблем, с которыми он сталкивается в реальности. Эти знания – поистине бесценное богатство нашей жизни.

Духовный опыт можно почерпнуть из любого художественного произведения – в том числе из такого, в котором человек вообще не упоминается. Например, изображая парус, скитающийся в «тумане моря голубом», или сосну, мечтающую среди снегов о пальме, М.Ю. Лермонтов ни слова не говорит о человеке. Но читатель без труда догадывается, что это – индизнаказательные образы человеческой души. И дело не только в том, что парус и сосна наделены человеческой способностью чувствовать, но ещё и в том, что в них «зашифрованы» некие душевные состояния и размышления о человеческой судьбе. Незримым присутствием человека отмечены даже стихотворные пейзажи: это присутствие проявляется через эмоции – восхищение, грусть, растерянность, отчаяние. Дерево, камень, бабочка, чашка, часы – всё, что окружает нас в реальности, *наполняется в художественном произведении человеческим смыслом*. Как заметил литературный критик В. Николаенко, «о чём бы ни рассказывал художник, он в конечном счёте всегда говорит о самых важных для человека вещах: о Жизни и Смерти, о Любви и Боге, о Красоте и Свободе, о Добре и Зле».

Каждый писатель смотрит на эти вещи по-своему. Д. Дефо, например, верит в безграничные созидательные возможности человека, а потому и его роман о Робинзоне приобретает звучание величественного гимна человеческому разуму и труду. А вот Р.Д. Брэдбери, напротив, считает, что в человеке силён дух варварского разрушения, и потому в одной из своих новелл изображает толпу, яростно разрывающую портрет Джоконды, который принадлежит к высшим достижениям мировой культуры. Так в литературном произведении отражается *личность писателя, его миропонимание, его духовная жизнь*, поэтому книгу порой сравнивают с окном, «в котором можно увидеть душу» её создателя.

Всматриваясь в такие «окна», читатель знакомится с разнообразными точками зрения на мир. Не все они покажутся ему убедительными. Но, читая книгу за книгой, мы извлекаем из духовных миров писателей зёрна истины, которые со временем дадут всходы в наших душах.



Чрезвычайно важен в нашей читательской жизни труд переводчиков. Именно они часто открывают нам путь к сокровищам мировой литературы, предоставляя возможность читать на родном языке книги, написанные на иностранных языках. Работа над такими переводами – нелёгкая задача. Ведь цель переводчика не механически «скопировать» оригинал, а мастерски перенести на почву другого языка произведение во всём единстве его художественных средств, от мельчайших деталей до общего настроения, – и тем самым воссоздать самобытный художественный мир оригинала. Кроме того, переводное произведение должно хорошо звучать на языке перевода, чтобы передать красоту слова иностранного текста.

Перед любым переводчиком художественных произведений возникают вопросы, которые требуют от него индивидуальных решений. Что важнее: передача слов (или образов) оригинала или его мыслей? Чей стиль должен воспроизводить перевод – автора оригинала или переводчика? Должен ли перевод читаться как произведение, современное оригиналу, или же как произведение, современное переводчику? Ответы на эти вопросы определяют характер перевода и степень его соответствия оригиналу.

Существует несколько видов перевода: прямой и непрямой (в зависимости от работы непосредственно с оригиналом произведения или с дословным подстрочным переводом текста – «подстрочником»), полный и неполный, точный и неточный. Также существуют разновидности свободного перевода, когда переводимый текст приближается к самостоятельному произведению («вольный перевод», «подражание», «по мотивам»).

Ни один художественный перевод, даже самый точный, нельзя воспринимать как текст, равнозначный оригиналу. Какого бы мастерства ни добился переводчик, желая воссоздать дух и букву текста оригинала, он всегда создаёт свою версию авторского произведения и всегда добавляет в авторскую палитру собственные художественные средства.

Для такой работы недостаточно просто знания иностранного и родного языка. Переводчик должен хорошо знать литературно-культурные традиции, ориентироваться в лабиринтах многозначности слов, то есть иметь способности к литературному творчеству. Поэтому талантливый перевод – это всегда результат творческой работы, а талантливый переводчик – это всегда в какой-то степени соавтор переводимого им произведения.

Опираясь на духовный опыт писателей, читатель постигает ценность явлений, которым раньше не придавал значения, открывает для себя красоту и смысл окружающего мира. При этом происходит развитие личности: читатель сознательно строит и обустроивает своё «я», преодолевает слабые и укрепляет сильные стороны характера, пытается решить конкретные задачи своего нравственного совершенствования. Поэтому книга является не только «воротами» во внешний мир, но и проводником по запутанным тропам внутреннего мира самого читателя. Поэтому чтение художественной литературы является серьёзной духовной работой.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Из чего состоит духовный опыт, запечатлённый в художественной литературе? Чем этот опыт интересен и полезен для нас?
2. Докажите, что именно человек является главным предметом изображения в художественной литературе.
3. Почему книгу называют окном, «в котором можно увидеть душу» её создателя?
4. Во вступительной статье, которую вы только что прочитали, приводятся примеры из произведений, изученных вами в шестом классе. Укажите точные названия этих произведений.
5. Поясните, почему художественный перевод не может быть буквальной копией оригинала.
6. **Работа в паре.** Рассмотрите работы современного художника В. Ниблица (с. 5), представляющие образы книги. Раскройте символический смысл каждого из этих образов. На какие размышления они вас наталкивают? Как бы вы изобразили мир книги?



РАЗДЕЛ
ПЕРВЫЙ

ИЗ УСТНОГО
НАРОДНОГО
ТВОРЧЕСТВА



Глава 1

«ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ...»

Литературная разминка

Вспомните легендарных героев, чьи подвиги были воспеты в древних мифах. Назовите имена этих персонажей. Какие черты характера поэтизировались в их образах?



Серебряный шлем.
Середина XII – начало XIII в.



Древнерусские мечи
X–XIII вв.

С древних времён люди преклонялись перед героями, в одиночку восставшими против сил зла. Их свершения увековечивались в мифах, легендах и героических песнях, передававшихся из уст в уста многими поколениями. К числу таких произведений принадлежат и *былины* – древнерусские песни о богатырях Киевской Руси. Наиболее популярные герои таких песен – Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алёша Попович, Микула Селянинович, великан Святогор. Былины рассказывали об их удивительных воинских и трудовых подвигах. В образах богатырей воплотились древние представления о народном герое-защитнике, наделённом несокрушимой физической мощью и отстаивающем идеалы справедливости.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Былина – древнерусская фольклорная песня, повествующая о героических свершениях легендарных богатырей. Для былины характерно переплетение фантастических и исторических элементов, а также торжественно-приподнятый, спокойно-величавый тон, задаваемый былинным стихом.

Былины возникли более 1000 лет назад. Они слагались на основе древних преданий и песен и, подобно другим фольклорным произведениям, были плодом коллективной творческой фантазии. Так же как в мифах и сказках, важную роль в былинных повествованиях играли фантастические элементы (описания необычайных подвигов, несметных вражеских полчищ, невиданных чудищ и т.п.). В отличие от сказок и мифов, сюжеты былин, как правило, имели реальную историческую основу. Действие происходило не в мифические «первоначальные времена», не в сказочном царстве, расположенном «за тридевять земель», а в конкретную историческую эпоху и в конкретной местности (например, в Киеве или Чернигове). В фантастических кар-

тинах героических сражений слышались отголоски реальных событий, например войн древнерусских городов с многочисленными племенами кочевников. Живая связь с историей – это характерная особенность былин.

Другая отличительная черта этих произведений связана с их песенным происхождением. В старину былины исполнялись под аккомпанемент гуслей¹, и для их создания использовался особый *былинный стих*. Он произносился неспешно, нараспев и придавал былине торжественный тон.

Сюжет былины часто строился по плану, уже знакомому вам по народным сказкам. Он состоял из краткого вступления – *зачина* (в котором указывалось время и место действия), *основной части* (повествовавшей о героических подвигах богатырей) и *концовки* (где кратко подытоживалось рассказанное). Эта сюжетная схема украшалась характерным фольклорным «орнаментом» – постоянными эпитетами (*солнце красное, поле чистое, добрый молодец, ветры буйные* и т.п.), повторами отдельных слов, выражений и целых картин.

Одним из характернейших художественных приёмов, использовавшихся в былинах, была *гипербола*.



Гусли
Реконструкция

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Гипербола – художественный приём, который заключается в явном преувеличении определённых свойств изображаемого героя, предмета или явления.

Возникнув на заре истории Древней Руси, былины на много столетий пережили свою эпоху и оставили глубокий след в культуре восточных славян. Их влияние, в частности, прослеживается в украинских думах и героических песнях, а также в ряде произведений, позже созданных известными русскими писателями, композиторами, художниками.

Комментарий архивариуса

Рассказы о том, как некий богатырь одним махом сокрушил несметные полчища врагов или одержал победу над могучим чудищем, кажутся настолько далёкими от реальности, что современному читателю трудно поверить в существование какой-либо связи между ними и событиями древней истории. И всё же она существует. Недаром филологи называют былины «алмазами исторической памяти». Правда, «докопаться» до исторической основы былин довольно трудно: ведь приходится пробиваться не только сквозь вымысел, но и более поздние историче-

¹ *Гусли* – старинный струнный щипковый музыкальный инструмент.



ские наслоения, возникавшие, например, в результате наложений на воспоминания о давнем сражении новых впечатлений о недавних похожих событиях. Тем не менее специалисты всерьёз занимаются такими «раскопками» и добиваются результатов. Сравнивая установленные таким образом исторические факты с их художественной обработкой в былинах, мы можем по достоинству оценить игру народной фантазии.

В большинстве былин богатыри (ещё их называли «храбры») служат киевскому князю Владимиру. В этом образе, по мнению учёных, соединились черты двух исторических личностей, пользовавшихся огромной популярностью в Древней Руси, – князей Владимира Крестителя и Владимира Мономаха.

Рассмотрим другой пример. В одной из былин рассказывается о том, как богатырь Алёша Попович одолел Тугарина Змеевича – огромное летающее существо. По мнению исследователей, за образом Тугарина Змеевича стоял половецкий хан Тугоркан, живший в XI в. Любопытно, что человек, с которого, по всей видимости, был «списан» образ Алёши Поповича, жил на полтора столетия позже описываемых в былинах событий. Очевидно, ратный подвиг совершил какой-то другой воин, имя которого не сохранилось, а народная память со временем приписала его Алёше Поповичу.

Комментарий литературоведа

Из истории слова «былина». Название «былина» восходит к слову «быль», которое означает «то, что действительно было». Интересно, что это название намного моложе самих былин. В древности подобные героические песни именовались «старинами», позднее – «богатырскими сказками», и лишь в 40-е годы XIX в. для обозначения этих произведений было введено слово «былина». Оно позаимствовано из выражения «по былинам сего времени», которое встречается в знаменитом литературном памятнике Древней Руси – «Слове о полку Игореве».

Как былины дошли до нашего времени? На сегодня собрано более 3 тысяч записей былин. Среди них встречаются сотни вариантов одного и того же былинного сюжета. Различия между ними объясняются тем, что разные сказители (певцы) приносили в сюжет что-нибудь своё: добавляли или опускали какие-либо подробности, произвольно соединяли две былины в одну и т.п. Чем были вызваны такие изменения?

Сначала рассказ о реальном историческом факте передавался в былинах более или менее близко к действительности. Однако с течением времени интерес к отдельным деталям утрачивался. Это происходило и в тех случаях, когда песня перекочёвывала в другую местность, – например из Киева в Новгород. Так возникали новые варианты одного и того же сюжета.

На протяжении многих столетий былины существовали только в устной форме. Со временем их стали записывать. Первые из дошедших до наших дней записей были сделаны в XVII в. В большинстве случаев они представляли собой краткие пересказы сюжетов былин. И лишь спустя





В. Васнецов. Богатырский скак

столетие появился знаменитый сборник Кириши Данилова, в котором среди прочих фольклорных произведений были представлены полные тексты около 20 былин. Во второй половине XIX в. собиранием былин занялись и любители фольклора, и профессионалы (П.Н. Рыбников, А.Ф. Гильфердинг, А.Д. Григорьев, А.В. Марков, Н.Е. Ончуков и др.). И очень своевременно: спустя столетие былины уже практически не исполнялись вживую.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Чему посвящались былины? Почему их относят к числу фольклорных произведений?
2. Назовите наиболее известных героев древнерусских былин. О ком из них вам уже приходилось слышать?
3. Какие реальные события нашли отражение в былинах? Приведите примеры художественной обработки исторических фактов в былинах.
4. Расскажите об особенностях исполнения былины. Что характерно для былинного стиха?
5. Какие известные вам фольклорные элементы использовались в былинных песнях? Что общего между былиной и народной сказкой? В чём заключаются их главные отличия?
6. Дайте определение былины, гиперболы.



Глава 2

РАТНЫЕ ПОДВИГИ БЫЛИННЫХ БОГАТЫРЕЙ

Огромной народной любовью был окружён образ Ильи Муромца. Былины изображали Илью «старшим» богатырём, превосходящим своих соратников и силой, и мудростью. Возможно, считают исследователи, исключительное положение этого героя объяснялось его близостью к простым слушателям песен: ведь, в отличие от большинства былинных богатырей, Илья Муромец происходил из крестьянской семьи. Его спокойная, уверенная сила, нравственная стойкость, чувство собственного достоинства, независимость в отношениях с князем вызывали глубокую симпатию. Восхищала слушателей и необычная биография этого героя: 30 лет Илья, скованный неведомым недугом, «сиднем» просидел дома, пока таинственные странники не пробудили в нём «силушку великую» и не благословили его на дела богатырские. С этого дня началась история его героических свершений.



Перед чтением. Читая былину, подумайте над вопросами:

1. Какие сказочные элементы задействованы в сюжете этого произведения?
2. Какие подробности в былине можно рассматривать как «исторические указатели» на реальную эпоху и реальную местность?

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из того ли-то из города из Муромля,
Из того села да с Карачарова,
Выезжал удаленький дородный добрый мблodeц;
Он стоял заутреню во Муромли,
А и к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град,
Да и подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнанó-то силушки черным-черно́,
А и черным-черно, как чёрна вброна;
Так пехотою никто тут не похаживат,
На добром кони никто тут не проезживат,
Птица чёрный ворон не пролётыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конём топтать да стал копьём колотъ,
А и побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град.
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А и зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град».



Говорили мужички ему черниговски:
«Ты удаленький дородный добрый молодец,
А и ты славныя богатырь святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела;
А и по той ли по дорожке прямоезжею
Да и пехотою никто да не прохаживал,
На добром кони никто да не проезживал:
Как у той ли-то у грязи-то у чёрной,
Да у той ли у берёзы у покляпые¹,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сиди Соловей-разбойник во сыром дубу,
Сиди Соловей-разбойник Одихмантьев сын;
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному,
И от его ли-то от посвисту соловьего,
И от его ли-то от покрику звериного,
То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазуревы цветочки осыпаются,
Тёмны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть вёрст²,
А и окольной дорожкой цела тысяща».
Он пустил добра коня да и богатырского.
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озёрка промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко грязи он ко чёрной,
Да ко тое ко берёзе ко покляпые,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да и по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплетались,
Да и лазуревы цветочки осыпалися,
Тёмны лесушки к земле вси приклонилися.
Его добрый конь да богатырский,
А он на корзний³ да потыкается;
А и как старый-от казак да Илья Муромец
Берёт плёточку шелковую в белую руку,
А он бил коня а по крутым ребрам;

¹ *Покляпый* – нагнутый, понурый, крюковатый.

² *Верста* – старая русская мера длины, равная 1,06 км.

³ *Корзни* – корни.



Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да и травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не мошь?
Что ты на корзни, собака, потыкаешься?
Не слыхал ли посвисту соловьего,
Не слыхал ли покрику зверинога,
Не видал ли ты ударов богатырских?»
А и тут старья казак да Илья Муромец
Да берёт-то он свой тўгой лук разрывчатый,
Во свои берёт во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку калёную накладывал,
То он стрéлил в тóго Соловья-разбойника,
Ему выбил право око со косицею¹.
Он спустил-то Соловья да на сыру землѹ,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повёз его по славну по чистѹ полѹ,
Мимо гнездышкó повёз да соловьиное.
В том гнездышке да соловьиное
А случилось быть да и три дочери,
А и три дочери его любимых;
Бóльша дочка эта смотрит во окошечко косящато,
Говорит она да таковы слова:
«Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром кони,
Да везёт он мужичища-деревенщину,
Да у правого стремени прикована».
Поглядела его дрўга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет батюшко раздольцем чистым полем,
Да и везёт он мужичища-деревенщину,
Да и ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет мужичищо-деревенщина,
Да и сидит, мужик, он на добром кони,
Да и везёт-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована.
Ему выбито-то право око со косицею».
Говорила-то и она да таковы слова:
«Ай же мужевья наши любимые!
Вы берите-тко рогатины звериные,
Да бегите-тко в раздольце чистó полé,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!»
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья то ёсть да соловьиные,

¹ Коси́ца – висок.





М. Врубель. Богатырь

Похватали как рогатины звериные
Да и бежали-то они да и во чисто поле
К тому ли мужичищу-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-тко рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В своё гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте его пѣтьцем медвяным,
Да и дарите ему дѣры драгоценные».
Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,



А и зовут-то мужика да и деревенщину
Во то гнездышко во соловьиное;
Да и мужик-от-деревенщина не слушатся,
А он едет-то по славному чисту полю,
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А и Владимир-князь он вышел со Божьей церкви,
Он пришёл в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку.
Они сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А и тут старья казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идёт он во палаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На пята он дверь-ту поразмахивал,
Крест-от клал он по-писаному,
Вёл поклоны по-учёному,
На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Ещё всем его князьям он подколенным.
Тут Владимир-князь стал молодца выспрашивать:
«Ты скажи-тко, ты откулешный, дородный добрый молодец,
Тобе как-то молодца да именем зовут,
Величают удалого по отечеству?»
Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
«Есть я с славного из города из Муромля,
Из того села да с Карачарова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!»
Говорит ему Владимир таковы слова:
«Ай же ты, старья казак да Илья Муромец!
Да и давно ли ты повыехал из Муромля,
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?»
Говорил Илья он таковы слова:
«Ай ты, славная Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутреню христовскую во Муромле,
А и к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град.
Ехал мимо эту грязь да мимо чёрную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную берёзу-ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест».
Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ай же мужичишко-деревенщина!



Во глазах, мужик, да подлыгаешься¹,
 Во глазах, мужик, да насмехаешься!
 Как у славного у города Чернигова
 Нагнано тут силы много-множество,
 То пехотою никто да не прохаживал,
 И на добром коне никто да не проезживал,
 Туды серый зверь да не прорыскивал,
 Птица чёрный ворон не пролётывал;
 А у той ли-то у грязи-то у чёрной,
 Да у славной у речки у Смородины,
 А и у той ли у берёзы у покляпые,
 У того креста у Леванидова
 Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын;
 То как свищет Соловей да по-соловьему,
 Как кричит злодей-разбойник по-звериному,
 То все травушки-муравы уплетаются,
 А лазуревы цветки прочь отсыпаются,
 Тёмны лесушки к земли вси приклоняются,
 А что есть людей, то вси мертвó лежат».

Говорил ему Илья да таковы слова:
 «Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
 Соловей-разбойник на твоём дворе,
 Ему выбито ведь право око со косицею,
 И он к стремени булатному прикованный».

То Владимир князь-от стольно-киевский,
 Он скорёшенько ставал да на резвы ножки,
 Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
 То он шапочку соболью на одно ушко,
 Он выходит-то на свой-то на широкий двор
 Посмотреть на Соловья-разбойника.

Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
 «Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
 Закричи-тко, собака, по-звериному».

Говорил-то Соловей ему разбойник Одихмантьев сын:
 «Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
 А не вас-то я хочу да и послушати,
 Я обедал-то у старого казáка Ильи Муромца,
 Да его хочу-то я послушати».

Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский:
 «Ай же старья казак ты, Илья Муромец!
 Прикажи-тко засвистать ты Соловью да и по-соловьему,
 Прикажи-тко закричать да по-звериному».

Говорил Илья да таковы слова:
 «Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!
 Засвищи-тко ты в полсвисту соловьего,
 Закричи-тко ты во полкрику звериного».

¹ *Подлыгаться* – входить в доверие ложью, привирать.



Говорил-то ему Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же старья казак ты, Илья Муромец,
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные:
Не могу засвистать да и по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному,
А и вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зеленá вина,
Я повыпью-то как чару зелена вина,
Мои раночки кровавы поразóйдутся,
Да уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному».
Говорил Илья тот князю он Владимиру:
«Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зелена вина,
Ты не малую стопу да полтора ведра,
Подноси-ко к Соловью к разбойнику».
То Владимир-князь да стольно-киевский,
Он скорёнько шёл в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын,
Принял чарочку от князя он одной ручкóй,
Выпил чарочку-то Соловей одним духóм.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал разбойник по-звериному,
Маковки на теремах покрíвились,
А окóбенки во теремах рассыпались
От его от посвисту соловьего,
А что есть-то лóбдюшек, так все мертвы лежат;
А Владимир-князь-от стольно-киевский,
Куньей шубонькой он укрывается.
А и тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорёшенько садился на добрá коня,
А и он вёз-то Соловья да во чистó полé,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцей-мáтерей,
Тебе полно-тко вдовить да жён молóдых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротить да малых детушек».
А тут, Соловью, ему и славу́ поют,
А и славу поют ему век по веку.



ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Подготовьте пересказ былины, последовательно отвечая на предложенные вопросы:
 - А. Как Илья Муромец одержал победу над вражеским войском, стоявшим под Черниговом? Какие художественные средства подчёркивают многочисленность этого войска? Приведите примеры из текста.
 - Б. Почему, несмотря на предупреждение об опасности, Илья предпочёл ехать в Киев короткой дорогой? Какие свойства его натуры проявились в этом эпизоде?
 - В. В чём заключалась сила Соловья-разбойника? Подкрепите свой ответ цитатами.
 - Г. Как богатырь одолел Соловья-разбойника? Почему он отказался принять выкуп за поверженного врага?
 - Д. Как Илья Муромец был принят при дворе князя Владимира? Почему князь сначала не поверил рассказу богатыря? А что его заставило изменить своё мнение?
2. Какие свершения Ильи Муромца прославляются в этой былине? Почему их можно назвать героическими?
3. Что свидетельствует об искренней любви народа к Илье?
4. Что олицетворяет собой образ Соловья-разбойника?
5. В каком эпизоде сила Ильи Муромца противопоставляется власти князя Владимира? Какая мысль стоит за этим противопоставлением?
6. Какие нравственные качества народного героя воплощены в образе Ильи Муромца? Аргументируйте свой ответ примерами из текста.
7. Какие географические названия, имена исторических личностей упоминаются в былине? Покажите на карте примерный путь Ильи Муромца из города Муром в столичный Киев-град. Возможно ли было преодолеть его за один день?
8. **Пофантазируйте!** Каким вы представляете себе Соловья-разбойника? Кто он: человек или чудище? Подробно опишите его внешность (устно).
9. Определите в прочитанной былине зачин, основную часть и концовку. Найдите в тексте повторяющиеся элементы.
10. Приведите примеры использования гиперболы в былине. Что подчёркивает этот приём в ваших примерах?
11. По памяти восстановите постоянные эпитеты, которыми сопровождаются следующие слова: «... молодец», «силушка ...», «... ворон», «цветочки ...», «уста ...», «... вино».
12. Какие образы придают событиям сказочно-фантастический характер?

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАВИГАТОР

«Садко»

Удивительные истории происходили с героем новгородских былин Садко. Он был умелым гусяром и зарабатывал на жизнь своим искусством, играя на пирах. Но пришли тяжёлые времена, и люди перестали устраивать шумные пиры. Опечаленный Садко отправился к Ильмень-озеру, сел на берегу и заиграл на «яровчатых» гусях для самого себя. Звуки прекрасной музыки «потешили» грозного морского царя. Поднявшись со дна озера, он предложил гусяру свою волшебную помощь. С этого момента жизнь Садко круто изменилась...



И. Репин.
Садко в подводном царстве



Вопросы и задания для самостоятельной работы над произведением

1. Какие черты были присущи характеру Садко?
2. Как вёл себя Садко в подводном царстве?
3. В чём проявилась великая сила его искусства?
4. Чем Садко отличается от богатыря-защитника Ильи Муромца?



И. Билибин.
Вольга и Микула

Былины воспевали не только воинские подвиги, но и будничный крестьянский труд. Уважение к этому труду, требующему мужества, силы, выносливости, запечатлено в новгородской былине «Вольга и Микула Селянинович». В основе сюжета былины лежит рассказ о встрече князя Вольги Святославовича, племянника киевского князя Владимира, с легендарным богатырём-землепашцем Микулой. Выехал однажды Вольга Святославович со своей дружиной за данью, услышал поскрипывание сохи да насвистывание пахаря, а самого мужика не приметил. Долго ехал он со своей дружиной и лишь на третий день увидел крестьянина Микулу. Не прост крестьянин-богатырь, хотя и кажется бесхитрым. Он не даст в обиду ни себя, ни родную землю...

Вопросы и задания для самостоятельной работы над произведением

1. Какая сторона народной жизни изображается в былине «Вольга и Микула Селянинович»? Как передаётся уважительное отношение народа-сказителя к нелёгкому труду землепашца?
2. Какие образы сопоставляются в былине?
3. В чём заключается подвиг Микулы Селяниновича?
4. Найдите в тексте былины характерные для фольклора художественные приёмы.



Возвращение былинных богатырей

Образы былинных богатырей выросли в символы народа и его героического прошлого. Именно в таком ключе воспринимали былинных героев русские художники, композиторы и писатели XIX–XX вв.



К былинным темам обращались композиторы М.П. Мусоргский, А.П. Бородин, Н.А. Римский-Корсаков. Например, *М.П. Мусоргский*





И. Билибин. Ночь на берегу Ильмень-озера.
Эскиз декорации к опере Н.А. Римского-Корсакова «Садко»

завершил свой сборник фортепианных произведений «Картинки с выставки» пьесой **«Богатырские ворота»**. Теме подвигов былинных героев посвящена Вторая симфония¹ А.П. Бородина, названная **«Богатырской»**. А Н.А. Римский-Корсаков создал чудесную оперу **«Садко»** на основе былин о славном новгородце. Музыка этого композитора звучит и в одноимённом кинофильме.

1. Как, по вашему мнению, звучала мелодия, под которую исполнялись былины в старину?
2. Какие из названных музыкальных произведений вы слышали на концерте, по радио, видели в театре или по телевидению? Расскажите о своих впечатлениях.



Образы легендарных богатырей вдохновляли и знаменитых художников конца XIX – начала XX в. – И.Е. Репина, В.М. Васнецова, М.В. Нестерова, М.А. Врубеля, Н.К. Рериха. Названные живописцы видели в них олицетворение богатырской мощи народа и идеи бескорыстного, героического служения отчизне. Надеясь изображаемых богатырей общенародными чертами, художники в то же время стремились подчеркнуть и их индивидуальные особенности.

Наиболее наглядно такие особенности переданы на картине **«Богатыри»** В. Васнецова.

¹Симфония – большое музыкальное произведение для оркестра, состоящее обычно из 3–4-х частей, отличающихся друг от друга характером и темпом.





В. Васнецов. Богатыри

Замысел этой картины художник объяснил следующим образом: «Картина моя – Добрыня, Илья и Алёша Попович на богатырском выезде примечают в поле, нет ли где врага, не обижают ли где кого».

«Алёша показан молодым красавцем, он – ловкий, находчивый и всегда готовый на выдумки певец и гуслир-богатырь. В его широком, смуглом, обветренном лице с густыми чёрными бровями, умными и живыми глазами, с мягкими очертаниями губ и подбородка выражена прелесть молодости».

(По изданию «Галерея искусств»)

1. Рассмотрите репродукцию картины Виктора Васнецова «Богатыри». Обратите внимание на возраст, выражения лиц и позы богатырей. Что вы можете сказать о каждом из них?
2. Догадались ли вы, кто есть кто на этой картине? Найдите на репродукции Илью Муромца, Добрыню Никитича и Алёшу Поповича.

Один из самых загадочных персонажей былин – богатырь Святогор. Его трудно назвать героем, потому что никаких подвигов он не совершает. Чем-то величественным, суровым и даже трагическим веет от его облика. Он выглядит одиноким скитальцем – без дома, без родных, без спутников и даже без родной земли: она его «не носит», не выдерживает. Он привязан только к Святым горам.

Святогор не нашёл своего места в жизни, не встал рядом с богатырями, защищавшими Киевскую Русь от внешних врагов, и потому оказался обречённым на гибель.

1. Николай Рерих – писатель, художник, философ, общественный деятель – много лет жил в Индии, создал серию картин «Гималаи» (более двух тысяч полотен). Для Рериха горный мир является неисчерпаемым источником вдохновения. Рассмотрите репродукцию картины Н. Рериха «Святогор». Расскажите о своих впечатлениях.





Н. Перих. Святогор

2. Работа в паре. Порассуждайте, как художник передаёт трагическое одиночество своего героя.

3. Рассмотрите репродукцию картины Виктора Васнецова «Боян», на которой изображён легендарный певец, чьё имя дошло до нас из глубины веков. Каким предстаёт на полотне Боян? Что придаёт его образу черты духовного величия?



В. Васнецов. Боян

4. Как на картине передаётся внимание слушателей?

5. **Пофантазируйте!** О чём идёт речь в песне Бояна? Аргументируйте свой ответ.

Итоговые вопросы и задания

1. С какими памятниками искусства слова далёких эпох вы ознакомились в первом разделе? Какие новые сведения о культуре Древней Руси вы почерпнули из этого раздела?

2. Перечислите характерные признаки былин. Проиллюстрируйте свой ответ примерами из прочитанных произведений.

3. В чём заключается художественная ценность былин?

4. Какие нравственные достоинства воспевались в образах богатырей? Изменилось ли отношение к этим ценностям в наше время? Обоснуйте свой ответ.

5. **Работа в группах.** Представьте, что вы являетесь членами творческого коллектива, который готовит радиозапись былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Разработайте режиссёрские требования для актёров-чтецов и специалиста, занимающегося музыкальным оформлением. Сыграйте такой «радиоспектакль» в классе.

6. Перечертите таблицу в тетрадь. Сформулируйте признаки волшебной сказки и былины. Сделайте вывод, чем отличаются друг от друга эти фольклорные жанры.

Признаки сказки	Черты былины
-----------------	--------------

7. **Творческое задание.** На основе прочитанных произведений дайте письменный ответ на вопрос: «Чем интересны современному читателю *“преданья старины глубокой”*?»

8. **Творческое задание.** Какая из картин, репродукции которых представлены на с. 11, 15, 19, 20, 22, 23, понравилась вам больше всего? Представьте, что вам надо провести небольшую экскурсию. Подготовьте краткое выступление перед участниками экскурсии: расскажите о художнике и его картине. В случае затруднений воспользуйтесь материалами Интернета.



РАЗДЕЛ
ВТОРОЙ

**БАЛЛАДА
В ЛИТЕРАТУРЕ**



Глава 1

«ПЕВЕЦ ТАИНСТВЕННЫХ ВИДЕНИЙ...»

Литературная разминка

Вспомните и назовите известные вам произведения В.А. Жуковского.



Василий Андреевич
Жуковский
(1783–1852)

Для своих современников Жуковский был не только талантливым поэтом, но и живым олицетворением поэтической души – благородной, бескорыстной, светлой.

Василий Андреевич Жуковский был внебрачным сыном русского дворянина Афанасия Ивановича Бунина и пленной турчанки, красавицы Сальхи. От матери мальчик унаследовал красоту, чувствительную натуру и доброту. Крестный отец, обедневший помещик Андрей Григорьевич Жуковский, дал ему свою фамилию. Воспитывался будущий поэт в семье Буниных, окружившей его самой нежной любовью.

Ещё в детские годы Василий проявил склонности к музыке, литературе, иностранным языкам и рисованию. Эти способности получили дальнейшее развитие во время его учёбы в Благородном пансионе при Московском университете. Именно там Жуковский осознал своё литературное призвание и разработал программу нравственного самосовершенствования. Следуя этой программе, поэт стал одним из самых культурных людей своего времени:

- «1. Побороть лень, которая есть паралич души.
2. Избавиться от прирождённой медлительности.
3. Научиться обращать зависть в соревнование или искреннее и приятное удивление.
4. Каждый день – доброму делу, мысли или чувству».

По завершении обучения В.А. Жуковский решил посвятить себя литературе. Однако идея служения искусству в его сознании была неотделима от идеи служения родине. Поэтому, когда в Россию вступили наполеоновские войска, он без колебаний записался в ополчение. Впрочем, став воином, Жуковский не перестал быть поэтом: опыт сражений (в том числе и Бородинского) вдохновил его на новые стихи, имевшие большой успех.

Будучи уже известным поэтом, Жуковский сочетал литературное творчество с педагогической деятельностью. Сначала он давал уроки детям своей сводной сестры, а спустя некоторое время принял предложение стать наставником наследника русского престола.

Жизнь в царском дворце ему, поэту, нуждавшемуся в уединении, доставляла мало удовольствия. И всё же Жуковский продолжал нести свою службу, добросовестно заботясь об образовании юного цесаревича. Он надеялся, что сможет содействовать воспитанию широко мыслящего, прогрессивного, человеческого, преданного отчизне и народу правителя. Было



и другое немаловажное оправдание пребывания поэта при дворе: используя свою приближённость к царской семье, он мог заступаться за тех, кто попадал в немилость к властям. Его заступничество, обычно вызывавшее раздражение царя, нередко смягчало участь этих людей.

Особое внимание В.А. Жуковский уделял молодым талантам. Он считал своим долгом всячески помогать им. Среди тех, кто пользовался многолетней поддержкой поэта, были А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь. Не последнюю роль сыграл В.А. Жуковский и в освобождении из крепостных Т.Г. Шевченко. Узнав о бедственном положении одарённого украинца, он, предварительно сторговавшись с хозяином-крепостником, помог собрать нужную для выкупа сумму.

Велик был вклад В.А. Жуковского в развитие русской литературы. Он определялся не только его поэтическим творчеством, но и переводческой работой. Эти стороны деятельности удачно дополняли друг друга. В качестве переводчика Жуковский переносил на русскую почву величайшие достижения мировой литературы, а в качестве поэта находил оригинальные национальные формы для популярных за границей литературных веяний. Оба направления литературной деятельности принесли богатые плоды при работе поэта с балладами: опыт переводов лучших баллад зарубежных авторов служил ему опорой при создании собственных стихотворений этого жанра.



Титульный лист альманаха с переводами В.А. Жуковского стихов И.В. Гёте, Ф. Шиллера

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Баллада (франц. *ballade*, от прованс. *balada* – танцевать) – жанр, в основе которого лежит повествование с необычным историческим, легендарным, фантастическим или бытовым сюжетом. В это повествование, как правило, включён диалог (явный или скрытый), в нём нередко присутствуют также зачин и концовка. Характерная черта баллады – эмоциональная оценка изображаемых событий.

Жанр баллады возник в устном народном творчестве. Фольклорная баллада была особенно популярна в Англии и Шотландии XIV–XVI вв. На основе народных баллад или по их образцу писатели создавали собственные (литературные) баллады.

«Как не любить горячо этого поэта, которого каждый из нас с благодарностью признаёт своим воспитателем, развившим в его душе все благодарные семена высшей жизни, всё святое и заветное бытия? – писал о Жуковском литературный критик В.Г. Белинский. – Трепет объемлет душу при мысли о том, из какого ограниченного и пустого мира поэзии в какой бесконечный и полный мир ввёл он нашу литературу; каким содержанием обогатил и оплодотворил её». Эта высокая оценка сохраняет свою силу по сей день.



ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Расскажите о детских и юношеских годах В.А. Жуковского.
2. С какими видами деятельности поэт сочетал литературное творчество?
3. Какое значение для его поэзии имела переводческая работа?
4. **Работа в парах.** Обсудите программу нравственного самосовершенствования, разработанную В.А. Жуковским в юности. Какие из её пунктов вы считаете полезными для себя?
5. Дайте определение баллады.



Перед чтением. Какие народные обряды и поверья отразились в балладе?

СВЕТЛАНА

А.А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счётным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны¹.

Тускло светится луна
В сумраке тумана –
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: “Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо золотое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое²”».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть

В грусти одинокой.
Год промчался – вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слёзы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечкою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Лёгкою рукою;
Упадёт с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мёртвое молчанье;

¹ *Подблюдные песни* – жанр фольклора; исполняются во время святочных гаданий.

² *Аналой* – специальная подставка, на которую кладут крест, икону во время церковных обрядов, в том числе и венчания.





Ю.Сергеев. Гадание на суженого. Святки

Свечка трепетным огнём
Чуть лиёт сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонёк,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершия локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За её плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в её влетает слух
Тихий, лёгкий шёпот:
«Я с тобой, моя краса;
Укrotились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждёт
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поёт;

Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелкóвы.

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто всё вокруг,
Степь в очах Светланы:
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце веще дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке Божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил¹
Тускнет в фимиаме²;

¹ Паникади́ло – в православном храме свечная люстра.

² Фимиа́м – ароматический дым (при религиозных обрядах).



На середине чёрный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Вьётся над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Подымая гривы;
Брежит в поле огонёк;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони быстрые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и миг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться – следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилася;

И с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольёт дрожащий свет,
То опять затмится...
Всё в глубоком, мёртвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Лёгкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смогло всё опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мёртвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь – на лбу венец,
Затворёны очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладели...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Лёгкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишённый силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о Творец!
Милый друг её – мертвец!
Ах!.. и пробудилась.



Где ж?.. У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумным бьёт крылом петух,
День встречая пеньем;
Всё блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он –
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идёт...
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах

Милы разговоры.
Отворяйся ж, Божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава – нас учили – дым;
Свет – судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в Провиденье.
Благ Зиждителя¹ закон:
Здесь несчастье – лживый сон;
Счастье – пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, Создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснётся;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесётся
Мимо – Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь её светла,
Будь весёлость, как была,
Дней её подруга.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Кратко перескажите сюжет баллады В.А. Жуковского «Светлана».
2. Что привиделось героине произведения во время гадания? Какие чувства вызвали в ней увиденные картины? Подтвердите ответ цитатами.
3. В какой строфе автор выражает главную мысль стихотворения? Обоснуйте свой выбор.
4. Как относится автор к Светлане? Приведите соответствующие цитаты.
5. Почему все страшные события происходят во сне Светланы? Как это связано с общим замыслом баллады?
6. Как вы понимаете смысл таких строк стихотворения: «Лучший друг нам в жизни сей вера в Провиденье»? Согласны ли вы с этой мыслью? Объясните свою точку зрения.

¹ *Зиждитель* (у с т а р.) – Создатель.



Глава 2

ОТКРЫВАТЕЛЬ ОСТРОВОВ ДУХОВНЫХ СОКРОВИЩ

Литературная разминка

Вспомните известные вам произведения Р.Л. Стивенсона или их экранизации. Чем они вас заинтересовали?



Роберт Луис Стивенсон
(1850–1894)

Роберт Луис Стивенсон известен прежде всего как автор увлекательных приключенческих романов. Особенно любим читателями его «Остров Сокровищ», на основе которого были созданы замечательные кино- и мультипликационные фильмы. Однако далеко не все знают, что, кроме романов, Р.Л. Стивенсон писал ещё и стихи. И стихи эти по талантности ничуть не уступают его прозе. Им так же, как и романам, присущ дух романтики, которой писатель был верен как в творчестве, так и в жизни.

Р.Л. Стивенсон родился в столице Шотландии – Эдинбурге. Родители надеялись, что он продолжит семейную традицию и, следом за дедом и отцом, станет строителем маяков. Но юный Роберт Луис хотел присоединиться к тем, кто в штиль и шторм прокладывает путь, ориентируясь на свет маяка: его влекла романтика путешествий. Он мечтал о них с детства, когда, прикованный к постели болезнями, слушал сказки отца и няни или читал книги об удивительных странствиях. Эти фантазии не остались пустыми грёзами: став взрослым, писатель много путешествовал, открывая для себя другие страны и культурные традиции.

Неудивительно, что свой творческий путь Р.Л. Стивенсон начал с путевых заметок. В них отразились его впечатления от романтических путешествий по южным краям. Стивенсон писал стихи, баллады, рассказы, повести, романы. Особой популярностью пользуются его приключенческие книги – цикл рассказов о принце Флоризеле, а также романы «Остров Сокровищ», «Чёрная стрела», «Похищенный», «Катриона» и другие. Широкую известность получила также баллада Стивенсона «Вёресковый мёд», которая вошла в золотой фонд мировой поэзии. В этих и других произведениях писателя утверждается ценность справедливости, мужества, человеческого достоинства, веры в добро, в победу над жизненными невзгодами.

Во время одной из поездок по Европе Р.Л. Стивенсон встретил свою любовь – американку Фанни Осборн. Фанни была значительно старше его и имела детей от предыдущего брака, что, с точки зрения родителей писателя, служило серьёзным препятствием для женитьбы. Но, вопреки их воле, Стивенсон отправился к любимой в далёкую Калифорнию. Плавание через океан и последовавшая за ним поездка в глубь Американского континента едва не погубили тяжело больного Стивенсона. Зато он осуществил свою мечту – женился на женщине, без которой не мыслил жизни. И хотя материальное положение писателя было более чем скромным, каждый день, прожитый





Западный Самоа



Хижина из пальмового дерева

вместе с Фанни и её детьми, он воспринимал как щедрый подарок судьбы. Неудивительно, что неприязнительное жилище, в котором жила семья, в стихотворениях Стивенсона превращалось в роскошный дворец.

Последние годы писателя прошли на острове Самоа, расположенном в Тихом океане. Местные жители полюбили чужестранца, выучившего их язык и принимавшего деятельное участие в решении их проблем.

До конца жизни Р.Л. Стивенсон ощущал себя романтиком-странником. Это ощущение отразилось и в стихотворных строчках, выбитых на камне, что стоит на могиле писателя:

Под звёздным небом, на ветру,
Место последнее изберу.
Легко жил я, легко умру
И лечь в могилу готов.

На камне могильном напишите так:
«Здесь он хотел оставить знак,
С моря вернулся моряк,
И охотник вернулся с холмов».

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Что вам известно о детстве Р.Л. Стивенсона? Как сложилась жизнь писателя?
2. Как вы думаете, чем привлекали Р.Л. Стивенсона путешествия?
3. В каких литературных жанрах работал этот писатель? Назовите наиболее известные его произведения. Какие темы поднимал в своих сочинениях Р.Л. Стивенсон?



Перед чтением. Читая балладу «Вересковый мёд», обратите внимание на то, как автор выражает своё отношение к героям и к описываемым событиям.

ВЕРЕСКОВЫЙ МЁД

Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще мёда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьёй
Малютки-медовары
В пещерах под землёй.

Пришёл король шотландский,
Безжалостный к врагам,

Прогнал он бедных пиктов¹
К скалистым берегам.

На вересковом поле,
На поле боевом,
Лежал живой на мёртвом
И мёртвый – на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветёт,
Но некому готовить
Вересковый мёд.

¹ *Пикты* – древнейший из известных народов, населявших Шотландию.





Иллюстрации В. Бордзиловского

В своих могилках тесных,
В горах родной земли
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо:
«Опять в краю моём
Цветёт медвяный вереск,
А мёда мы не пьём!»

Но вот его вассалы¹
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, –
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнёс.

Сидел король шотландский,
Не шевелясь, в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
«Пытка обоих ждёт,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мёд!»

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

И вдруг голосок раздался:
«Слушай, шотландский король.
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволю!»

Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну!» –
Карлик сказал королю.

Голос его воробьиный
Резко и чётко звучал:
«Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!»

Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочём.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нём.

Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод –
И я научу шотландцев
Готовить старинный мёд!..»

¹ *Вассал* – здесь: подчинённый, зависимый.



Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись.
Замер последний крик...
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик:

«Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костёр не страшен.
Пускай со мной умрёт
Моя святая тайна –
Мой вересковый мёд!»

Перевод С. Маршака

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какое впечатление произвела на вас прочитанная баллада? Что вам в ней понравилось?
2. В каких строфах раскрывается жестокость, с которой шотландский король уничтожал пиктов?
3. Почему отец и сын отказались выдать секрет королю? Не слишком ли высокую, по вашему мнению, цену они заплатили за эту тайну? Правильно ли поступил старик, попросив короля сбросить юного медовара со скалы?
4. Как вы думаете, почему юный медовар не участвует в разговоре с королём?
5. В переводе, который вы прочли, даётся следующая характеристика голоса старого медовара: «Голос его воробьиный Резко и чётко звучал...». Как вы считаете, что подчёркивает эта характеристика: слабость героя или его силу?
6. Кому из героев автор симпатизирует? Подкрепите свой ответ цитатами.
7. Можно ли назвать поведение медоваров героическим? Аргументируйте своё мнение.
8. **Пофантазируйте!** Представьте, что король оставил юного пикта в живых. Как в этом случае могли бы развиваться события?
9. **Творческое задание.** Подготовьте материалы для инсценировки баллады: описание места действия, декораций, костюмов. Воспользуйтесь иллюстрациями (с. 34, 38).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАВИГАТОР

Баллады

Одна из самых знаменитых баллад была написана *Фридрихом Шиллером* (1759–1805) – выдающимся немецким поэтом, драматургом, философом, теоретиком искусства, автором «Оды к радости», которая была положена в основу гимна Европейского Союза. Всё творчество этого писателя было пронизано пафосом борьбы за свободу и достоинство личности, в том числе и баллада «Перчатка».

Её главный герой, рыцарь Делорж, был легендарной личностью. В балладе рассказывается о том, как во время развлечений королевского двора перчатка возлюбленной Делоржа упала на манеж с дикими зверями и жестокая красавица предложила влюблённому рыцарю вернуть утраченную деталь наряда...



Иллюстрация И. Кускова



Вопросы и задания для самостоятельной работы над произведением

1. Как характеризуют короля и его двор изображённые в балладе развлечения?
2. Какие нравственные качества Делоржа раскрылись в его поступке? Можно ли назвать этот поступок рыцарским?
3. Как раскрывается грозная сила зверей? Почему автор баллады подчёркивает эту силу?
4. Перечитайте строки, в которых рассказывается, как на арену упала перчатка. Случайно ли уронила её красавица? Почему Делорж решил её поднять?
5. Балладу Ф. Шиллера переводили В.А. Жуковский и М.Ю. Лермонтов. Прочитайте их переводы и сравните. В чём различия между ними? Какой вариант перевода вам нравится больше? Почему?
6. Как вы думаете, можно ли использовать «Портрет рыцаря с красной повязкой» А. Ван Дейка (1599–1641) и «Портрет молодой дамы» Л. Кранаха Старшего (1472–1553) в качестве иллюстраций к балладе «Перчатка»? Аргументируйте своё мнение.



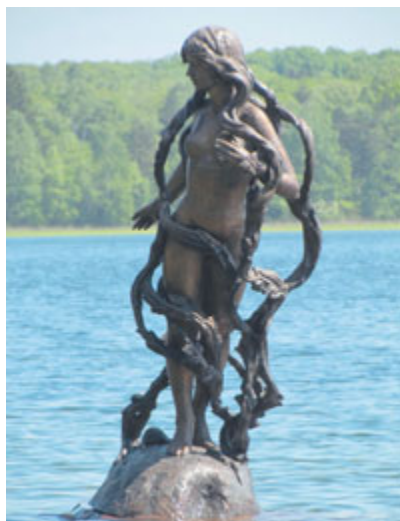
А. Ван Дейк.

Портрет рыцаря с красной повязкой



Л. Кранах Старший.

Портрет молодой дамы



Свитязянка (скульптор В. Тербун)

Ряд замечательных баллад принадлежит перу польского поэта *Адама Мицкевича* (1798–1855), признанного родоначальником национальной классической лирики и «духовным отцом» своего народа. В своём творчестве он выступал в качестве непреклонного борца за идеалы свободы и защитника права народа на собственный путь в истории. Пример тому – баллада «Свитязь».

Много лет таинственное озеро Свитязь наводило страх на людей, живших на его берегах. Редкий смельчак отваживался приблизиться к нему в глухую пору. Но однажды такой смельчак нашёлся. По его приказу в озеро был заброшен невод, и из глубины озера на берег была извлечена женщина. Она поведала невероятную историю...



Вопросы и задания для самостоятельной работы над произведением

1. Найдите в тексте баллады географические названия и образы растительного мира, которые придадут произведению реалистические черты.
2. Определите фантастические элементы в сюжете прочитанного произведения.
3. Сформулируйте основную мысль баллады. Какие художественные детали её подчёркивают?
4. Раскройте символический смысл образа озера Свитязь.



Темы и образы литературных баллад



Баллада В.А. Жуковского «Светлана» вдохновила выдающегося русского художника *Карла Брюллова* (1799–1852) на создание картины, в которой была запечатлена сцена гадания. Это полотно так и называется: «**Гадающая Светлана**». Крупным планом на картине изображена девушка, которая с тревогой всматривается в своё отражение. Художник



К. Брюллов. Гадающая Светлана



тщательно выписал детали народного костюма, в который одета Светлана, но основное внимание уделил её настроению и общей атмосфере таинственности, характерной для обряда гадания. Этому способствуют контрасты тьмы, окружающей героиню, и мягкого света свечи, озаряющего её лицо и плечи. Картину можно считать параллелью к балладе В.А. Жуковского, но вместе с тем она является самостоятельным произведением.

1. Рассмотрите репродукцию картины К. Брюллова «Гадающая Светлана». Какой момент гадания, по вашему мнению, запечатлел художник?
2. О чём думает девушка, изображённая на картине? Какие чувства испытывает она в этот момент?



По балладе Р.Л. Стивенсона «Вересковый мёд» в 1974 году мультипликаторами Киевской киностудии научно-популярных фильмов был создан талантливый мультфильм. В нём поднимаются вопросы чести, достоинства, смысла жизни и, конечно, нравственного выбора. Режиссёру Ирине Гурвич удалось по-новому рассказать историю о человеке, который был готов умереть за свои идеалы и пожертвовать ради них даже собственным сыном. С убедительной художественной силой мультипликаторы передали не только трагедию маленького народа пиктов, но и судьбы тех народов, которые отстаивают свою независимость.



Кадры из мультфильма «Вересковый мёд» (режиссёр И. Гурвич)

1. Посмотрите мультфильм «Вересковый мёд». Чем его сюжет отличается от одноимённой баллады Р.Л. Стивенсона?
2. Как бы вы изобразили героев этой баллады, если бы были кинорежиссёром?

ИТОВЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Укажите основные черты жанра баллады.
2. Какое необычное событие положено в основу сюжета баллады В.А. Жуковского «Светлана»? Благодаря чему в балладе создаётся романтическая атмосфера?
3. Сформулируйте основную мысль баллады «Вересковый мёд» Р.Л. Стивенсона.
4. Как, согласно определению жанра баллады, вы бы охарактеризовали сюжет стихотворения «Вересковый мёд» – как исторический, фантастический, легендарный или бытовой?
5. Сравните баллады «Вересковый мёд» Р.Л. Стивенсона и «Светлана» В.А. Жуковского. Как в этих произведениях проявляется авторское отношение к событиям и героям?
6. **Творческое задание.** Напишите сочинение на тему «Таинственный мир баллад».



**РАЗДЕЛ
ТРЕТИЙ**

**ИЗ ЗОЛОТОГО ФОНДА
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**



Глава 1

«ДАНА МНЕ ЛИРА ОТ БОГОВ...»

«Будь молод в юности твоей!»

Литературная разминка

Что вам известно о жизни и творчестве А.С. Пушкина? Какие произведения этого поэта вы уже читали?



Александр Сергеевич
Пушкин (1799–1837)

«Мы чтить тебя привыкли с юных лет...» – такими словами начинает своё стихотворение «Памяти Пушкина» А.Н. Плещеев. Действительно, в жизнь каждого из нас Пушкин входит с ранних лет, когда мы знакомимся с его сказками. В школьные годы мы открываем другого Пушкина – гениального поэта и прозаика, основоположника классической русской литературы XIX в. «У нас ведь всё от Пушкина», – сказал как-то русский писатель Ф.М. Достоевский, тем самым подчеркнув роль первооткрывателя, выпавшую на долю этого поэта. Но, воздавая дань глубокого уважения поэзии Пушкина, важно помнить, что блеск её не должен затмить личности художника – не менее яркой, чем его слава.

С детских лет Александр удивлял окружающих своими поэтическими способностями, насмешливым и независимым умом, пылким нравом. Эти черты выделяли его и среди воспитанников Царскосельского лицея – престижного учебного заведения для избранных дворянских детей. И хотя по ряду дисциплин юный Пушкин отнюдь не радовал наставников прилежанием, Лицей по праву мог гордиться его творческими успехами, получившими признание самых авторитетных литераторов того времени.

Важную роль в жизни поэта сыграл В.А. Жуковский. В его лице Пушкин неизменно находил помощь и поддержку. Жуковский относился к нему как любящий старший брат, однако не подчёркивал своего старшинства. Напротив, он искренне восхищался творческими удачами младшего собрата по перу и с лёгким сердцем признавал превосходство пушкинского поэтического дара над своим. В.А. Жуковский ввёл Пушкина в литературное общество «Арзамас». Общение с «арзамасцами» (особенно в ту пору, когда среди них появились вольнодумцы, высказывавшиеся о необходимости изменения политического строя в России) способствовало творческому развитию молодого поэта и оказало значительное влияние на его мировоззрение.

Под знаком возрастающего политического свободомыслия прошли первые три года послелицейской жизни Пушкина, совпавшие с особым периодом в русской истории. Победа над Наполеоном пробудила в обществе сознание собственной силы, жажду деятельности и чувство протеста против крепостничества, которое было позором страны. В молодом поколении дворян появилось немало рыцарей идеи свободы, готовых вступить в борьбу





С. Госсе по оригиналу А. Тона. Царское Село.
Вид на Лицей. Литография



Субботнее собрание
у Жуковского. Фрагмент.
Ученики школы Венецианова

с царским правительством и пожертвовать собой ради изменения политического строя. Со многими из них А.С. Пушкин тесно общался, и свободомыслие отражалось в его стихах. Показательно, что в написанном тогда стихотворении с красноречивым названием «Вольность» поэт демонстративно отказывался от любовной поэзии в пользу вольнолюбивой музыки. А в другом произведении того же периода он чистосердечно заявлял:

Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рождён царей забавить
Стыдливой музою моей.

Подобные стихи отвечали главным умонастроениям и духовным потребностям прогрессивно мыслящей части дворянского общества. Однако нашлись завистливые недоброжелатели, доносившие царскому правительству о «возмутительных сочинениях, высказываниях и выходках» поэта. Последствия не заставили себя ждать: над Пушкиным нависла угроза ссылки. Только благодаря заступничеству влиятельных друзей он был сослан не в Сибирь, а на юг. В период изгнания, длившийся с 1820 по 1824 г., поэт много путешествовал, в том числе побывал в Крыму, Чернигове, Екатеринославе (ныне Днепропетровск), Одессе... Побывал Пушкин и на Кавказе, некоторое время жил в Кишинёве. Но ни изнурительные скитания, ни постоянные денежные затруднения, ни сомнительное положение изгнанника не сломили свободный дух поэта. И в ссылке он продолжал общаться с благородными вольнодумцами и сочинять бунтарские стихи. Именно в эти годы, по словам литературоведа Ю.М. Лотмана, «...имя Пушкина сделалось известным всей читающей России», а сам Пушкин стал «кумиром романтической молодёжи».



Памятник А. Пушкину
в Одессе
(скульптор А. Токарев)

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Какое место занимает творчество А.С. Пушкина в истории русской литературы?
2. Как сложились отношения Пушкина с Жуковским? Что дала эта дружба молодому поэту?
3. Чем было вызвано решение царского правительства отправить Пушкина в ссылку? Где побывал поэт за время изгнания?

По страницам лирики А.С. Пушкина

Сложные чувства испытывал поэт во время южной ссылки. Гонения не пошатнули его веры в идеалы свободы и силу протеста против царского режима. Новые края обогатили Пушкина яркими впечатлениями, встречами с интересными людьми, богатыми любовными переживаниями. Всё это составляло светлую сторону опыта южной ссылки. Однако была в нём и тёмная сторона. Вдали от бурной столичной жизни, пребывая под надзором властей, Пушкин остро ощущал ограниченность своей свободы. Нередко он чувствовал себя настоящим узником. Это чувство поэт выразил в стихотворении, которое так и назвал – «Узник». Оно стало классическим произведением *русской гражданской лирики*. Со временем на основе этого стихотворения сложилась народная песня.



Перед чтением. Подумайте, почему стихотворение «Узник» написано от первого лица.

УЗНИК

Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном,

Клюёт, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!»

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Каким настроением проникнуто стихотворение «Узник»? В каких его строках звучит призыв к свободе?
2. Какую роль в стихотворении играет образ орла? Какие человеческие свойства приписывает этому образу поэт?
3. В каких строках образы орла и узника соединяются в единое «мы»? Раскройте смысл такого соединения. Объясните, к кому относится название стихотворения «Узник».
4. Раскройте роль повтора слова *туда* в третьей строфе.
5. Обратите внимание на образы природы, которые включены в картину свободной жизни (последняя строфа). Почему, по вашему мнению, поэт задействовал здесь именно эти образы? А каким представляете «край свободы» вы? Опишите его (устно).



Вольнолюбивая лирика составляет лишь часть поэтического мира А.С. Пушкина. Значительное место в нём занимает *пейзажная* и *любовная поэзия*. Ряд пушкинских стихотворений посвящён философским размышлениям о жизни и смерти, превратностях судьбы и беге времени. Такие стихотворения принято называть *философской лирикой*. Впрочем, подобные размышления звучат не только в философской поэзии этого автора; склонность к ним является характерной чертой пушкинского *лирического героя*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Лирический герой – это образ поэта в лирике, художественный «двойник» автора, который обладает определёнными чертами характера, а иногда – и индивидуальной судьбой. Между лирическим героем и автором существует сходство, однако в этот образ, как и в любой другой, автор привносит элементы художественного вымысла. Поэтому не следует думать, будто лирический герой и автор – это одно и то же лицо.



Перед чтением. Подумайте, что можно сказать о лирическом герое стихотворений «Птичка», «Цветок», «Если жизнь тебя обманет...».

ПТИЧКА

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. О каком «светлом празднике весны» идёт речь в стихотворении?
2. Охарактеризуйте душевное состояние лирического героя. В каких строках чувствуется отголосок его личной внутренней драмы?
3. Какие детали передают вольнолюбивый характер лирического героя?
4. Объясните значение слов и выражений *свято наблюдаю*, *стал доступен утешенью*, *роптать*.
5. Подготовьтесь к выразительному чтению. Обратите внимание на настроение, выраженное в поэтическом тексте, и ритм, присущий произведению.

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвёл? когда? какой весною?
И долго ль цвёл? и сорван кем?
Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?





Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смиришь:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какое событие описывается в стихотворении «Цветок»? Как это событие переживается лирическим героем, на какие размышления его наталкивает?
2. Выделите в череде вопросов лирического героя те, что нацелены на осмысление человеческих отношений и человеческой судьбы.
3. В чём, по вашему мнению, заключается философский смысл уподобления человеческой жизни засохшему цветку (четвёртая строфа)?
4. Какие советы даёт поэт в стихотворении «Если жизнь тебя обманет...»? Полезны ли такие советы лично для вас?
5. Что вы можете сказать о характере лирического героя прочитанных стихотворений? Как он воспринимает жизнь?
6. **Творческое задание.** Придумайте историю засохшего цветка. Сочиняя её, постарайтесь использовать как можно больше вопросов, заданных лирическим героем.
7. Выучите наизусть любое из помещённых в этой главе стихотворений А.С. Пушкина.

По страницам прозы А.С. Пушкина

Литературная разминка

Чем повесть отличается от рассказа и романа? Назовите повести, изученные вами в предыдущих классах. Вспомните автора, который в своём сборнике повестей воспользовался литературной маской «пасичника Рудого Панька». Что дала ему эта маска? А как назывался этот сборник?

Осень 1830 г. Пушкин проводил в родовом имении Болдино. Этот период стал самым продуктивным в его творчестве. В течение нескольких месяцев он написал целый ряд произведений, совершенных по своему художественному исполнению. В их числе – цикл «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», одна из вершин русской классической прозы.



ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА



Цикл (от греч. *kyklos* – круг) – группа произведений (стихотворений, рассказов, повестей и т.д.), объединённых автором в одно целое. Между этими произведениями существует внутренняя связь, которая важна для понимания их общего замысла.

В цикле повестей Белкина Пушкин прибегнул к розыгрышу: он использовал литературную маску вымышленного помещика Белкина, перу которого якобы принадлежат вошедшие в книгу повести. За собой же писатель оставил роль скромного «издателя», в чьи руки якобы случайно попала рукопись этого помещика. Для большей убедительности в предисловии к книге Пушкин поместил краткое жизнеописание Белкина. Согласно ему, Иван Петрович Белкин, умерший в 30-летнем возрасте, был милейшим человеком, который в деревенской тиши сочинял повести, не помышляя о



том, чтобы представить их на суд читающей публики. После смерти Белкина, гласит жизнеописание, большая часть его архива была употреблена на хозяйственные нужды. Чудом уцелевшая рукопись «Повестей...» неведомо какими путями попала к «издателю», посчитавшему её достойной публикации. Такой, по версии Пушкина, была предыстория этой книги.

Цикл «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» состоит из пяти произведений: «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка». Они очаровывают своей простотой и лёгкостью. Но за этим безыскусным очарованием скрывается весьма искусное владение разнообразными художественными приёмами, которое, в частности, проявляется в *мастерской композиции* каждой из повестей.



ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА



Композиция – это построение художественного произведения, обусловленное его содержанием и жанром.

Главной пружиной композиции в каждом произведении пушкинского цикла выступает *интрига*.

Интрига (франц. *intrigue*-, от лат. *intrico* – запутываю) – сложное и напряжённое сплетение действий персонажей, которые для достижения своих целей прибегают к уловкам и сокрытию своих намерений. Интрига характерна для приключенческих сюжетов.



Перед чтением. Вспомните содержание библейской притчи о блудном сыне. Читая повесть, отметьте, в чём её сюжет перекликается с упомянутой притчей.

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

(Из «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина»)

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.
Князь Вяземский

Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подъячим или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем, однако, справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса¹, ограждённый своим чином только от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днём, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут – а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей?.. Боже! какие ругательства,

¹ См. «Комментарий архивариуса» на с. 54–55.



какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принуждён он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздражённого постояльца. Приезжает генерал; дрожащий смотритель отдаёт ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут – колокольчик!.. и фельдъегерь¹ бросает ему на стол свою подорожную²!.. Вникнем во всё это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Ещё несколько слов: в течение двадцати лет сряду извездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого зрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие станционных зрителей представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные зрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров (коиими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь чиновника 6-го класса, следующего по казённой надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия зрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нём-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади. Вследствие сего зрители со мною не церемонились, и часто брал я с бою то, что, во мнении моём, следовало мне по праву. Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие зрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин чина почитай*, ввелось в употребление другое, например, *ум ума почитай*? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь к моей повести.

День был жаркий. В трёх верстах от станции *** стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. По приезде на станцию, первая забота была поскорее переодеться, вторая спросить себе чаю. «Эй, Дуня! – закричал зритель, – поставь самовар да сходи за сливками». При сих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота её меня поразила. «Это твоя дочка?» – спросил я зрителя. «Дочка-с, – отвечал он с видом довольного

¹ *Фельдъегерь* – правительственный курьер.

² *Подорожная* – бумага на право проезда.





Посёлок Выра. Музей «Дом станционного смотрителя»

самолюбия, – да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать». Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына: в первой почтенный старик в колпаке и шляфорке¹ отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окружённый ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасёт свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шляфорке выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочёл я приличные немецкие стихи. Всё это донныне сохранилось в моей памяти, также как и горшки с бальзаминном, и кровать с пёстрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зелёный сюртук с тремя медалями на полинялых лентах.

Не успел я расплатиться со старым моим ямщиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведённое ею на меня; она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу её стакан пуншу²; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы.

¹ Шляфорк – спальная одежда, халат.

² Пунш – спиртной напиток из рома с водой, сахаром, лимонным соком или фруктами (употребляется обычно в горячем виде).



Лошади были давно готовы, а мне всё не хотелось расстаться с зрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сенях я остановился и просил у ней позволения её поцеловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцелуев, «с тех пор, как этим занимаюсь», но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я вспомнил дочь старого зрителя и обрадовался при мысли, что увижу её снова. Но, подумал я, старый зритель, может быть, уже сменён; вероятно, Дуня уже замужем. Мысль о смерти того или другого также мелькнула в уме моём, и я приближался к станции *** с печальным предчувствием.

Лошади стали у почтового домика. Вошед в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было цветов, и всё кругом показывало ветхость и небрежение. Зритель спал под тулупом; мой приезд разбудил его; он привстал... Это был точно Самсон Вырин; но как он постарел! Покамест собирался он переписать мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно небритого лица, на сгорбленную спину – и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика. «Узнал ли ты меня? – спросил я его, – мы с тобою старые знакомые». – «Может статься, – отвечал он угрюмо, – здесь дорога большая; много проезжих у меня перебивало». – «Здорова ли твоя Дуня?» – продолжал я. Старик нахмурился. «А Бог её знает», – отвечал он. «Так, видно, она замужем?» – сказал я. Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса, и продолжал шепотом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и велел поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш разрешит язык моего старого знакомого.

Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. Я заметил, что ром прояснил его угрюмость. На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил или показал вид, будто бы вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня заняла и тронула.

«Так вы знали мою Дуню? – начал он. – Кто же и не знал её? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили её, та платочком, та серёжками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать, аль отужинать, а в самом деле только чтоб на неё подолее поглядеть. Бывало барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались. Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала. А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житьё? Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать». Тут он стал подробно рассказывать мне своё горе. – Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда зритель разлиёвывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в черкес-





Иллюстрации М. Добужинского

ской шапке, в военной шинели, окутанный шалью, вошёл в комнату, требуя лошадей. Лошади все были в разгоне. При сём известии путешественник возвысил было голос и нагайку¹; но Дуня, привыкшая к таковым сценам, выбежала из-за перегородки и ласково обратилась к проезжему с вопросом: не угодно ли будет ему чего-нибудь покушать? Появление Дуни произвело обыкновенное своё действие. Гнев проезжего прошёл; он согласился ждать лошадей и заказал себе ужин. Сняв мокрую, косматую шапку, отпугав шаль и сдёрнув шинель, проезжий явился молодым, стройным гусаром с чёрными усиками. Он расположился у смотрителя, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью. Подали ужинать. Между тем лошади пришли, и смотритель приказал, чтоб тотчас, не кормя, запрягли их в кибитку² проезжего; но возвратясь, нашёл он молодого человека почти без памяти лежащего на лавке: ему сделалось дурно, голова разболелась, невозможно было ехать... Как быть! смотритель уступил ему свою кровать, и положено было, если больному не будет легче, на другой день утром послать в С*** за лекарем.

На другой день гусару стало хуже. Человек его поехал верхом в город за лекарем. Дуня обвязала ему голову платком, намоченным уксусом, и села с своим шитьём у его кровати. Больной при смотрителе охал и не говорил почти ни слова, однако ж выпил две чашки кофе и охая заказал себе обед. Дуня от него не отходила. Он поминутно просил пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленного лимонада. Больной обмакивал губы и всякий раз, возвращая кружку, в знак благодарности слабою своей рукою пожимал Дунюшкину руку. К обеду приехал лекарь. Он пощупал пульс больного, поговорил с ним по-немецки, и по-русски объявил, что ему нужно одно спокойствие и что дни через два ему можно будет отправиться в дорогу. Гусар вручил ему двадцать пять рублей за визит, пригласил его отобедать; лекарь согласился; оба ели с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольны друг другом.

Прошёл ещё день, и гусар совсем оправился. Он был чрезвычайно весел, без умолку шутил то с Дуню, то с смотрителем; насвистывал песни,

¹ *Нага́йка* – короткая ременная плеть, которой погоняют лошадей.

² *Кибитка* – крытая дорожная повозка.



разговаривал с проезжими, вписывал их подорожные в почтовую книгу, и так полюбился доброму зрителю, что на третье утро жаль было ему расстаться с любезным своим постояльцем. День был воскресный; Дуня собиралась к обеду. Гусару подали кибитку. Он простился с зрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дуней и вызвался довести её до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении... «Чего же ты боишься? – сказал ей отец, – ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви». Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок, ямщик свистнул, и лошади поскакали.

Бедный зритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепление, и что тогда было с его разумом. Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть, и беспокойство овладело им до такой степени, что он не утерпел и пошёл сам к обеду. Подходя к церкви, увидел он, что народ уже расходился, но Дуни не было ни в ограде, ни на паперти¹. Он поспешно вошёл в церковь: священник выходил из алтаря; дьячок гасил свечи, две старушки молились ещё в углу; но Дуни в церкви не было. Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что не бывала. Зритель пошёл домой ни жив ни мёртв. Одна оставалась ему надежда: Дуня по ветрености молодых лет вздумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила её крёстная мать. В мучительном волнении ожидал он возвращения тройки, на которой он отпустил её. Ямщик не возвращался. Наконец к вечеру приехал он один и хмельён, с убийственным известием: «Дуня с той станции отправилась далее с гусаром».

Старик не снёс своего несчастья; он тут же слёг в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь зритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная. Бедняк занемог сильной горячкою; его свезли в С*** и на его место определили на время другого. Тот же лекарь, который приезжал к гусару, лечил и его. Он уверил зрителя, что молодой человек был совсем здоров и что тогда ещё догадывался он о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки. Правду ли говорил немец или только желал похвастаться дальновидностью, но он нимало тем не утешил бедного больного. Едва оправаясь от болезни, зритель выпросил у С*** почтмейстера отпуск на два месяца и, не сказав никому ни слова о своём намерении, пешком отправился за своею дочерью. Из подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург. Ямщик, который вёз его, сказывал, что всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по своей охоте. «Авось, – думал зритель, – приведу я домой заблудшую овечку мою». С этой мыслию прибыл он в Петербург, остановился в Измайловском полку, в доме отставного унтер-офицера, своего старого сослуживца, и начал свои поиски. Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живёт в Демутовом трактире. Зритель решился к нему явиться.

Рано утром пришёл он в его переднюю и просил доложить его высокоблагородию, что старый солдат просит с ним увидеться. Военный лакей,

¹ Паперть – крыльцо, площадка перед входом в церковь.



чистя сапог на колодке, объявил, что барин почивает и что прежде одиннадцати часов не принимает никого. Смотритель ушёл и возвратился в назначенное время. Минский вышел сам к нему в халате, в красной скуфье¹. «Что, брат, тебе надобно?» – спросил он его. Сердце старика закипело, слёзы навернулись на глазах, и он дрожащим голосом произнёс только: «Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую Божескую милость!..» Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повёл в кабинет и запер за собою дверь. «Ваше высокоблагородие! – продолжал старик, – что с возу упало, то пропало: отдайте мне по крайней мере бедную мою Дуню. Ведь вы натешились ею; не погубите ж её понапрасну». – «Что сделано, того не воротить», – сказал молодой человек в крайнем замешательстве, – виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе её? Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни ты, ни она – вы не забудете того, что случилось». Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава свёрток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти- и десятирублёвых смятых ассигнаций². Слёзы опять навернулись на глазах его, слёзы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблучком и пошёл... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: «Пошёл!..» Смотритель за ним не погнался. Он решил отправиться домой на свою станцию, но прежде хотел хоть раз ещё увидеть бедную свою Дуню. Для сего дни через два воротился он к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней и хлопнул двери ему под нос. Смотритель постоял, постоял – да и пошёл.

В этот самый день, вечером, шёл он по Литейной, отслужив молебен у Всех Скорбящих. Вдруг промчались перед ним щегольские дрожки, и смотритель узнал Минского. Дрожки остановились перед трёхэтажным домом, у самого подъезда, и гусар вбежал на крыльцо. Счастливая мысль мелькнула в голове смотрителя. Он воротился и, поравнявшись с кучером: «Чья, брат, лошадь? – спросил он, – не Минского ли?» – «Точно так, – отвечал кучер, – а что тебе?» – «Да вот что: барин твой приказал мне отнести к его Дуне записочку, а я и позабудь, где Дуня-то его живёт». –

¹ Скуфья – круглая шапочка.

² Ассигнация – бумажные деньги.



Иллюстрация П. Мещерякова



«Да вот здесь, во втором этаже. Опоздал ты, брат, с твоей запиской; теперь уж он сам у неё». – «Нужды нет, – возразил смотритель с неизъяснимым движением сердца, – спасибо, что надоумил, а я своё дело сделаю». И с этим словом пошёл он по лестнице.

Двери были заперты; он позвонил, прошло несколько секунд в тягостном для него ожидании. Ключ загремел, ему отворили. «Здесь стоит Авдотья Самсоновна?» – спросил он. «Здесь, – отвечала молодая служанка, – зачем тебе её надобно?» Смотритель, не отвечая, вошёл в залу. «Нельзя, нельзя! – закричала вслед ему служанка, – у Авдотьи Самсоновны гости». Но смотритель, не слушая, шёл далее. Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь. Он подошёл к растворённой двери и остановился. В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своём английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая чёрные его кудри на свои сверкающие пальцы. Бедный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался. «Кто там?» – спросила она, не подымая головы. Он всё молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковёр. Испуганный Минский кинулся её подымать и, вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню и подошёл к нему, дрожа от гнева. «Чего тебе надобно? – сказал он ему, стиснув зубы, – что ты за мною всюду крадёшься, как разбойник? или хочешь меня зарезать? Пошёл вон!» – и сильной рукою, схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу.

Старик пришёл к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукой и решил отступить. Через два дни отправился он из Петербурга обратно на свою станцию и опять принялся за свою должность. «Вот уже третий год, – заключил он, – как живу я без Дуни и как об ней нет ни слуху ни духу. Жива ли, нет ли, бог её ведаёт. Всяко случается. Не её первую, не её последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь, да пожелаешь ей могилы...»

Таков был рассказ приятеля моего, старого смотрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами, которые живописно отирал он своею полою, как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева¹. Слёзы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов в продолжение своего повествования; но как бы то ни было, они сильно тронули моё сердце. С ним расставшись, долго не мог я забыть старого смотрителя, долго думал я о бедной Дуне...

Недавно ещё, проезжая через местечко ***, вспомнил я о моём приятеле; я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: «Жив ли старый смотритель?» – никто не мог дать мне удовлетворительного ответа. Я решил посетить знакомую сторону, взял вольных лошадей и пустился в село Н.

¹ Имеется в виду стихотворение И.И. Дмитриева «Отставной вахмистр» (*váx-mistr* – унтер-офицер кавалерии).



Это случилось осенью. Серенькие тучи покрывали небо; холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и жёлтые листья со встречных деревьев. Я приехал в село при закате солнца и остановился у почтового домика. В сени (где некогда поцеловала меня бедная Дуня) вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель с год как помер, что в доме его поселился пивовар, а что она жена пивоварова. Мне стало жаль моей напрасной поездки и семи рублей, издержанных даром. «Отчего ж он умер?» – спросил я пивоварову жену. «Спился, батюшка», – отвечала она. «А где его похоронили?» – «За околицей, подле покойной хозяйки его». – «Нельзя ли довести меня до его могилы?» – «Почему же нельзя. Эй, Ванька! полно тебе с кошкой возиться. Проводи-ка барина на кладбище да укажи ему смотрителю могилу».



Иллюстрация А. Ванецяна

При сих словах оборванный мальчик, рыжий и кривой, выбежал ко мне и тотчас повёл меня за околицу.

– Знал ты покойника? – спросил я его дорогой.

– Как не знать! Он выучил меня дудочки вырезывать. Бывало (царство ему небесное!), идёт из кабака, а мы-то за ним: «Дедушка, дедушка! орешков!» – а он нас орешками и наделяет. Всё, бывало, с нами возится.

– А проезжие вспоминают ли его?

– Да ноне мало проезжих; разве заседатель завернёт, да тому не до мёртвых. Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу.

– Какая барыня? – спросил я с любопытством.

– Прекрасная барыня, – отвечал мальчишка, – ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с чёрной моською¹; и как ей сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала и сказала детям: «Сидите смирно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести её. А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю». И дала мне пятак серебром – такая добрая барыня!..

Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не ограждённое, усеянное деревянными крестами, не осенёнными ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища.

– Вот могила старого смотрителя, – сказал мне мальчик, вспрыгнув на грудь песку, в которую врыт был чёрный крест с медным образом².

– И барыня приходила сюда? – спросил я.

¹ Моська – мопс; маленькая собачка.

² Образ – то же, что икона.



– Приходила, – отвечал Ванька, – я смотрел на неё издали. Она легла здесь и лежала долго. А там барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром – славная барыня!

И я дал мальчишке пятак и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Расскажите о жизни Выриных до того дня, когда в их доме появился гусар. В каких деталях раскрывается беззаветная любовь отца к дочери? Разделяла ли Дуня это чувство?
2. К какой хитрости прибегнул офицер для того, чтобы похитить дочь станционного смотрителя? Какую роль в этом событии, по вашему мнению, сыграла сама Дуня? В чём заключалась жестокость её поступка?
3. Как подействовал на Вырина побег дочери? Почему он отправился на поиски Дуни?
4. Расскажите о визите Самсона Вырина к Минскому. Как повёл себя офицер во время этой встречи? Чем он мотивировал свой отказ? Найдите соответствующую цитату и дайте ей оценку. Как вы думаете, из каких побуждений Минский при прощании дал Вырину денег? Как поступил с ними отец девушки?
5. Убедившись, что дочь живёт в благополучии и любви, Вырин мог бы утешиться, однако этого не произошло. Что его тревожило? В чём заключалась непоправимость его горя?
6. Как переживания Самсона Вырина отразились на его внешности? Найдите соответствующие цитаты.
7. Проследите за изменениями, которые происходят с жилищем станционного смотрителя. Что они подчёркивают?
8. Раскаивалась ли Дуня в своём поступке? Обоснуйте ответ цитатами из текста.
9. Кому из героев повести вы больше всего сочувствуете? Почему?
10. В образе станционного смотрителя А.С. Пушкин изобразил «маленького человека», который занимает низкое положение в обществе и чувствует себя беззащитным перед теми, кто наделён силой и властью. Что вы можете сказать о внутреннем мире этого героя?
11. Возможно, прочитанная повесть побудила вас переосмыслить свои отношения с родителями. Что именно она помогла вам осознать? Какой нравственный урок вы можете извлечь для себя из истории Самсона Вырина?
12. В чём состоит интрига «Станционного смотрителя»? Когда она возникает? А когда наступает её окончательная развязка?
13. Раскройте связь идеи повести «Станционный смотритель» с притчей о блудном сыне; определите общие и отличные элементы в сюжетах данных произведений. В каком эпизоде пушкинской повести эта связь открыто проявляется?
14. Что вы можете сказать о характере повествователя и его отношении к главному герою истории? Какие чувства повествователь стремится пробудить в читателе?
15. Перечитайте эпиграф. Как он соотносится с содержанием повести?
16. **Творческое задание.** Каждый читатель открывает своего Пушкина. Поэтесса Марина Ивановна Цветаева так и озаглавила свои размышления о нём: «Мой Пушкин». А как воспринимаете этого поэта вы? Подготовьте небольшое сочинение на тему «Мой Пушкин».

Комментарий архивариуса

В царской России существовал список всех чинов («Табель о рангах»), включавший 14 классов. Этот документ чётко закреплял место каждого чина на общественной лестнице: под первыми номерами в нём значились самые весомые и почётные, под последними – малозначительные. Скажем, *коллежский асессор* принадлежал к восьмому классу (то есть находился приблизительно в середине списка), *статский советник* – к пя-



тому, *тайный советник* – к третьему, *действительный тайный советник* – ко второму. *Коллежский регистратор* – чиновник четырнадцатого класса, то есть низшего разряда. В зависимости от класса определялось и положение человека в обществе. Поэтому отношения между людьми нередко строились в соответствии с дистанцией между разными классами, обозначенной в «Табели о рангах». Это создавало основу для нездоровой, недемократичной атмосферы в обществе, для процветания в нём фальши, раболепия, бездушного карьеризма, всевозможных форм унижения личности.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАВИГАТОР

А.С. Пушкин «Метель»

«**Метель**» считается самой поэтической повестью цикла «Повести Белкина». В основе сюжета лежит курьёзный случай непредвиденной женитьбы молодого военного на провинциальной девушке. Начинается повесть с описания жизни небольшого поместья. Его владелец, Гаврила Гаврилович Р., был гостеприимен. Но многие гости наведывались к нему ради его дочки Марьи Гавриловны. Девушка же была влюблена в армейского прапорщика Владимира, проводившего отпуск в своей деревне по соседству. Бедный прапорщик не мог рассчитывать на руку Марьи Гавриловны. Поэтому молодые люди решили обвенчаться тайно и разработали план действий. Настал день предполагаемого венчания. Казалось, всё шло так, как было задумано, но неожиданно в судьбу влюблённых вмешалась метель, и события приняли неожиданный оборот: Владимир заблудился и не приехал в церковь на тайное венчание...



Иллюстрация *Д. Шаринова*

Вопросы и задания для самостоятельной работы над произведением

1. Обратите внимание на эпиграф к повести «Метель». Чем перекликаются баллада В.А. Жуковского «Светлана» и повесть А.С. Пушкина «Метель»?
2. Действительно ли любят друг друга Марья Гавриловна и Владимир Николаевич? Как ведут они себя при осуществлении своих романтических планов? В чём заключается авторская ирония по отношению к героям?
3. Найдите описания метели в восприятии Марьи Гавриловны, Владимира, Бурмина. Как эти описания связаны с душевным состоянием, характерами и дальнейшими судьбами персонажей? Какие художественные средства использует автор?
4. Почему повесть называется «Метель»? Каково значение этого образа в повести? Закончилась ли метель в произведении и в душе героев?



А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка»



Набросок А.С. Пушкина к началу повести «Барышня-крестьянка»

Пушкинский цикл «Повести Белкина» замыкает «Барышня-крестьянка». В ней прихотливо переплетаются случайность и закономерность, элементы маскарада и театральной игры, серьёзные жизненные вопросы и мягкий юмор.

Повесть начинается с описания увлеченных двух помещиков – Муромского и Берестова, которые не ладили друг с другом. Однажды в деревню к Берестову приехал его сын Алексей, получивший образование в университете и мечтавший о военной службе. Все окрестные барышни видели в нём завидного жениха. Неудивительно, что юноша вызвал к себе интерес и у дочери Муромского, юной Лизы. Но на пути к возможному счастью стояла ссора их отцов. Впрочем, Лиза была девушкой изобретательной и склонной к забавным розыгрышам...

Вопросы и задания для самостоятельной работы над произведением

1. Какие поступки совершают главные герои повести? Какие «маски» они надевают?
2. В чём проявились активность, живой ум, мечтательность и талант Лизы Муромской? Почему она решилась на розыгрыш с переодеванием?
3. Какие черты характера отличают Алексея Берестова? Какие художественные средства использует автор для создания его образа?
4. Почему Алексей и Лиза полюбили друг друга? Имеют ли значение для влюблённых словные различия?

Глава 2

«В УМЕ СВОЁМ Я СОЗДАЛ МИР ИНОЙ...»

«Венец певца, венец терновый!»

Литературная разминка

Что вы знаете о детстве и юности М.Ю. Лермонтова?

Имя Михаила Юрьевича Лермонтова стоит в одном ряду с именем А.С. Пушкина. Русский поэт XX в. Б.Л. Пастернак писал: «Пушкиным началась наша современная культура, наше современное мышление и бытие. Пушкин возвёл дом нашей духовной жизни... Лермонтов был его первым обитателем».

Судьба этого «первого обитателя» сложилась трагично: Лермонтов погиб на дуэли, не дожив и до 30 лет. Есть печальный символический смысл в том, что местом гибели поэта стал Кавказ – край, который он горячо



любил и многократно изображал в своих стихах и рисунках. Как это порой случается, Лермонтов предчувствовал трагическую развязку своей жизни: в ряде стихотворений он настойчиво возвращался к мысли о близкой «кровавой» смерти. Одну из самых поразительных пророческих картин такого рода мы встречаем в стихотворении «Сон», которое было написано незадолго до дуэли, стоившей поэту жизни:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая ещё дымилась рана,
По капле кровь точилась моя...

Впервые Лермонтов увидел Кавказ в десятилетнем возрасте. Главное, что его тогда поразило, – это вид громадных гор, столь непривычный для глаз ребёнка, росшего среди равнинных пейзажей. Здесь, на Кавказе, мальчик открыл для себя романтический мир – «страну чудес». Воспоминания об этом мире согревали его душу в годы непростого взросления, протекавшие сначала в Благородном пансионе при Московском университете, затем в самом университете и, наконец, в юнкерской школе. Картины величественной кавказской природы воскресали в воображении молодого Лермонтова и в то время, когда он задыхался в удушливой атмосфере светской жизни. Туда, на Кавказ, поэт вернулся уже офицером действующей армии. Участвуя в схватках с горцами, он проявил лучшие воинские качества.

Один из офицеров-кавказцев, К. Мамацев, рассказывал: «...Повсюду поручик Лермонтов, везде первым подвергался выстрелам... и во главе отряда оказывал самоотвержение выше всякой похвалы...». За проявленную отвагу Лермонтов был представлен к награждению золотой саблей, но царь Николай I, раздражённый вольномыслием и «неблагонадёжностью» поэта, попросту вычеркнул его фамилию из списка...

Нелепая дуэль, состоявшаяся под кавказским небом, оборвала жизнь гения на взлёте. Но своеобразным памятником и этой жизни, и многократно творческому кавказскому миру стало творчество М.Ю. Лермонтова. Его поэзия и проза изобилуют горными пейзажами, описаниями диковинных местных обычаев, образами свободолюбивых и своенравных горцев, рассказами о мирной и военной кавказской жизни. И хотя кавказская тема – лишь одна из многих в творчестве М.Ю. Лермонтова, она играет исключительно важную роль в его художественном мире. В ней с особой остротой выразились романтические переживания поэта и жажда свободы.



Михаил Юрьевич
Лермонтов (1814–1841)



Тетрадь М.Ю. Лермонтова
с его последними стихами



Спустя несколько лет после смерти Лермонтова Россию посетил французский писатель А. Дюма – автор «Трёх мушкетёров», «Графа Монте-Кристо» и многих других знаменитых приключенческих романов. Побывал он и на Кавказе, в тех местах, где служил поэт. «Знаете ли, чем занимался мой ум в это время? – признавался писатель. – Невольными воспоминаниями и невольным переводом на французский язык оды Лермонтова, с которой меня познакомили в Петербурге и о которой я совершенно забыл. Ода называется “Дары Терека¹”. Никакой шум не соответствует лучше поэтическому размеру, чем шум реки».

Испытывая огромный интерес к личности М.Ю. Лермонтова, А. Дюма перевёл несколько его стихотворений на французский язык и опубликовал сведения о его жизни. Это была первая, не только на Западе, но и в России, биография поэта.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Какую роль в жизни М.Ю. Лермонтова сыграл Кавказ?
2. Чем привлекал поэта этот край?
3. Как вы думаете, почему А. Дюма заинтересовался жизнью и творчеством Лермонтова?

Из стихотворений М.Ю. Лермонтова о Кавказе



Перед чтением. Какие стихотворения М.Ю. Лермонтова вы знаете? Чем они вам нравятся?

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор;
Люблю я Кавказ!..

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какие чувства поэта выражены в стихотворении «Кавказ»? С какими интонациями его следует читать? Подготовьтесь к выразительному чтению этого произведения в классе.
2. С чем поэт сравнивает Кавказ? О чём свидетельствует это сравнение?

¹ Тéрек – река на Кавказе.





М. Лермонтов. Пятигорск

3. Какие факты из жизни М.Ю. Лермонтова отразились в стихотворении? Найдите соответствующие цитаты. Как эти факты в воображении поэта связываются с кавказской природой?
4. Каждая строфа стихотворения заканчивается одной и той же строкой: «Люблю я Кавказ». Что подчёркивает этот повтор?

Кавказ в лермонтовских поэмах

Кавказская тема нашла отражение в целом ряде лермонтовских *поэм*: «Азраил», «Ангел смерти», «Измаил-Бей», «Хаджи Абрек», «Демон».

К числу лучших «кавказских» поэм М.Ю. Лермонтова относится «Мцыри». Она построена на основе *лирического монолога* юного послушника одного из кавказских монастырей.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Поэма (греч. *poëma*, от *poieō* – делаю, творю) – крупное стихотворное произведение с лирическим или повествовательным сюжетом.

Монолог – речь наедине, развёрнутое высказывание героя, которое не предполагает ответа со стороны и служит раскрытию сокровенных чувств и мыслей говорящего. В поэзии монологом часто называют стихотворение или поэму, написанные от первого лица. *Лирический монолог* характеризуется насыщенностью переживаний и эмоционально окрашенных размышлений.

Замысел поэмы «Мцыри» возник в 1837 г., когда, путешествуя по Старой Военно-Грузинской дороге, поэт познакомился с неким монахом, поведавшим ему историю своей жизни. Это был горец, в детстве попавший



в плен к генералу Ермолову. Во время похода мальчик заболел, и генерал оставил его на попечении монахов. В монастыре он вырос и возмужал. Нелегко было вольнолюбивому сыну гор привыкнуть к монастырской жизни; он тосковал по родным местам и несколько раз пытался бежать. Следствием одной из таких попыток стала длительная болезнь, едва не стоившая беглецу жизни. Выздоровев, юноша смирился со своей участью и остался в монастыре. Эпизод его побега и был положен М.Ю. Лермонтовым в основу сюжета поэмы «Мцыри».

Работая над этим произведением, поэт значительно расширил рассказ монаха: главным образом, за счёт живописных пейзажных зарисовок и детальных описаний душевных состояний главного героя (его воспоминаний, грёз, впечатлений и переживаний). Все эти *отступления* «уводят» сюжет в сторону, замедляя ход изображаемых событий. Однако они несут важную художественно-смысловую нагрузку: именно из них складывается картина напряжённой душевной жизни главного героя.

Подобные отступления называются *лирическими*.



Лирическое отступление – это слова повествователя, прямо не связанные с описываемыми событиями, но содержащие в себе важные комментарии и эмоциональные оценки изображаемых явлений.



Перед чтением. Читая поэму, обратите внимание на то, как чувства главного героя окрашивают собой картины природы.

МЦЫРИ¹

Вкушая, вкусих мало мёда и се аз умираю.

1-я Книга царств

1

Немного лет тому назад,
Там, где сливаясь шумят
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,

Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой – и о том,
Как, удручён своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год
Вручал России свой народ.

И Божья благодать сошла
На Грузию! – она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребёнка пленного он вёз.

¹ *Мцыри* на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». (Прим. Лермонтова.)





Грузия. Возле Мцхеты находится монастырь Джвари, VI в.
Здесь М. Лермонтов «поселил» Мцыри

Тот занемог, не перенёс
Трудов далёкого пути.
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нём мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился – даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал,
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасён.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел вздыхая на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещён святым отцом,
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет

Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Тёмный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нём
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли;
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днём приметно вял;
И близок стал его конец.
Тогда пришёл к нему чернец
С увещаваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришёл, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела

Не много пользы вам узнать;
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну – но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Её пред небом и землёй
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

4

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас, –
Зачем?.. угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах,
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов – “отец” и “мать”,
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имён.
Напрасно: звук их был рождён
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ – могил!
Тогда, пустых не тратя слёз,
В душе я клятву произнёс:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы, теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, – я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? – Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежее толпой,
Как братья, в пляске круговой.
Я видел груды тёмных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простёрты в воздухе давно
Объятья каменные их
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года –
Им не сойтися никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,





Иллюстрация Л. Пастернака

К востоку направляло бег –
Как будто белый караван
Залётных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней.

7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше, и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и, как сон,
Всё это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.

А мой отец? он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестёр...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток,
Он шумен был, но не глубокий;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они, перед дождём,
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир ещё пышней.

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил – и жизнь моя
Без этих трёх блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.



Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что среди этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

9

Бежал я долго – где, куда,
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только. Много я часов
Бежал, и наконец, устав,
Прилёг между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж тёмным небом и землёй,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далёких гор;
Недвижим, молча, я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И гладкой чешуёй блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

10

Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов

Подобился. Хотя без слов
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудью камней.
То вдруг стихал он, то сильнее
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню,
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

11

Кругом меня цвёл Божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слёз,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов;
И гроздья полные на них,
Серёг подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал,
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы – им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
В то утро был небесный свод





М. Пермонтов. Военно-Грузинская дорога близ Мцхеты

Так чист, что ангела полёт
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нём глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз – за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг голос – лёгкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж кустов,

Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд,
И жадно вслушиваться стал.
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имён
Произносить был приучён.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух её поет.

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был её наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь её, и зной
Дышал от уст её и щёк,
И мрак очей был так глубок,

Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, – когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла хоть тише, – но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь её полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, – мне было б жаль:
Воспоминая тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

Трудами ночи изнурён,
Я лёг в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заняла грудь.
Я долго силился вздохнуть –
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралась за ней,
Как за добычею своей,
Объявляя жадные раскрыв.
Мир тёмный был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной,
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонёк
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час

Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну,
Пройти в родимую страну,
Имел в душе, – и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве, порой,
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом чёрных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на деревá;
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слёзы, слёзы потекли
В неё горячею росой...
Но верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил – клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь тёмный лес,
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней



Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лёг,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость –
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, – и на нём
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путём...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилёг,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надёжный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Моё оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,



Иллюстрация В. Бехтеева

Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рождён
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я – и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно – и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Ещё они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит,
И смерть навеки заживит.



О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрёл я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на Божий свет,
При звучном ропоте дубрав,
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Ещё в сомненье погружён,
Я думал – это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине –
И тут всё ясно стало мне...
О! я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про лёгких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слёз, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца – будто кто-нибудь

Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдёт прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесён,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч её обжёг
В тюрьме воспитанный цветок...

22

И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу;
Иссохший лист её венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнём
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир Божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжёлым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья



Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая жёлтою спиной,
Как будто надписью золотой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нём,
Тройным свивалася кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

23

И было всё на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатую стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать – передо мной
Всё закружилось с быстротой;
Хотел кричать – язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред. Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки – и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лёд холодная струя,
Журча, вливалася мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть,
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне.
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пёстрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуёй

Была покрыта золотой
Её спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор её зелёных глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Её серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.

Он говорил: “Дитя моё,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житьё
И холод и покой.

*

Я созову моих сестёр:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

*

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

*

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...”

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливалась тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих



Вниманье скорбное ничьё
На имя тёмное моё.

25

Прощай, отец... дай руку мне;
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожёт свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Даёт страданье и покой...
Но что мне в том? – пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдёт себе приют...
Увы! – за несколько минут
Между крутых и тёмных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать –

Ты перенести меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлёт,
Пришлёт с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отёр внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поёт
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!»

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какое впечатление произвела на вас поэма «Мцыри»? Какие её эпизоды показались вам наиболее интересными?
2. Что автор сообщает о детстве главного героя? Какие черты характера мальчик проявил во время болезни, из-за которой вынужден был остаться в монастыре?
3. Как герой чувствовал себя в монастыре? Действительно ли он со временем привык к своему новому обиталищу?
4. Объясните причины побега юноши из монастыря.
5. В каких эпизодах раскрывается связь Мцыри с кавказской природой? Приведите соответствующие цитаты.
6. Расскажите о происшествиях, которые герой пережил во время своих скитаний. Какие душевные качества он проявил в моменты столкновения с опасностью?
7. Какие чувства испытал Мцыри, осознав, что поневоле вернулся к монастырю? Почему он отказался бороться за свою жизнь после того, как его, обессиленного и израненного, доставили в монастырь? О чём герой тоскует на пороге смерти?
8. По памяти опишите картины природы, которые предстали перед глазами Мцыри на воле. А теперь найдите эти описания в тексте. Какие образы и художественные средства придают им выразительность?
9. **Работа в парах.** Выберите наиболее обобщённый и ёмкий, по вашему мнению, ответ:
 - А. Что стало главной причиной побега Мцыри из монастыря?
 - Нежелание принять монашество.
 - Тоска по родине.
 - Поиск приключений.
 - Мечта о свободе.
 - Б. Что помогло герою выйти победителем из поединка с барсом?
 - Ловкость и быстрота реакции.
 - Жажда борьбы.
 - Ненависть к хищнику.
 - В. Что поставило Мцыри на грань жизни и смерти?
 - Раны, полученные в схватке с барсом.



- Сильное эмоциональное потрясение, испытанное в дни пребывания на воле.
- Осознание того, что вырваться из монастырского плена невозможно.

10. Раскройте смысл сравнения Мцыри с «темничным цветком».

11. **Пофантазируйте!** Как бы сложилась жизнь Мцыри, если бы его побег из монастыря оказался удачным?

12. **Пофантазируйте!** Представьте, что М.Ю. Лермонтов написал историю Мцыри в жанре рассказа. Чем прозаическая версия отличалась бы от стихотворной?

13. **Творческое задание.** Напишите сочинение на тему «Пьянящий аромат свободы (образ Мцыри из одноимённой поэмы М.Ю. Лермонтова)».

Глава 3

РОМАНТИКА БИТВ И ПОДВИГОВ

Гениальный сын украинской земли

Литературная разминка

Какую роль в жизни Н.В. Гоголя сыграла Украина? Как называется сборник повестей, рассказывающих были и небылицы из украинской жизни?

Николай Васильевич Гоголь происходил из украинской мелкопоместной дворянской семьи, которая вела свою родословную от казачьего старшины. В роду Гоголей отчётливо прослеживается увлечение литературой. Один из предков писателя, В. Танский, был довольно известным «природным виршопоисцем во вкусе площадном». Отец Николая Васильевича писал комедии на украинском языке, с успехом ставившиеся в домашнем театре знатного родственника Гоголей Д. Трощинского. От отца писатель унаследовал страсть к сочинительству и благоговейную любовь к книге.

Развитию творческих способностей Гоголя-младшего способствовали впечатления детских лет, прошедших на фоне пышных пейзажей Полтавщины. В родовом поместье Гоголей, Васильевке, Николай открыл для себя красоту украинских народных песен, сказок и поверий. В годы обучения в Нежинской гимназии высших наук он начал собирать произведения украинского фольклора, материалы для будущего украинско-русского словаря (который, к сожалению, так и не был составлен), а также изучать литературу и историю родной земли.

С украинской темой был связан и первый творческий успех Н.В. Гоголя. Выпустив в свет сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки», в котором во всей самобытности и поэтичности предстал образ Украины, молодой писатель, как говорится, проснулся знаменитым. Вдохновлённый удачей, Гоголь ещё глубже погрузился в изучение украинской культуры. Особый восторг у него вызывали украинские народные песни. «Моя радость, жизнь моя! песни! – изливал он душу в письме к М.А. Максимовичу. – Что все чёрствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!»



Николай Васильевич
Гоголь (1809–1852)





Миргород. Литературные герои Н. Гоголя (скульптор *Д. Коршунов*)

Увлечённо работая над украинской темой, Гоголь стал мечтать о должности профессора истории при Киевском университете. В письме к А.С. Пушкину он изображал предстоящий переезд «в древний, прекрасный Киев» в самых радужных тонах: «Я восхищаюсь заранее, когда вообразу, как закипят труды мои в Киеве... Там я кончу истории Украины и юга России и напишу Всеобщую историю».

Этим планам не суждено было осуществиться, хотя возможность выступать перед студентами с лекциями по истории Гоголь всё-таки получил, но не в Киевском, а в Санкт-Петербургском университете. Правда, потеряв интерес к преподаванию, он довольно скоро оставил службу. Да и от идеи написания большого учёного труда как по украинской, так и по всемирной истории пришлось отказаться. Во время работы над этим материалом у Гоголя родился замысел очередного сборника повестей. Его название – «Миргород» – сопровождалось подзаголовком, устанавливающим прямую связь с предыдущей гоголевской книгой: «Повести, служащие продолжением “Вечеров на хуторе близ Диканьки”».

Действительно, «Миргород» стал новым этапом развития украинской темы в творчестве писателя. В отличие от «диканьковских» повестей, расшитых богатыми фантастическими узорами, в большинстве произведений «миргородского» цикла Н.В. Гоголь показывал скуку и пошлость повседневной провинциальной жизни. В то же время новый сборник содержал несколько произведений, близких по своему общему настрою к «Вечерам...». Это повесть «Вий», в которой, как и в «Вечерах...», снова появились образы ведьм, чертей, колдунов, а также повесть «Тарас Бульба», посвящённая героическому прошлому украинского народа.

На первый взгляд, между этими произведениями нет ничего общего: если в основу «Вия» положен фантастический сюжет борьбы бурсака Хомы с таинственной ведьмой-панночкой, то главной темой «Тараса Бульбы» является историческая борьба вольнолюбивых сыновей Запорожской Сечи с угнетателями украинского народа. И, тем не менее, эти повести объединяет романтический дух народной жизни, к концу обоих произведений приобретающий трагическую окраску...



ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Что повлияло на увлечение Н.В. Гоголя украинской историей? Какие замыслы в связи с этим увлечением вынашивал писатель?
2. Как вы думаете, почему летописи казались Гоголю «чёрствыми» в сравнении с народными песнями?
3. Дайте краткую характеристику сборнику «Миргород». Перечислите вошедшие в него произведения. Почему автор определил эту книгу как продолжение сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки»? В чём состоит главное различие между данными книгами?
4. Что объединяет повести «Вий» и «Тарас Бульба»?

Насколько исторична историческая повесть?

Литературная разминка

Что вы знаете о Запорожской Сечи? Что вам известно о законах, традициях и обычаях запорожских казаков?

Над «Тарасом Бульбой» Н.В. Гоголь работал в течение девяти лет. За это время им были созданы два варианта (или две редакции) произведения, значительно отличавшиеся друг от друга. Во второй редакции появились новые персонажи, конфликты, ситуации, расширился историко-бытовой фон, детализировались сцены военных сражений. Именно этот вариант Гоголь считал окончательным. В последней редакции фрагменты повести представлены в учебнике.

По своему жанру «Тарас Бульба» является *исторической повестью*. Однако следует иметь в виду, что, несмотря на реалистически выписанные бытовые детали, в этом произведении господствует романтическое восприятие истории. Гоголь стремился прежде всего показать героизм украинского народа, боровшегося за свою свободу, и передать романтику запорожской вольницы. Жизнь казаков предстаёт здесь в опозитизированном виде; поэтому не следует воспринимать повесть как художественную разновидность исторических свидетельств. Важно также помнить о том, что, изображая картины из жизни Запорожской Сечи, писатель воссоздавал те представления о чести и позоре, долге и предательстве, любви и ненависти, которые, по его мнению, бытовали среди казаков в XV–XVII вв. Разумеется, за истёкшее время в сознании людей многое изменилось, и современный читатель может согласиться далеко не со всеми оценками и жизненными решениями гоголевских персонажей, но это обстоятельство не умаляет художественной и познавательной ценности повести.



Современная реконструкция оборонных укреплений Запорожской Сечи на острове Хортица



Перед чтением. Читая повесть, подумайте над следующими вопросами: Какие нравственные ценности, отстаиваемые героями повести, сохраняют своё значение и для нас? Какие представления этих персонажей кажутся вам устаревшими?



ТАРАС БУЛЬБА

(В сокращении)

I

– А повертись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии? – Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе¹ и приехавших домой к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, ещё смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого ещё не касалась бритва. Они были очень смущены таким приёмом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

– Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько, – продолжал он, поворачивая их, – какие же длинные на вас свитки! Экие свитки! Таких свиток ещё и на свете не было. А побегу который-нибудь из вас! Я посмотрю, не шлёпнется ли он на землю, запутавшись в полы.

– Не смейся, не смейся, батьку! – сказал наконец старший из них.

– Смотри ты, какой пышный! А отчего ж бы не смеяться?

– Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!

– Ах ты, сякой-такой сын! Как, батька?.. – сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

– Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

– Как же хочешь ты со мною биться? разве на кулаки?

– Да уж на чём бы то ни было.

– Ну, давай на кулаки! – говорил Тарас Бульба, засучив рукава, – посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали насаживать друг другу тумачи и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

– Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума! – говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая ещё обнять ненаглядных детей своих. – Дети приехали домой, больше году их не видали, а он задумал невесть что: на кулаки биться!

– Да он славно бьётся! – говорил Бульба, остановившись. – Ей-богу, хорошо! – продолжал он, немного оправляясь, – так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет казак! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся! – И отец с сыном стали целоваться. – Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил; никому не спускай! А всё-таки на тебе смешное убранство: что это за верёвка висит? А ты, бейбас, что стоишь и руки опустил? – говорил он, обращаясь к младшему, – что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

– Вот ещё что выдумал! – говорила мать, обнимавшая между тем младшего. – И придёт же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось

¹ Бурса – духовное учебное заведение, семинария.



(это дитя было двадцати с лишком лет и ровно в сажень¹ ростом), ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!

– Э, да ты мазунчик, как я вижу! – говорил Бульба. – Не слушай, сынку, матери: она – баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба – чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю? вот ваша матерь! Это всё дрянь, чем набивают головы ваши; и академия, и все те книжки, буквари, и философия – всё это *казна-що*, я плевать на всё это! – Здесь Бульба пригнал в строку такое слово, которое даже не употребляется в печати. – А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука так наука! Там вам школа; там только наберётесь разуму.

– И всего только одну неделю быть им дома? – говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха мать. – И погулять им, бедным, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!

– Полно, полно выть, старуха! Козак не на то, чтобы возиться с бабами. Ты бы спрятала их обоих себе под юбку, да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол всё, что есть. Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков; тащи нам всего барана, козу давай, меда сорокалетние! Да горелки побольше, не с выдумками горелки, не с изюмом и всякими вытребенками, а чистой, пенной горелки, чтобы играла и шипела, как бешеная.

Бульба повёл сыновей своих в светлицу, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы в червонных монистах, прибиравшие комнаты. Они, как видно, испугались приезда паничей, не любивших спускаться никому, или же просто хотели соблюсти свой женский обычай: вскрикнуть и броситься опрометью, увидевши мужчину, и потом долго закрываться от сильного стыда рукавом. Светлица была убрана во вкусе того времени, о котором живые намёки остались только в песнях да в народных думах, уже не поющих более на Украине боролатыми старцами-слепцами в сопровождении тихого треньканья бандуры, в виду обступившего народа; во вкусе того бранного² трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украине за унию³. Всё было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах – сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми тусклыми стёклами, какие встречаются ныне только в старинных церквях, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв подвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы. На полках по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки зелёного и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венеццейской, турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями, через третьи и четвёртые руки, что было весьма обыкновенно в те

¹ *Сажень* – старинная мера длины, с XVIII в. равная 2,13 м; до этого времени не была постоянной.

² *Бранный* (устар.) – военный.

³ *Уния* – объединение, союз.



удалые времена. Берестовые скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в парадном углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными пёстрыми изразцами, – всё это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время; приходившим потому, что у них не было ещё коней, и потому, что не в обычае было позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий козак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул Дмитро Товкач, старый его товарищ, он им тот же час представил сыновей, говоря: «Вот смотрите, какие молодцы! На Сечь их скоро пошлю». Гости поздравили и Бульбу, и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

– Ну ж, паны-браты, садись всякий, где кому лучше, за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки! – так говорил Бульба. – Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же Боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! (...) Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю: Гораций, что ли?

«Вишь, какой батько! – подумал про себя старший сын, Остап, – всё старый, собака, знает, а ещё и прикидывается».

– Я думаю, архимандрит¹ не давал вам и понюхать горелки, – продолжал Тарас. – А признайтесь, сынки, крепко стегали вас берёзовыми и свежим вишняком по спине и по всему, что ни есть у козака? А может, так как вы сделали уже слишком разумные, так, может, и плетюганами пороли? Чай, не только по субботам, а доставалось и в среду и в четверги?

– Нечего, батько, вспоминать, что было, – отвечал хладнокровно Остап, – что было, то прошло!

– Пусть теперь попробует! – сказал Андрий. – Пускай только теперь кто-нибудь зацепит. Вот пусть только подвернётся теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь козацкая сабля!

– Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать? Чтоб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, поеду! – И старый Бульба мало-помалу горячился, горячился, наконец рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. – Завтра же едем! Зачем откладывать! Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам

¹ *Архимандрит* – монашеское звание, обычно настоятеля мужского монастыря, а также лицо, имеющее это звание.





А. Монастырский.
Запорожец



С. Васильковский.
Сторожа Запорожских вольностей

всё это? На что эти горшки? – Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки.

Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но услыша о таком страшном для неё решении, она не могла удержаться от слёз; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, – и никто бы не мог описать всей безмолвной силы её горести, которая, казалось, трепетала в глазах её и в судорожно сжатых губах.

Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжёлый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древле мирный славянский дух и завелось козачество – широкая, разгульная замашка русской природы, – и когда все поречья, перевозы, прибрежные пологие и удобные места усеялись козаками, которым и счёту никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их: «Кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что байрак, то козак» (что маленький пригорок, там уж и козак). Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед. Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей возникли грозные селения, курени¹ и око-

¹ *Курень* – отдельная часть запорожского войска; жилище казаков.

лицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников. Уже известно всем из истории, как их вечная борьба и беспоконная жизнь спасли Европу от неукротимых набегов, грозивших её опрокинуть. Короли польские, очутившиеся, наместо удельных князей, властителями сих пространных земель, хотя отдалёнными и слабыми, поняли значение козаков и выгоды таковой бранной сторожевой жизни. Они поощряли их и льстили сему расположению. Под их отдалённую власть гетьманы, избранные из среды самих же козаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округа. Это не было строевое собранное войско, его бы никто не увидел; но в случае войны и общего движенья в восемь дней, не больше, всякий являлся на коне, во всём своём вооружении, получа один только червонец платы от короля, – и в две недели набиралось такое войско, какого бы не в силах были набрать никакие рекрутские наборы. Кончился поход – воин уходил в луга и пашни, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный козак. Современные иноземцы дивились тогда справедливо необыкновенным способностям его. Не было ремесла, которого бы не знал козак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, гулять напропалую... всё это было ему по плечу. Кроме рейстровых козаков¹, считавших обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, в случае большой потребности, набрать целые толпы охочекомонных²: стоило только есаулам пройти по рынкам и площадям всех сёл и местечек и прокричать во весь голос, ставши на телегу: «Эй вы, пивники, броварники! полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосеи, овцепасы, баболубы! полно вам за плугом ходить, да пачкать в земле свои жёлтые чёботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую! Пора доставать козацкой славы!» И слова эти были как искры, падавшие на сухое дерево. Пахарь ломал свой плуг, бровари и пивовары кидали свои кади и разбивали бочки, ремесленник и торгош посылал к чёрту и ремесло, и лавку, бил горшки в доме. И всё, что ни было, садилось на коня. (...)

Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямою своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже сказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Вечно неугомонный, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в сёла, где только жаловались на притеснения арендаторов и на прибавку новых пошлин с дыма. Сам с своими козаками производил над ними расправу и положил себе правилом, что в трёх случаях всегда следует взяться за саблю, именно:

¹ *Рейстрóвые козакí* – регулярное войско.

² *Охочекомóнные* – конные добровольцы.



когда комиссары¹ не уважили в чём старшин и стояли пред ними в шапках, когда поглумились над православием и не почтили предковского закона и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства.

Теперь он тешил себя заранее мыслью, как он явится с двумя сыновьями своими на Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцов привёл к вам!»; как представит их всем старым, закалённым в битвах товарищам; как поглядит на первые подвиги их в ратной науке и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел было отправить их одних. Но при виде их свежести, рослости, могучей телесной красоты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, наведывался и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и навеселе и в голове его ещё бродил хмель, однако ж не забыл ничего. Даже отдал приказ напоить коней и всыпать им в ясли крупной и лучшей пшеницы и пришёл усталый от своих забот.

— Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что Бог даст. Да не стели нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.

Ночь ещё только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор; всё, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей.

Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчёсывала гребнем их молодые, небрежно всклоченные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственной грудью, она взрастила, взлелеяла их — и только на один миг видит их перед собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждёт вас?» — говорила она, и слёзы остановились в морщинах, изменивших её когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, — и уже суровый прельститель её покидал её для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нём не бывало слуху. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь её была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безжённых рыцарей, на

¹ *Комиссары* — здесь: польские сборщики податей.



которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. Молодость без наслаждения мелькнула перед нею, и её прекрасные свежие щёки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, все чувства, всё, что есть нежного и страстного в женщине, всё обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, со страстью, со слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Её сыновей, её милых сыновей берут от неё, берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто знает, может быть, при первой битве татарин срубит им головы и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюёт хищная подорожная птица; а за каждую каплю крови их она отдала бы себя всю. Рыдая, глядела она им в очи, когда всемогущий сон начинал уже смыкать их, и думала: «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд; может быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил».

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она всё сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз и не думала о сне. Уже кони, чуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-помалу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренне желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребёнка; красные полосы ясно сверкнули на небе.

Бульба вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил всё, что приказывал вчера.

– Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напойте коней! А где старá? (Так он обыкновенно называл жену свою.) Живее, стара, готовь нам есть: путь лежит великий!

Бедная старушка, лишённая последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем как она со слезами готовила всё, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убранства. Бурсаки вдруг преобразились: на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные красные, с серебряными подковами; шаровары шириною в Чёрное море, с тысячею складок и со сборами, перетянулись золотым очкур¹; к очкуру прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками, для трубки. Казакин алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам. Их лица, ещё мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели; молодые чёрные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под чёрными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать как увидела их, и слова не могла промолвить, и слёзы остановились в глазах её.

– Ну, сыны, всё готово! нечего мешкать! – произнес, наконец, Бульба. – Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

¹ *Очкёр* – шнур, которым стягивали пояс шаровар.



– Теперь благослови, мать, детей своих! – сказал Бульба. – Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую, чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то – пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает.

Мать, слабая как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

– Пусть хранит вас... Божья Матерь... Не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе... – Далее она не могла говорить.

– Ну, пойдём, дети! – сказал Бульба.

У крыльца стояли осёдланные кони. Бульба вскочил на своего Чёрта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Тарас был чрезвычайно тяжёл и толст.

Когда увидела мать, что уже и сыны её сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности: она схватила его за стремя, она прилипла к седлу его и с отчаяньем в глазах не выпускала его из рук своих. Два дюжих козака взяли её бережно и унесли в хату. Но, когда выехали они за ворота, она со всею лёгкостью дикой козы, несообразной её летам, выбежала за ворота, с непостижимой силой остановила лошадь и обняла одного из сыновей с какою-то помешанною, бесчувственною горячностью; её опять увели.

Молодые козаки ехали смутно и удерживали слёзы, боясь отца, который, со своей стороны, был тоже несколько смущён, хотя старался этого не показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то вразлад. Они, проехавши, оглянулись назад; хутор их как будто ушёл в землю; только видны были над землёй две трубы скромного их домика да вершины дерев, по сучьям которых они лазили, как белки; один только дальний луг ещё стлался перед ними, – тот луг, по которому они могли припомнить всю историю своей жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нём чернобровую козачку, боязливо перелетавшую через него с помощью своих свежих, быстрых ног. Вот уже один только шест над колодцем с привязанным сверху колесом от телеги одиноко торчит в небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издали горою и всё собою закрыла. – Прощайте и детство, и игры, и всё, и всё!

II

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протёкшие лета, о которых



Иллюстрация Е. Кибрика



всегда плачет козак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемерли, какие живут ещё. Слеза тихо кружилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию, потому что все почётные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все поступавшие в бурсу, дики, воспитаны на свободе, и там уже они обыкновенно несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того своё поприще, что в первый год ещё бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержат его в монастырских служках целые двадцать лет и не поклялся наперёд, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю учёность и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею. С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал наряду с лучшими. Тогдашний род учения страшно расходился с образом жизни: эти схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались к времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни. Учившиеся им ни к чему не могли привязать своих познаний, хотя бы даже менее схоластических. Самые тогдашние учёные более других были невежды, потому что вовсе были удалены от опыта. Притом же это республиканское устройство бursы, это ужасное множество молодых, дюжих, здоровых людей – всё это должно было им внушить деятельность совершенно вне их учебного занятия. Иногда плохое содержание, иногда частые наказания голодом, иногда многие потребности, возбуждающиеся в свежем, здоровом, крепком юноше, – всё это, соединившись, рождало в них ту предприимчивость, которая после развивалась на Запорожье. Голодная бурса рыскала по улицам Киева и заставляла всех быть осторожными. Торговки, сидевшие на базаре, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, семечки из тыкв, как орлицы детей своих, если только видели проходившего бурсака. Консул¹, должноствавший, по обязанности своей, наблюдать над подведомственными ему сотоварищами, имел такие страшные карманы в своих шароварах, что мог поместить туда всю лавку зазевавшейся торговки. Эти бурсаки составляли совершенно отдельный мир: в круг высший, состоявший из польских и русских дворян, они не допускались. Сам воевода, Адам Кисель, несмотря на оказываемое покровительство академии, не вводил их в общество и приказывал держать их построже. Впрочем, это наставление было вовсе излишне, потому что ректор и профессоры-монахи не жалели

¹ *Консул* – здесь: старший воспитанник.





Иллюстрации *Е. Кибрика*

лоз и плетей, и часто ликторы по их приказанию пороли своих консулов так жестоко, что те несколько недель почёсывали свои шаровары. Многим из них это было вовсе ничего и казалось немного чем крепче хорошей водки с перцем; другим, наконец, сильно надоедали такие беспрестанные припарки, и они убегали на Запорожье, если умели найти дорогу и если не были перехватываемы на пути. Остап Бульба, несмотря на то что начал с большим старанием учить логику и даже богословие, никак не избавлялся неумолимых розг. Естественно, что всё это должно было как-то ожесточить характер и сообщить ему твёрдость, всегда отличавшую козаков. Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях – обобрать чужой сад или огород, но зато он был всегда одним из первых, приходивших под знамёна предприимчивого бурсака, и никогда, ни в каком случае, не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере никогда почти о другом не думал. Он был прямодушен с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развитые. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжёлый и сильный характер. Он был изобретательнее своего брата; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда с помощью изобретательного ума своего умел увёртываться от наказания, тогда как брат его Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. Потребность любви вспыхнула в нём живо, когда он перешёл за восемнадцать лет. Женщина чаще стала представляться горячим мечтам его; он, слушая философические диспуты, видел её поминутно, свежую, черноокою, нежную. Пред ним беспрерывно мелькали её сверкающие, упругие перси, нежная, прекрасная, вся обнажённая рука; самое платье, облипавшее вокруг её девственных и вместе мощных



членов, дышало в мечтах его каким-то невыразимым сладострастием. Он тщательно скрывал от своих товарищей эти движения страстной юношеской души, потому что в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать козаку о женщине и любви, не отведав битвы. Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединённом закоулке Киева, потопленном в вишнёвых садах, среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне и дома были выстроены с некоторою прихотливостью. Один раз, когда он зазевался, наехала почти на него колымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница с пре-страшными усами хлынул его довольно исправно бичом. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостью схватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадам, они рванули – и Андрий, к счастью успевший отхватить руку, шлёпнулся на землю, прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой ещё не видывал отроду: черноглазую и белую, как снег, озарённый утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал сверкающую силу её ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на неё, совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь, которою ещё более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел было узнать от дворни, которая толпою, в богатом убранстве, стояла за воротами, окружив игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его ответом. Наконец он узнал, что это была дочь приехавшего на время ковенского воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостью, он пролез через частокол в сад, взлез на дерево, которое раскидывалось ветвями на самую крышу дома; с дерева перелез он на крышу и через трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши вдруг перед собою незнакомого человека, что не могла произнести ни одного слова; но когда заметила, что бурсак стоял, потупив глаза и не смея от робости пошевелить рукою, когда узнала в нём того же самого, который хлопнулся перед её глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничего не было страшного: он был очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. Красавица была ветрена, как полячка, но глаза её, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взгляд долгий, как постоянство. Бурсак не мог пошевелить рукою и был связан, как в мешке, когда дочь воеводы смело подошла к нему, надела ему на голову свою блистательную диадему, повесила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку с фестонами¹, вышитыми золотом. Она убирала его и делала с ним тысячу разных глупостей с развязностию дитяти, которою отличаются ветреные полячки и которая повергла бедного бурсака в ещё большее смущение. Он представлял смешную фигуру,

¹ Шемизётка с фестонами – пелерина с зубчатой каймой.



раскрывши рот и глядя неподвижно в её ослепительные очи. Раздавшийся в это время у дверей стук испугал её. Она велела ему спрятаться под кровать, и как только беспокойство прошло, она кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывести его в сад и оттуда отправить через забор. Но на этот раз бурсак наш не так счастливо перебрался через забор: проснувшийся сторож хватил его порядочно по ногам, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улице, покамест быстрые ноги не спасли его. После этого проходить возле дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Он встретил её ещё раз в костёле: она заметила его и очень приятно усмехнулась, как давнему знакомому. Он видел её вскользь ещё один раз, и после этого воевода ковенский скоро уехал, и вместо прекрасной чёрноглазой полячки выглядывало из окон какое-то толстое лицо. Вот о чём думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего.

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зелёные объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их, и только козачьи чёрные шапки одни мелькали между её колосьями.

– Э, э, э! что же это вы, хлопцы, так притихли? – сказал, наконец, Бульба, очнувшись от своей задумчивости. – Как будто какие-нибудь чернецы! Ну, разом все думки к нечистому! Берите в зубы люльки, да закурим, да пришпорим коней, да полетим так, чтобы и птица не угналась за нами!

И козаки, принагнувшись к коням, пропали в траве. Уже и чёрных шапок нельзя было видеть; одна только струя сжимаемой травы показывала след их быстрого бега.

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, теплотворным светом своим облило степь. Всё, что смутно и сонно было на душе у козаков, вмиг слетело; сердца их встрепенулись, как птицы.

Степь чем далее, тем становилась прекраснее. (...) Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытаптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелёно-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; жёлтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесённый бог весть откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною чёрною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем... Чёрт вас возьми, степи, как вы хороши!..

Наши путешественники останавливались только на несколько минут для обеда, причём ехавший с ними отряд из десяти козаков слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употреб-



ляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера. Вечером вся степь совершенно переменялась. Всё пёстрое пространство её охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нём, и она становилась тёмно-зелёною; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру¹, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголубатёмному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками лёгкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрагивался до щёк. Вся музыка, звучавшая днём, утихала и сменялась другою. Пёстрые суслики выпалзывали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединённого озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котёл, в котором варили себе кулиш; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, казаки ложились спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звёзды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву, весь их треск, свист, стрекотанье, – всё это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем воздухе и убаюкивало дремлющий слух. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянную блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и тёмная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летали по тёмному небу.

Путешественники ехали без всяких приключений. Нигде не попадались им деревья, всё та же бесконечная, вольная, прекрасная степь. По временам только в стороне синели верхушки отдалённого леса, тянувшегося по берегам Днепра. Один только раз Тарас указал сыновьям на маленькую, черневшую в дальней траве точку, сказавши: «Смотрите, детки, вон скачет татарин!» Маленькая головка с усами устала издали прямо на них узенькие глаза свои, понюхала воздух, как гончая собака, и, как серна, пропала, увидевши, что казаков было тринадцать человек. «А ну, дети, попробуйте догнать татарина!.. И не пробуйте – вовеки не поймаете: у него конь быстрее моего Чёрта». Однако ж Бульба взял предосторожность, опасаясь где-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали к небольшой речке, называвшейся Татаркою, впадающей в Днепр, кинулись в воду с конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть след свой, и тогда уже, выбравшись на берег, они продолжали далее путь.

Через три дни после этого они были уже недалеко от места, бывшего предметом их поездки. В воздухе вдруг заглодело; они почувствовали

¹ Амбра – здесь: аромат.



близость Днепра. Вот он сверкает вдаль и тёмною полосой отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спёртый порогами, брал наконец своё и шумел, как море, разлившись по воле; где брошенные в середину его острова вытесняли его ещё далее из берегов и волны его стлались широко по земле, не встречая ни утёсов, ни возвышений. Козаки сошли с коней своих, взошли на паром и чрез три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сечь, так часто переменявшая своё жилище.

Куча народу бранилась на берегу с перевозчиками. Козаки оправили коней. Тарас приосанился, стянул на себе покрепче пояс и гордо провёл рукою по усам. Молодые сыны его тоже осмотрели себя с ног до головы с каким-то страхом и неопределённым удовольствием, – и все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнецких молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дёрном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари под ятками сидели с кучами кремней, огнивами и порохом. Армянин развесил дорогие платки. Татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом... Но первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

– Эх, как важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура! – говорил он, остановивши коня.

В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина¹ земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дёгтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее по тесной улице, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло своё, и людьми всех наций, наполнявшими это предместье Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь, умевшую только гулять да палить из ружей.

Наконец они миновали предместье и увидели несколько разбросанных куреней, покрытых дёрном или, по-татарски, войлоком. Иные уставлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместье. Небольшой вал и засека², не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, панове!» – «Здравствуйте и вы!» – отвечали запорожцы. Везде, по всему полю, живописными кучами пестрел народ. По смуглым лицам видно было, что все они были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вы-

¹ *Аршин* – старинная мера длины, равная 0,71 м.

² *Засека* – срубленные деревья, которыми завалено пространство перед крепостным валом для затруднения приступа.





Иллюстрация Е. Кибрика

летают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украину!

Путники выехали на обширную площадь, где обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки: он держал в руках её и медленно зашивал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в середине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши шапку чёртом и вскинувши руками. (...) Около молодого запорожца четверо старых выработывали довольно мелко ногами, вскидывались, как вихорь, на сторону, почти на голову музыкантам и вдруг, опустившись, неслись вприсядку и били круто и крепко своими серебряными подковами плотно убитую землю. Земля глухо гудела на всю округу, и в

воздухе далече отдавались гопак и тропак, выбиваемые звонкими подковами сапогов. Но один всех живее вскрикивал и летел вслед за другими в танце. Чуприна развевалась по ветру, вся открыта была сильная грудь. (...) Толпа росла; к танцующим приставали другие, и нельзя было видеть без внутреннего движенья, как всё отдирало танец самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо свет и который, по своим мощным изобретателям, назван козачком.

– Эх, если бы не конь! – вскрикнул Тарас, – пустился бы, право, пустился бы сам в танец!

А между тем в народе стали попадаться и степенные, уважаемые по заслугам всею Сечью, седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц. Остап и Андрий слышали только приветствия: «А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолуп!» – «Откуда бог несёт тебя, Тарас?» – «Ты как сюда зашёл, Долото?» – «Здорово, Кирдяга! Здорово, Густый! Думал ли я видеть тебя, Ремень?» И витязи, собравшиеся со всего разгульного мира восточной России, целовались взаимно; и тут понеслись вопросы: «А что Касьян? Что Бородавка? Что Колопер? Что Пидсышок?» И слышал только в ответ Тарас Бульба, что Бородавка повешен в Толопане, что с Колопера содрали кожу под Кизикирменом, что Пидсышкова голова посолена в бочке и отправлена в самый Царьград. Понурил голову старый Бульба и раздумчиво говорил: «Добрые были козаки!»

III

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военной школою. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество вос-



питывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны. Промежутки козаки почитали скучным занимать изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы за зверем в степях и лугах; всё прочее время отдавалось гульбе – признаку широкого размета душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то непрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремёслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность и добытое добро не перешло ещё в руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имело в себе что-то околдовывающее. Оно не было сборищем бражников, напивавшихся с горя, но было просто бешеное разгулье весёлости. Всякий проходящий сюда позабывал и бросал всё, что дотоле его занимало. Он, можно сказать, плевал на своё прошедшее и беззаботно предавался воле и товариществу таких же, как сам, гуляк, не имевших ни родных, ни угла, ни семейства, кроме вольного неба и вечного пира души своей. Это производило ту бешеную весёлость, которая не могла бы родиться ни из какого другого источника. Рассказы и болтовня среди собравшейся толпы, лениво отдыхавшей на земле, часто так были смешны и дышали такою силою живого рассказа, что нужно было иметь всю хладнокровную наружность запорожца, чтобы сохранять неподвижное выражение лица, не моргнув даже усом. (...) Это был тесный круг школьных товарищей. Разница была только в том, что вместо сидения за указкой и пошлых толков учителя они производили набег на пяти тысячах коней; вместо луга, где играют в мяч, у них были неохраемые, беспечные границы, в виду которых татарин выказывал быструю свою голову и неподвижно, сурово глядел турок в зелёной чалме своей. Разница та, что вместо насильной воли, соединившей их в школе, они сами собою кинули отцов и матерей и бежали из родительских домов; что здесь были те, у которых уже моталась около шеи верёвка и которые вместо бледной смерти увидели жизнь – и жизнь во всём разгуле; что здесь были те, которые, по благородному обычаю, не могли удержать в кармане своём копейки; что здесь были те, которые дотоле червонец считали богатством... Здесь были все бурсаки, не вытерпевшие академических лоз и не вынесшие из школы ни одной буквы; но вместе с ними здесь были и те, которые знали, что такое Гораций, Цицерон и Римская республика. Тут было много тех офицеров, которые потом отличались в королевских войсках; тут было множество образовавшихся опытных партизанов, которые имели благородное убеждение мыслить, что всё равно, где бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без битвы. Много было и таких, которые пришли на Сечь с тем, чтобы потом сказать, что они были на Сечи и уже закалённые рыцари. Но кого тут не было? Эта странная республика была именно потребностью того века. (...)

Остап и Андрий кинулись со всею пылкостью юношей в это разгульное море и забыли вмиг и отцовский дом, и бурсу, и всё, что волновало прежде душу, и предалась новой жизни. Всё занимало их: разгульные обычаи Сечи и немногосложная управа и законы, которые казались им иногда



даже слишком строгими среди такой своевольной республики. Если козак проворовался, украл какую-нибудь безделицу, это считалось уже поношением всему козачеству: его, как бесчестного, привязывали к позорному столбу и клали возле него дубину, которою всякий проходящий обязан был нанести ему удар... Не платившего должника приковывали цепью к пушке, где должен был он сидеть до тех пор, пока кто-нибудь из товарищей не решался его выкупить и заплатить за него долг. (...)

Скоро оба молодые козака стали на хорошем счету у козаков. Часто вместе с другими товарищами своего куреня, а иногда со всем куренем и с соседними куренями выступали они в степи для стрельбы несметного числа всех возможных степных птиц, оленей и коз или же выходили на озёра, реки и протоки, отведённые по жребию каждому куреню, закидывать невода, сети и тащить богатые тони¹ на продовольствие всего куреня. Хотя и не было тут науки, на которой пробуется козак, но они стали уже заметны между другими молодыми прямою удалью и удачливостью во всём. Бойко и метко стреляли в цель, переплывали Днепр против течения – дело, за которое новичок принимался торжественно в козацкие круги.

Но старый Тарас готовил другую им деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь – настоящего дела хотел он. Он всё придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться как следует рыцарю. Наконец в один день пришёл к кошевому и сказал ему прямо:

– Что, кошевой, пора бы погулять запорожцам?

– Негде погулять, – отвечал кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнув на сторону (...). – Не имеем права. Если б не клялись ещё нашею верою, то, может быть, и можно было бы; а теперь нет, не можно.

– Как не можно? Как же ты говоришь: не имеем права? Вот у меня два сына, оба молодые люди. Ещё ни разу ни тот ни другой не был на войне, а ты говоришь – не имеем права; а ты говоришь – не нужно идти запорожцам.

– Ну, уж не следует так.

– Так, стало быть, следует, чтобы пропадала даром козацкая сила, чтобы человек сгинул, как собака, без доброго дела, чтобы ни отчизне, ни всему христианству не было от него никакой пользы? Так на что же мы живём, на какого чёрта мы живём? растолкуй ты мне это. Ты человек умный, тебя недаром выбрали в кошевые, растолкуй ты мне, на что мы живём?

Кошевой не дал ответа на этот запрос. Это был упрямый козак. Он немного помолчал и потом сказал:

– А войне всё-таки не бывать.

– Так не бывать войне? – спросил опять Тарас.

– Нет.

– Так уж и думать об этом нечего?

– И думать об этом нечего.

¹ Тóня – участок водоёма, специально оборудованный для ловли рыбы закидным неводом; невод с уловом после одной закидки.



«Постой же ты, чёртов кулак! – сказал Бульба про себя, – ты у меня будешь знать!» И положил тут же отмстить кошевому.

Сговорившись с тем и другим, задал он всем попойку, и хмельные козаки, в числе нескольких человек, повалили прямо на площадь, где стояли привязанные к столбу литавры, в которые обыкновенно били сбор на раду. Не нашедши палок, хранившихся всегда у довбиша¹, они схватили по полену в руки и начали колотить в них. На бой прежде всего прибежал довбиш, высокий человек с одним только глазом, несмотря, однако ж, на то, страшно заспанным.

– Кто смеет бить в литавры? – закричал он.

– Молчи! возьми свои палки, да и колоти, когда тебе велят! – отвечали подгулявшие старшины.

Довбиш вынул тотчас из кармана палки, которые он взял с собою, очень хорошо зная окончание подобных происшествий. Литавры грянули, – и скоро на площадь, как шмели, стали собираться чёрные кучи запорожцев. Все собрались в кружок, и после третьего боя показались, наконец, старшины: кошевой с палицей в руке – знаком своего достоинства, судья с войсковою печатью, писарь с чернильницею и есаул с жезлом. Кошевой и старшины сняли шапки и раскланялись на все стороны козакам, которые гордо стояли, подпершись руками в бока.

– Что значит это собрание? Чего хотите, панове? – сказал кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

– Клади палицу! Клади, чёртов сын, сей же час палицу! Не хотим тебя больше! – кричали из толпы козаки.

Некоторые из трезвых куреней хотели, как казалось, противиться; но курени, и пьяные и трезвые, пошли на кулаки. Крик и шум сделались общими.

Кошевой хотел было говорить, но, зная, что разъярившаяся, своевольная толпа может за это прибить его насмерть, что всегда почти бывает в подобных случаях, поклонился очень низко, положил палицу и скрылся в толпе.

– Прикажете, панове, и нам положить знаки достоинства? – сказали судья, писарь и есаул и готовились тут же положить чернильницу, войсковую печать и жезл.

– Нет, вы оставайтесь! – закричали из толпы, – нам нужно было только прогнать кошевого, потому что он баба, а нам нужно человека в кошевые.

– Кого же выберете теперь в кошевые? – сказали старшины.

– Кукубенка выбрать! – кричала часть.

– Не хотим Кукубенка! – кричала другая. – Рано ему, ещё молоко на губах не обсохло!

– Шило пусть будет атаманом! – кричали одни. – Шила посадить в кошевые!

– В спину тебе шило! – кричала с бранью толпа. – Что он за козак, когда проворовался, собачий сын, как татарин? К чёрту в мешок пьяницу Шила!

– Бородатого, Бородатого посадим в кошевые!

¹ Довбиш – литавщик.



– Не хотим Бородатого! К нечистой матери Бородатого!
– Кричите Кирдягу! – шепнул Тарас Бульба некоторым.
– Кирдягу! Кирдягу! – кричала толпа. – Бородатого! Бородатого! Кирдягу! Кирдягу! Шила! К чёрту с Шилом! Кирдягу!

Все кандидаты, услышавши произнесёнными свои имена, тотчас же вышли из толпы, чтобы не подать никакого повода думать, будто бы они помогали личным участием своим в избрании.

– Кирдягу! Кирдягу! – раздавалось сильнее прочих. – Бородатого! Дело принялись доказывать кулаками, и Кирдяга восторжествовал.
– Ступайте за Кирдягою! – закричали.

Человек десяток козаков отделилось тут же из толпы; некоторые из них едва держались на ногах – до такой степени успели нагрузиться, – и отправились прямо к Кирдяге, объявить ему о его избрании.

Кирдяга, хотя престарелый, но умный козак, давно уже сидел в своём курене и как будто бы не ведал ни о чём происходившем.

– Что, панове, что вам нужно? – спросил он.

– Иди, тебя выбрали в кошевые!..

– Помилосердствуйте, панове! – сказал Кирдяга. – Где мне быть достойну такой чести! Где мне быть кошевым! Да у меня и разума не хватит к отправленью такой должности. Будто уже никого лучшего не нашлось в целом войске?

– Ступай же, говорят тебе! – кричали запорожцы. Двое из них схватили его под руки, и как он ни упирался ногами, но был, наконец, притащен на площадь, сопровождаемый бранью, подталкиваньем сзади кулаками, пинками и увещаньями. – Не пяться же, чёртов сын! Принимай же честь, собака, когда тебе дают её!

Таким образом введён был Кирдяга в козачий круг.

– Что, панове? – провозгласили во весь народ приведшие его. – Согласны ли вы, чтобы сей козак был у нас кошевым?

– Все согласны! – закричала толпа, и от крику долго гремело всё поле.

Один из старшин взял палицу и поднёс её новоизбранному кошевому. Кирдяга, по обычаю, тотчас же отказался. Старшина поднёс в другой раз. Кирдяга отказался и в другой раз и потом уже, за третьим разом, взял палицу. Ободрительный крик раздался по всей толпе, и вновь далеко загудело от козацкого крика всё поле. Тогда выступило из середины народа четверо самых старых, седоусых и седочупринных козаков (слишком старых не было на Сечи, ибо никто из запорожцев не умирал своею смертью) и, взявши каждый в руки земли, которая на ту пору от бывшего дождя растворилась в грязь, положили её ему на голову. Стекла с головы его мокрая земля, потекла по усам и по щекам и всё лицо замазала ему грязью. Но Кирдяга стоял не сдвинувшись и благодарил козаков за оказанную честь.

Таким образом кончилось шумное избрание, которому, неизвестно, были ли так рады другие, как рад был Бульба: этим он отомстил прежнему кошевому; к тому же и Кирдяга был старый его товарищ и бывал с ним в одних и тех же сухопутных и морских походах, деля суровости и труды боевой жизни. Толпа разбрелась тут же праздновать избранье, и поднялась гульня, какой ещё не видывали дотоле Остап и Андрий. Винные шинки были разбиты; мёд, горелка и пиво забирались просто, без





Иллюстрации *Д. Шмаринова*

денег; шинкари были уже рады и тому, что сами остались целы. Вся ночь прошла в криках и песнях, славивших подвиги. И взошедший месяц долго ещё видел толпы музыкантов, проходивших по улицам с бандурами, турбанами, круглыми балалайками, и церковных песельников, которых держали на Сечи для пеня в церкви и для восхваленья запорожских дел. Наконец хмель и утомленье стали одолевать крепкие головы. И видно было, как то там, то в другом месте падал на землю козак. Как товарищ, обнявши товарища, расчувствовавшись и даже заплакавши, валился вместе с ним. Там гурьбою улегалась целая куча; там выбирал иной, как бы получше ему улечься, и лёг прямо на деревянную колоду. Последний, который был покрепче, ещё выводил какие-то бессвязные речи; наконец и того подкосила хмельная сила, и тот повалился – и заснула вся Сечь. (...)

На следующий день прибывшие на Сечь новички рассказали о волне притеснений и надругательств, прокатившейся по украинской земле. Поведали они и о том, как жестоко расправляются с непокорными казаками польские дворяне. Выслушав недобрые вести, запорожцы единодушно решили выступить в поход.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Перескажите эпизод встречи Тараса Бульбы с сыновьями, вернувшимися домой после обучения в бурсе. Какие сведения о характере и привычках Тараса вы почерпнули из прочитанного отрывка? Что он считал самым важным в воспитании Остапа и Андрия? Почему старый казак принял решение как можно скорее отправить их на Запорожскую Сечь?
2. Перечитайте описание светлицы в доме Бульбы. Как оно характеризует хозяина?
3. Какое впечатление произвели на вас сыновья Тараса? Кто из них вам больше понравился? Почему?



4. Какие черты характеров братьев проявились во время учёбы в бурсе? Подкрепите свой ответ пересказом соответствующих эпизодов.
5. С каким настроением Остап и Андрий покидали родной дом? О чём печалился каждый из них?
6. Что увидели казаки, въехав в предместье Сечи? Найдите описание спящего на дороге казака. Как автор подчёркивает его силу? Раскройте символическое значение этого образа.
7. Расскажите о порядках, царивших на Запорожской Сечи. Что, как вам кажется, преобладало в тамошней жизни – свободное «весёлое разгулье» или суровая дисциплина? Какие правила запорожцев вас удивили? Какие из них вы считаете справедливыми?
8. **Работа в парах.** В рассказ о путешествии героев на Запорожскую Сечь вставлено описание степи, в котором с поразительной художественной силой передано богатство красок, звуков и ароматов украинской природы. Перечитайте его и ответьте на вопросы:
- А. Какими чувствами автора проникнуто данное описание? В каких строках повествователь открыто выражает свой восторг перед красотой степи?
 - Б. Какие растения и животные упоминаются в описании? Какие средства художественной выразительности придают им поэтичность?
 - В. Какие изменения происходят в степи на закате солнца? Какие цвета преобладают в вечернем степном пейзаже?

V

Скоро весь польский юго-запад сделался добычею страха. Всюду пронесли слухи: «Запорожцы!.. показались запорожцы!..» Всё, что могло спастись, спасалось. Всё подымалось и разбегалось, по обычаю этого нестройного, беспечного века, когда не воздвигали ни крепостей, ни замков, а как попало становил на время соломенное жилище своё человек. Он думал: «Не тратить же на избу работу и деньги, когда и без того будет она снесена татарским набегом!» Всё всполошилось: кто менял волов и плуг на коня и ружьё и отправлялся в полки; кто прятался, угоняя скот и унося, что только можно было унести. Попадались иногда по дороге и такие, которые вооружённою рукою встречали гостей, но больше было таких, которые бежали заранее. Все знали, что трудно иметь дело с буйной и бранной толпой, известной под именем запорожского войска, которое в наружном своевольном неустройстве своём заключало устройство обдуманное для времени битвы. Конные ехали, не отягчая и не горяча коней, пешие шли трезво за возами, и весь табор подвигался только по ночам, отдыхая днём и выбирая для того пустыри, незаселённые места и леса, которых было тогда ещё вдоволь. Засылаемы были вперёд лазутчики и рассыльные узнавать и выведывать, где, что и как. И часто в тех местах, где менее всего могли ожидать их, они появлялись вдруг, – и всё тогда прощалось с жизнью. Пожары охватывали деревни; скот и лошади, которые не угонялись за войском, были избиваемы тут же на месте. Казалось, больше пировали они, чем совершали поход свой. Дыбом стал бы ныне волос от тех страшных знаков свирепства полудикого века, которые пронесли везде запорожцы. (...)

Высылаемая временами правительством запоздалая помощь, состоявшая из небольших полков, или не могла найти их, или же робела, обращала тыл при первой встрече и улетала на лихих конях своих. Случалось, что многие военачальники королевские, торжествовавшие дотоле в прежних битвах, решались, соединя свои силы, стать грудью против запорожцев. И тут-то более всего пробовали себя наши молодые казаки, чуждав-





Кадр из кинофильма «Огнём и мечом» (режиссёр *Е. Гофман*, Польша)

шиеся грабительства, корысти и бессильного неприятеля, горевшие желанием показать себя перед старыми, померяться один на один с бойким и хвастливым ляхом, красовавшимся на горделивом коне, с летавшими по ветру откидными рукавами епанчи¹. Потешна была наука. Много уже они добыли себе конной сбруи, дорогих сабель и ружей. В один месяц возмужали, и совершенно переродились только что оперившиеся птенцы, и стали мужами. Черты лица их, в которых доселе видна была какая-то юношеская мягкость, стали теперь грозны и сильны. А старому Тарасу любо было видеть, как оба сына его были одни из первых. Остапу, казалось, был на роду написан битвенный путь и трудное знание вершить ратные дела. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни от какого случая, с хладнокровием, почти неестественным для двадцатидвухлетнего, он в один миг мог вымерять всю опасность и всё положение дела, тут же мог найти средство, как уклониться от неё, но уклониться с тем, чтобы потом верней преодолеть её. Уже испытанной уверенностью стали теперь означаться его движения, и в них не могли не быть заметны наклонности будущего вождя. Крепостью дышало его тело, и рыцарские его качества уже приобрели широкую силу льва.

– О! да этот будет со временем добрый полковник! – говорил старый Тарас. – Ей-ей, будет добрый полковник, да ещё такой, что и батька за пояс заткнёт!

Андрей весь погрузился в очаровательную музыку пуль и мечей. Он не знал, что такое значит обдумывать, или рассчитывать, или измерять заранее свои и чужие силы. Бешеную негу и упоенье он видел в битве: что-то пиршественное зрелось ему в те минуты, когда разгорится у человека голова, в глазах всё мелькает и мешается, летят головы, с громом падают

¹ *Епанча* – плащ.



на землю кони, а он несётся, как пьяный, в свисте пуль, в сабельном блеске, и наносит всем удары, и не слышит нанесённых. Не раз дивился отец также и Андрию, видя, как он, понуждаемый одним только запальчивым увлечением, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и одним бешеным натиском своим производил такие чудеса, которым не могли не изумиться старые в боях. Дивился старый Тарас и говорил:

– И это добрый – враг бы не взял его! – вояка! не Остап, а добрый, добрый также вояка! (...)

Наконец запорожское войско добралось до Дубно. Казаки попытались взять город приступом, но горожане оказали отчаянное сопротивление. Тогда кошевой приказал взять город-крепость в осаду. Казаки расположились лагерем вокруг Дубно. Молодые воины заметно скучали – им не терпелось снова испытать себя в боях. Между тем положение осаждённых с каждым днём ухудшалось: в городе заканчивались запасы продовольствия и воды. Как-то ночью к Андрию тайком пробралась измождённая женщина. Молодой казак узнал в ней служанку той самой польской панночки, в которую он был влюблён.

– Скажи, скажи, отчего, как ты здесь? – говорил Андрий, почти задыхаясь, шёпотом, прерывавшимся всякую минуту от внутреннего волнения. – Где панночка? жива ли ещё она?

– Она тут, в городе.

– В городе? – произнёс он, едва опять не вскрикнувши, и почувствовал, что вся кровь вдруг прихлынула к сердцу. – Отчего ж она в городе?

– Оттого, что сам старый пан в городе. Он уже полтора года как сидит воеводой в Дубне.

– Что ж, она замужем? Да говори же, какая ты странная! что она теперь?..

– Она другой день ничего не ела.

– Как?..

– Ни у кого из городских жителей нет уже давно куска хлеба, все давно едят одну землю.

Андрий остолбенел.

– Панночка видала тебя с городского валу вместе с запорожцами. Она сказала мне: «Ступай скажи рыцарю: если он помнит меня, чтобы пришёл ко мне; а не помнит – чтобы дал тебе кусок хлеба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видеть, как при мне умрёт мать. Пусть лучше я прежде, а она после меня. Проси и хватай его за колени и ноги. У него также есть старая мать, – чтоб ради её дал хлеба!»

Много всяких чувств пробудилось и вспыхнуло в молодой груди козака.

– Но как же ты здесь? Как ты пришла?

– Подземным ходом.

– Разве есть подземный ход?

– Есть.

– Где?

– Ты не выдашь, рыцарь?

– Клянусь крестом святым!

– Спустишься в яр и перейдя проток, там, где тростник.

– И выходит в самый город?

– Прямо к городскому монастырю.



– Идём, идём сейчас!

– Но, ради Христа и святой Марии, кусок хлеба!

– Хорошо, будет. Стой здесь, возле воза, или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидит, все спят; я сейчас ворочусь.

И он отошёл к возам, где хранились запасы, принадлежавшие их курению. Сердце его билось. Всё минувшее, всё, что было заглушено нынешними козацкими биваками, суровой бранною жизнью, – всё всплыло разом на поверхность, потопивши, в свою очередь, настоящее. Опять вынырнула перед ним, как из тёмной морской пучины, гордая женщина. Вновь сверкнули в его памяти прекрасные руки, очи, смеющиеся уста, густые тёмно-ореховые волосы, курчаво распавшиеся по грудям, и все упругие, в согласном сочетанье созданные члены девического стана. Нет, они не погасли, не исчезли в груди его, они посторонились только, чтобы дать на время простор другим могучим движеньям; но часто, часто смущался ими глубокий сон молодого козака, и часто, проснувшись, лежал он без сна на одре, не умея истолковать тому причины.

Он шёл, а биение сердца становилось сильнее, сильнее при одной мысли, что увидит её опять, и дрожали молодые колени. Пришедши к возам, он совершенно позабыл, зачем пришёл: поднёс руку ко лбу и долго тёр его, стараясь припомнить, что ему нужно делать. Наконец вздрогнул, весь исполнился испуга: ему вдруг пришло на мысль, что она умирает от голода. Он бросился к возу и схватил несколько больших чёрных хлебов себе под руку, но подумал тут же, не будет ли эта пища, годная для дюжего, неприхотливого запорожца, груба и неприлична её нежному сложению. Тут вспомнил он, что вчера кошевой попрекал кашеваров за то, что сварили за один раз всю гречневую муку на саламату¹, тогда как бы её стало на добрых три раза. В полной уверенности, что он найдёт вдоволь саламаты в казанах, он вытащил отцовский походный казанок и с ним отправился к кашевару их куреня, спавшему у двух десятиведёрных казанов, под которыми ещё теплилась зола. Заглянувши в них, он изумился, видя, что оба пусты. Нужно было нечеловеческих сил, чтобы всё это съесть, тем более что в их курене считалось меньше людей, чем в других. Он заглянул в казаны других куреней – нигде ничего. Поневоле пришла ему в голову поговорка: «Запорожцы как дети: коли мало – съедят, коли много – тоже ничего не оставят». Что делать? Был, однако же, где-то, кажется, на возу отцовского полка, мешок с белым хлебом, который нашли, ограбивши монастырскую пекарню. Он прямо подошёл к отцовскому возу, но на возу уже его не было: Остап взял его себе под головы и, растянувшись возле на земле, храпел на всё поле. Андрий схватил мешок одной рукой и дернул его вдруг так, что голова Остапа упала на землю, а он сам вскочил вприсонках и, сидя с закрытыми глазами, закричал что было мочи: «Держите, держите чёртова ляха! да ловите коня, коня ловите!» – «Замолчи, я тебя убью!» – закричал в испуге Андрий, замахнувшись на него мешком. Но Остап и без того уже не продолжал речи, присмирел и пустил такой храп, что от дыхания шевелилась трава, на которой он лежал. Андрий робко оглянулся на все стороны, чтобы узнать, не пробудил ли кого-нибудь из

¹ *Саламата* – жидкая каша из муки с салом или маслом.



козаков сонный бред Остапа. Одна чубатая голова, точно, приподнялась в ближнем курене и, поведя очами, скоро опустилась опять на землю. Переждав минуты две, он наконец отправился с своею ношею. Татарка лежала, едва дыша.

– Вставай, идём! Все спят, не бойся! Подымешь ли ты хоть один из этих хлебов, если мне будет несподручно захватить все?

Сказав это, он взвалил себе на спину мешки, стащил, проходя мимо одного воза, ещё один мешок с просом, взял даже в руки те хлеба, которые хотел было отдать нести татарке, и, несколько понагнувшись под тяжестью, шёл отважно между рядами спавших запорожцев.

– Андрий! – сказал старый Бульба в то время, когда он проходил мимо его.

Сердце его замерло. Он остановился и, весь дрожа, тихо произнес:

– А что?

– С тобою баба! Ей, отдеру тебя, вставши, на все бока! Не доведут тебя бабы к добру! – Сказавши это, он опёрся головою на локоть и стал пристально рассматривать закутанную в покрывало татарку.

Андрий стоял ни жив ни мёртв, не имея духа взглянуть в лицо отцу. И потом, когда поднял глаза и посмотрел на него, увидел, что уже старый Бульба спал, положив голову на ладонь.

Он перекрестился. Вдруг отхлынул от сердца испуг ещё скорее, чем прихлынул. Когда же повернулся он, чтобы взглянуть на татарку, она стояла пред ним, подобно тёмной гранитной статуе, вся закутанная в покрывало, и отблеск отдалённого зарева, вспыхнув, озарил только одни её очи, помутившиеся, как у мертвеца. Он дёрнул за рукав её, и оба пошли вместе, беспрестанно оглядываясь назад... (...)

По подземному ходу служанка повела Андрия в город.

VI

Наконец перед ними показалась маленькая железная дверь. «Ну, слава Богу, мы пришли», – сказала слабым голосом татарка, приподняла руку, чтобы постучать, – и не имела сил. Андрий ударил вместо неё сильно в дверь; раздался гул, показавший, что за дверью был большой простор. Гул этот изменялся, встретив, как казалось, высокие своды. Через минуты две загремели ключи, и кто-то, казалось, сходил по лестнице. Наконец дверь отперлась; их встретил монах, стоявший на узенькой лестнице, с ключами и свечой в руках. Андрий невольно остановился при виде католического монаха, возбуждавшего такое ненавистное презрение в козаках... Монах тоже несколько отступил назад, увидев запорожского козака, но слово, невнятно произнесённое татаркою, его успокоило. Он осветил им, запер за ними дверь, ввёл их по лестнице вверх, и они очутились под высокими тёмными сводами монастырской церкви. У одного из алтарей, уставленного высокими подсвечниками и свечами, стоял на коленях священник и тихо молился. Около него с обеих сторон стояли также на коленях два молодые клирошанина в лиловых мантиях с белыми кружевными шемизетками сверх их и с кадилами в руках. Он молился о ниспослании чуда: о спасении города, о подкреплении падающего духа, о ниспослании терпения, об удалении искусителя, нащёптывающего ропот и малодушный, роб-



кий плач на земные несчастья. Несколько женщин, похожих на привидения, стояли на коленях, опершись и совершенно положив изнеможённые головы на спинки стоявших перед ними стульев и тёмных деревянных лавок; несколько мужчин, прислонясь у колонн и пилястр, на которых возлегли боковые своды, печально стояли тоже на коленях. Окно с цветными стёклами, бывшее над алтарём, озарилось розовым румянцем утра, и упали от него на пол голубые, жёлтые и других цветов кружки света, осветившие внезапно тёмную церковь. Весь алтарь в своём далёком углублении показался вдруг в сиянии; кадильный дым остановился в воздухе радужно освещённым облаком. Андрий не без изумления глядел из своего тёмного угла на чудо, произведённое светом. В это время величественный рёв органа наполнил вдруг всю церковь. Он становился гуще и гуще, разрастался, перешёл в тяжёлые рокоты грома и потом вдруг, обратившись в небесную музыку, донёсся высоко под сводами своими поющими звуками, напомиравшими тонкие девичьи голоса, и потом опять обратился он в густой рёв и гром и затих. И долго ещё громовые рокоты носились, дрожа, под сводами, и дивился Андрий с полуоткрытым ртом величественной музыке.

В это время, почувствовал он, кто-то дёрнул его за полу кафтана. «Пора!» – сказала татарка. Они перешли через церковь, не замеченные никем, и вышли потом на площадь, бывшую перед нею. Заря уже давно румянилась на небе: всё возвещало восхождение солнца. Площадь, имевшая квадратную фигуру, была совершенно пуста; посредине её оставались ещё деревянные столики, показывавшие, что здесь был ещё неделю, может быть, только назад рынок съестных припасов. Улица, которых тогда не мостили, была просто засохшая груда грязи. Площадь обступали кругом небольшие каменные и глиняные, в один этаж, дома с видными в стенах деревянными сваями и столбами во всю их высоту, косвенно перекрёщённые деревянными же брусьями, как вообще строили дома тогдашние обыватели, что можно видеть и поныне ещё в некоторых местах Литвы и Польши. Все они были покрыты непомерно высокими крышами со множеством слуховых окон и отдушин. На одной стороне, почти близ церкви, выше других возносилось совершенно отличное от прочих здание, вероятно, городской магистрат или какое-нибудь правительственное место. Оно было в два этажа, и над ним вверху надстроен был в две арки бельведер¹, где стоял часовой; большой часовой циферблат вделан был в крышу. Площадь казалась мёртвою. (...) Почти на каждом шагу поражали их страшные жертвы голода. (...)

При виде сих поражающих свидетельств голода Андрий не вытерпел не спросить татарку (...):

– Но как же вы, умирая такую лютою смертью, всё ещё думаете оборонить город?

– Да, может быть, воевода и сдал бы, но вчера утром полковник, который в Буджаках, пустил в город ястреба с запиской, чтобы не отдавали города; что он идёт на выручку с полком, да ожидает только другого полковника, чтоб идти обоим вместе. И теперь всякую минуту ждут их... Но вот мы пришли к дому.

¹ *Бельведёр* – здесь: вышка над домом.



Андрей уже издали видел дом, непохожий на другие и, как казалось, строенный каким-нибудь архитектором итальянским. Он был сложен из красивых тонких кирпичей в два этажа. Окна нижнего этажа были заключены в высоко выдававшиеся гранитные карнизы; верхний этаж состоял весь из небольших арок, образовавших галерею; между ними видны были решётки с гербами. На углах дома тоже были гербы. Наружная широкая лестница из крашенных кирпичей выходила на самую площадь. Внизу лестницы сидело по одному часовому, которые картинно и симметрически держались одной рукой за стоявшие около них алебарды¹, а другую подпирали наклонённые свои головы и, казалось, таким образом, более походили на изваяния, чем на живые существа. Они не спали и не дремали, но, казалось, были нечувствительны ко всему: они не обратили даже внимания на то, кто всходил по лестнице. На верху лестницы они нашли богато убранного, всего с ног до головы вооружённого воина, державшего в руке молитвенник. Он было возвёл на них истомлённые очи, но татарка сказала ему одно слово, и он опустил их вновь в открытые страницы своего молитвенника. Они вступили в первую комнату, довольно просторную, служившую приёмною или просто переднею. Она была наполнена вся сидевшими в разных положениях у стен солдатами, слугами, псарями, виночерпиями и прочей дворней, необходимою для показания сана польского вельможи как военного, так и владельца собственных поместьев. Слышен был чад погаснувшей свечи. Две другие ещё горели в двух огромных, почти в рост человека, подсвечниках, стоявших посередине, несмотря на то что уже давно в решётчатое широкое окно глядело утро. Андрей уже было хотел идти прямо в широкую дубовую дверь, украшенную гербом и множеством резных украшений, но татарка дёрнула его за рукав и указала маленькую дверь в боковой стене. Этою вышли они в коридор и потом в комнату, которую он начал внимательно рассматривать. Свет, проходивший сквозь щель ставня, тронул кое-что: малиновый занавес, позолоченный карниз и живопись на стене. Здесь татарка указала Андрию остаться, отворила дверь в другую комнату, из которой блеснул свет огня. Он услышал шёпот и тихий голос, от которого всё потряслось у него. Он видел сквозь растворившуюся дверь, как мелькнула быстро стройная женская фигура с длинною роскошною косою, упавшею на поднятую кверху руку. Татарка возвратилась и сказала, чтобы он взошёл. Он не помнил, как взошёл и как затворилась за ним дверь. В комнате горели две свечи; лампада теплилась перед образом; под ним стоял высокий столик, по обычаю католическому, со ступеньками для преклонения коленей во время молитвы. Но не того искали глаза его. Он повернулся в другую сторону и увидел женщину, казалось, застывшую и окаменевшую в каком-то быстром движении. Казалось, как будто вся фигура её хотела броситься к нему и вдруг остановилась. И он остался также изумлённым пред нею. Не такую воображал он её видеть: это была не она, не та, которую он знал прежде; ничего не было в ней похожего на ту, но вдвое прекраснее и чудеснее была она теперь, чем прежде. Тогда было в ней что-то неоконченное, недовершённое, теперь это было произведение,

¹ *Алебарда* – старинное оружие, фигурный топорик на длинном древке.



которому художник дал последний удар кисти. Та была прелестная, ветреная девушка; эта была красавица – женщина во всей развившейся красе своей. Полное чувство выражалось в её поднятых глазах, не отрывки, не намёки на чувство, но всё чувство. Ещё слёзы не успели в них высохнуть и облекли их блистающею влагою, проходившею душу. Грудь, шея и плечи заключились в те прекрасные границы, которые назначены вполне развившейся красоте; волосы, которые прежде разносились лёгкими кудрями по лицу её, теперь обратились в густую роскошную косу, часть которой была подобрана, а часть разбросалась по всей длине руки и тонкими, длинными, прекрасно согнутыми волосами упала на грудь. Кажется, все до одной изменились черты её. Напрасно силился он в них



Иллюстрация Е. Кибрика

отыскать хотя одну из тех, которые носились в его памяти, – ни одной! Как ни велика была её бледность, но она не помрачила чудесной красоты её; напротив, казалось, как будто придала ей что-то стремительное, неотразимо победоносное. И ощутил Андрий в своей душе благоговейную боязнь и стал неподвижен перед нею. Она, казалось, также была поражена видом козака, представшего во всей красе и силе юношеского мужества, который, казалось, и в самой неподвижности своих членов уже обличал развязную вольность движений; ясною твёрдостью сверкал глаз его, смелую дугою выгнулась бархатная бровь, загорелые щёки блистали всею яркостью девственного огня, и, как шёлк, лоснился молодой чёрный ус.

– Нет, я не в силах ничем возблагодарить тебя, великодушный рыцарь, – сказала она, и весь колебался серебряный звук её голоса. – Один Бог может возблагодарить тебя; не мне, слабой женщине...

Она потупила свои очи; прекрасными снежными полукружьями нагнулись на них веки, окраенные длинными, как стрелы, ресницами. Наклонилось всё чудесное лицо её, и тонкий румянец отделился от него снизу. Ничего не умел сказать на это Андрий. Он хотел бы выговорить всё, что ни есть на душе, – выговорить его так же горячо, как оно было на душе, – и не мог. Почувствовал он что-то заградившее ему уста: звук отнялся у слова; почувствовал он, что не ему, воспитанному в бурсе и в бранной кочевой жизни, отвечать на такие речи, и вознегодовал на свою козацкую натуру.

В это время вошла в комнату татарка. Она уже успела нарезать ломтями принесённый рыцарем хлеб, несла его на золотом блюде и поставила перед своею панною. Красавица взглянула на неё, на хлеб и возвела очи на Андрия – и много было в очах тех. Сей умиленный взор, выказавший изнеможенье и бессилье выразить обнявшие её чувства, был более досту-



пен Андрию, чем все речи. Его душе вдруг стало легко; казалось, всё развязалось у него. Душевные движенья и чувства, которые дотоле как будто кто-то удерживал тяжкою уздою, теперь почувствовали себя освобождёнными, на воле и уже хотели излиться в неукротимые потоки слов, как вдруг красавица, оборотясь к татарке, беспокожно спросила:

– А мать? Ты отнесла ей?

– Она спит.

– А отцу?

– Отнесла. Он сказал, что придёт сам благодарить рыцаря.

Она взяла хлеб и поднесла его ко рту. С неизъяснимым наслаждением глядел Андрий, как она ломала его блистающими пальцами своими и ела. (...)

И пусть бы выразило чьё-нибудь слово... но не властны выразить ни резец, ни кисть, ни высоко-могучее слово того, что видится иной раз во взорах девы, ниже того умилённого чувства, которым объёмлется глядящий в такие взоры девы.

– Царица! – вскрикнул Андрий, полный и сердечных, и душевных, и всяких избытков. – Что тебе нужно? чего ты хочешь? прикажи мне! Задай мне службу самую невозможную, какая только есть на свете, – я побегу исполнять её! Скажи мне сделать то, чего не в силах сделать ни один человек, – я сделаю, я погублю себя. Погублю, погублю! и погубить себя для тебя, клянусь святым крестом, мне так сладко... но не в силах сказать того! У меня три хутора, половина табунов отцовских – мои, всё, что принесла отцу мать моя, что даже от него скрывает она, – всё мое. Такого ни у кого нет теперь у козаков наших оружия, как у меня: за одну рукоять моей сабли дают мне лучший табун и три тысячи овец. И от всего этого откажусь, кину, брошу, сожгу, затоплю, если только ты вымолвишь одно слово или хотя только шевельнёшь своею тонкою чёрною бровью! Но знаю, что, может быть, несу глупые речи, и некстати, и нейдёт всё это сюда, что не мне, проведшему жизнь в бурсе и на Запорожье, говорить так, как в обычае говорить там, где бывают короли, князья и всё что ни есть лучшего в вельможном рыцарстве. Вижу, что ты иное творенье Бога, нежели все мы, и далеки пред тобою все другие боярские жёны и дочери-девы. Мы не годимся быть твоими рабами, только небесные ангелы могут служить тебе.

С возрастающим изумлением, вся превратившись в слух, не проронив ни одного слова, слушала дева открытую сердечную речь, в которой, как в зеркале, отражалась молодая, полная сил душа. И каждое простое слово сей речи, выговоренное голосом, летевшим прямо с сердечного дна, было облечено в силу. И выдалось вперёд всё прекрасное лицо её, отбросила она далеко назад досадные волосы, открыла уста и долго глядела с открытыми устами. Потом хотела что-то сказать и вдруг остановилась и вспомнила, что другим назначением ведётся рыцарь, что отец, братья и вся отчина его стоят позади его суровыми мстителями, что страшны облегшие город запорожцы, что лютой смерти обречены все они со своим городом... И глаза её вдруг наполнились слезами; быстро она схватила платок, шитый шелками, набросила себе на лицо его, и он в минуту стал весь влажен; и долго сидела, забросив назад свою прекрасную голову, сжав бело-



снежными зубами свою прекрасную нижнюю губу, – как бы внезапно почувствовав какое укушение ядовитого гада, – и не снимая с лица платка, чтобы он не видел её сокрушительной грусти.

– Скажи мне одно слово! – сказал Андрий и взял её за атласную руку. Сверкающий огонь пробежал по жилам его от сего прикосновенья, и жал он руку, лежавшую бесчувственно в руке его.

Но она молчала, не отнимала платка от лица своего и оставалась неподвижна.

– Отчего же ты так печальна? Скажи мне, отчего ты так печальна?

Бросила прочь она от себя платок, отёрнула належавшие на очи длинные волосы косы своей и вся разлилася в жалостных речах, выговаривая их тихим-тихим голосом, подобно когда ветер, поднявшись прекрасным вечером, пробежит вдруг по густой чаще приводного тростника: зашелестят, зазвучат и понесутся вдруг унывно-тонкие звуки, и ловит их с непонятной грустью остановившийся путник, не чуя ни погасающего вечера, ни несущихся весёлых песен народа, бредущего от полевых работ и жнив, ни отдалённого тарахтанья где-то проезжающей телеги.

– Не достойна ли я вечных сожалений? Не несчастна ли мать, родившая меня на свет? Не горькая ли доля пришлась на часть мне? Не лютый ли ты палач мой, моя свирепая судьба? Всех ты привела к ногам моим: лучших дворян изо всего шляхетства, богатейших панов, графов и иноземных баронов и все – что ни есть цвет нашего рыцарства. Всем им было вольно любить меня, и за великое благо всякий из них почёл бы любовь мою. Стоило мне только махнуть рукой, и любой из них, красивейший, прекраснейший лицом и породю, стал бы моим супругом. И ни к одному из них не причаровала ты моего сердца, свирепая судьба моя; а причаровала моё сердце, мимо лучших витязей земли нашей, к чуждому, к врагу нашему. За что же ты, Пречистая Божья Матерь, за какие грехи, за какие тяжкие преступления так неумолимо и беспощадно гонишь меня? В изобилии и роскошном избытке всего текли дни мои; лучшие, дорогие блюда и сладкие вина были мне снедью. И на что всё это было? к чему оно всё было? К тому ли, чтобы наконец умереть лютою смертью, какой не умирает последний нищий в королевстве? И мало того, что осуждена я на такую страшную участь; мало того, что перед концом своим должна видеть, как станут умирать в невыносимых муках отец и мать, для спасенья которых двадцать раз готова бы была отдать жизнь свою; мало всего этого: нужно, чтобы перед концом своим мне довелось увидеть и услышать слова и любовь, какой не видала я. Нужно, чтобы он речами своими раздрал на части моё сердце, чтобы горькая моя участь была ещё горше, чтобы ещё жалче было мне моей молодой жизни, чтобы ещё страшнее казалась мне смерть моя и чтобы ещё больше, умирая, попрекала я тебя, свирепая судьба моя, и тебя – прости моё прегрешение, – Святая Божья Матерь!

И когда затихла она, безнадежное, безнадежное чувство отразилось в лице её; ноющею грустью заговорила всякая черта его, и всё, от печально поникшего лба и опустившихся очей до слёз, застывших и засохнувших по тихо пламеневшим щекам её, – всё, казалось, говорило: «Нет счастья на лице сем!»



– Не слыхано на свете, не можно, не быть тому, – говорил Андрий, – чтобы красивейшая и лучшая из жён понесла такую горькую часть, когда она рождена на то, чтобы пред ней, как пред святыней, преклонилось всё что ни есть лучшего на свете. Нет, ты не умрёшь! Не тебе умирать! Клянусь моим рождением и всем, что мне мило на свете, ты не умрёшь! Если же выйдет уже так и ничем – ни силой, ни молитвой, ни мужеством – нельзя будет отклонить горькой судьбы, то мы умрём вместе; и прежде я умру, умру перед тобой, у твоих прекрасных коленей, и разве уже мёртвого меня разлучат с тобою.

– Не обманывай, рыцарь, и себя и меня, – говорила она, качая тихо прекрасной головой своей, – знаю и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут отец, товарищи, отчизна, а мы – враги тебе.

– А что мне отец, товарищи и отчизна! – сказал Андрий, встряхнув быстро головою и выпрямив весь прямой, как надречная осока, стан свой. – Так если ж так, так вот что: нет у меня никого! Никого, никого! – повторил он тем же голосом и сопроводив его тем движением руки, с каким упругий, несокрушимый козак выражает решимость на дело, неслыханное и невозможное для другого. – Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне её в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя – ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну сию в сердце моём, понесу её, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из козаков вырвет её оттуда! И всё, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!

На миг остолбенева, как прекрасная статуя, смотрела она ему в очи и вдруг зарыдала, и с чудною женскою стремительностью, на какую бывает только способна одна безрасчётно великодушная женщина, созданная на прекрасное сердечное движение, кинулась она к нему на шею, обхватив его снегоподобными, чудными руками, и зарыдала. В это время раздались на улице неясные крики, сопровождаемые трубным и литаврным звуком. Но он не слышал их. Он слышал только, как чудные уста обдавали его благовонной теплотой своего дыханья, как слёзы её текли ручьями к нему на лицо и спустившиеся все с головы пахучие её волосы опутали его всего своим тёмным и блистающим шёлком.

В это время вбежала к ним с радостным криком татарка.

– Спасены, спасены! – кричала она, не помня себя. – Наши вошли в город, привезли хлеба, пшена, муки и связанных запорожцев.

Но не слышал никто из них, какие «наши» вошли в город, что привезли с собою и каких связали запорожцев. Полный не на земле вкушаемых чувств, Андрий поцеловал в сии благовонные уста, прильнувшие к щеке его, и небезответны были благовонные уста. Они отозвались тем же, и в сем обоюднослиянном поцелуе ощутилось то, что один только раз в жизни даётся чувствовать человеку.

И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви Божьей! Украине не видать тоже храбрейшего из своих детей, взявшихся защищать её. Вырвет старый Тарас седой клок волос из своей чуприны и проклянёт и день и час, в который породил на позор себе такого сына.



Узнав, что к осаждённому пришла подмога, кошевой приказал казакам разбиться на несколько отрядов и перекрыть все подступы к городу.

Тем временем в лагере появился ростовщик Янкель, только что побывавший в Дубно. Он рассказал Тарасу о том, что Андрий, до беспамятства влюблённый в дочь воеводы, перешёл на сторону врага. Янкель своими глазами видел Андрия, разодетого в пышные одежды польского дворянина, и слышал, как воевода пообещал после победы над запорожцами сыграть свадьбу своей дочери и Андрия. Столкнувшись лицом к лицу с Янкелем, младший сын Бульбы, нимало не смутившись, произнёс: «...Скажи всем, что отец – теперь не отец мне, брат – не брат, товарищ – не товарищ и что я с ними буду биться со всеми».

Эта новость глубоко потрясла Тараса. И всё же в сердце старого отца теплилась надежда на то, что произошла какая-то ошибка.

(...) В городе услышали козацкое движенье. Все высыпали на вал, и предстала пред козаков живая картина: польские витязи, один другого красивей, стояли на валу. Медные шапки сияли, как солнца, оперённые белыми, как лебедь, перьями. На других были лёгкие шапочки, розовые и голубые, с перегнутыми набекрень верхами; кафтаны с откидными рукавами, шитые и золотом и просто выложенные шнурками; у тех сабли и ружья в дорогих оправках, за которые дорого приплачивались паны, – и много было всяких других убранств. Наперед стоял спесиво, в красной шапке, убранной золотом, буджаковский полковник. Грузен был полковник, всех выше и толще, и широкий дорогой кафтан в силу облекал его. На другой стороне, почти к боковым воротам, стоял другой полковник, небольшой человек, весь высохший; но малые зоркие очи глядели живо из-под густо наросших бровей, и оборачивался он скоро на все стороны, указывая бойко тонкою, сухою рукою своею, раздавая приказанья; видно было, что, несмотря на малое тело своё, знал он хорошо ратную науку. Недалеко от него стоял хорунжий, длинный-длинный, с густыми усами, и, казалось, не было у него недостатка в краске на лице: любил пан крепкие меды и добрую пирушку. И много было видно за ними всякой шляхты, вооружившейся кто на свои червонцы, кто на королевскую казну, заложив всё, что ни нашлось в дедовских замках. Немало было и всяких сенаторских нахлебников, которых брали с собою сенаторы на обеды для почёта, которые крали со стола и из буфетов серебряные кубки и после сегодняшнего почёта на другой день садились на кóзлы править конями у какого-нибудь пана. Много всяких было там. Иной раз и выпить было не на что, а на войну все принарядились.

Козацкие ряды стояли тихо перед стенами. Не было на них ни на ком золота, только разве кое-где блестело оно на сабельных рукоятях и ружейных оправках. Не любили козаки богато вырядиться на битвах; простые были на них кольчуги и свиты, и далеко чернели и червонели чёрные, червоноверхие бараньи их шапки.

Два козака выехало вперёд из запорожских рядов. Один ещё совсем молодой, другой постарее, оба зубастые на слова, на деле тоже не плохие козаки: Охрим Наш и Мыкыта Голокопытенко. Следом за ними выехал и Демид Попович, коренастый козак, уже давно маячивший на Сечи, бывший под Адрианополем и много натерпевшийся на веку своём: горел в



огне и прибежал на Сечь с обсмаленною, почерневшею головою и выгоревшими усами. Но раздобрел вновь Попович, пустил за ухо оселедец, вырастил усы, густые и чёрные как смоль. И крепок был на едкое слово Попович.

– А, красные жупаны на всём войске, да хотел бы я знать, красная ли сила у войска?

– Вот я вас! – кричал сверху дюжий полковник, – всех перевяжу! Отдавайте, холопы, ружья и коней. Видели, как перевязал я ваших? Выведите им на вал запорожцев!

И вывели на вал скрученных верёвками запорожцев. Впереди их был куренной атаман Хлиб, без шаровар и верхнего убранства, – так, как схватили его хмельного. И потупил в землю голову атаман, стыдясь наготы своей перед своими же козаками и того, что попал в плен, как собака, сонный. В одну ночь поседела крепкая голова его.

– Не печалься, Хлиб! Выручим! – кричали ему снизу козаки.

– Не печалься, друзьяка! – отозвался куренной атаман Бородатый. – В том нет вины твоей, что схватили тебя нагого. Беда может быть со всяким человеком; но стыдно им, что выставили тебя на позор, не прикрывши прилично наготы твоей.

– Вы, видно, на сонных людей храброе войско! – говорил, поглядывая на вал, Голокопытенко.

– Вот, погодите, обрежем мы вам чубы! – кричали им сверху.

– А хотел бы я поглядеть, как они нам обрежут чубы! – говорил Попович, поворотившись перед ними на коне. Потом, поглядевши на своих, сказал: – А что ж? Может быть, ляхи и правду говорят. Коли выведет их вон тот пузатый, им всем будет добрая защита.

– Отчего ж, ты думаешь, будет им добрая защита? – сказали козаки, зная, что Попович, верно, уже готовился что-нибудь отпустить.

– А оттого, что позади его упрячется всё войско, и уж чёрта с два из-за его пуза достанешь которого-нибудь копьём!

Все засмеялись козаки. И долго многие из них ещё покачивали головою, говоря: «Ну уж Попович! Уж коли кому закрутит слово, так только ну...» Да уж и не сказали козаки, что такое «ну».

– Отступайте, отступайте скорей от стен! – закричал кошевой. Ибо ляхи, казалось, не выдержали едкого слова, и полковник махнул рукой.

Едва только посторонились козаки, как грянули с валу картечью. На валу засуетились, показался сам седой воевода на коне. Ворота отворились, и выступило войско. Впереди выехали ровным конным строем шитые гусары. За ними кольчужники, потом латники с копьями, потом все в медных шапках, потом ехали особняком лучшие шляхтичи, каждый одетый по-своему. Не хотели гордые шляхтичи смешаться в ряды с другими, и у которого не было команды, тот ехал один с своими слугами. Потом опять ряды, и за ними выехал хорунжий; за ним опять ряды, и выехал дюжий полковник; а позади всего уже войска выехал последним низенький полковник.

– Не давать им, не давать им строиться и становиться в ряды! – кричал кошевой. – Разом напирайте на них все курени! Оставляйте прочие ворота! Тытаревский курень, нападай сбоку! Дядькивский курень, нападай с





Иллюстрации *Д. Шмаринова*

другого! Напирайте на тыл, Кукубенко и Палывода! Мешайте, мешайте и розните их!

И ударили со всех сторон козаки, сбили и смешали их, и сами смешались. Не дали даже и стрельбы произвести; пошло дело на мечи да на копья. Все сбились в кучу, и каждому привёл случай показать себя. (...)

Как услышали уманцы, что куренного их атамана Бородатого нет уже в живых, бросили поле битвы и прибежали прибрать его тело; и тут же стали совещаться, кого выбрать в куренные. Наконец сказали:

– Да на что совещаться? Лучше не можно поставить в куренные, как Бульбенка Остапа. Он, правда, младший всех нас, но разум у него, как у старого человека.

Остап, сняв шапку, всех поблагодарил козаков-товарищей за честь, не стал отговариваться ни молодостью, ни молодым разумом, зная, что время военное и не до того теперь, а тут же повёл их прямо на кучу и уж показал им всем, что недаром выбрали его в атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дело слишком жарко, отступили и перебежали поле, чтоб собраться на другом конце его. А низенький полковник махнул на стоявшие отдельно, у самых ворот, четыре свежих сотни, и грянули оттуда картечью в козацкие кучи. Но мало кого достали: пули хватили по быкам козацким, дико глядевшим на битву. Взревели испуганные быки, поворотили на козацкие таборы, переломали возы и многих перетоптали. Но Тарас в это время, вырвавшись из засады с своим полком, с криком бросился навпереймы. Поворотило назад всё бешеное стадо, испуганное криком, и метнулось на ляшские полки, опрокинуло конницу, всех смяло и рассыпало.

– О, спасибо вам, волы! – кричали запорожцы, – служили всё походную службу, а теперь и военную сослужили! – И ударили с новыми силами на неприятеля.



Много тогда перебили врагов. Многие показали себя: Метельця, Шило, оба Пысаренки, Вовтузенко, и немало было всяких других. Увидели ляхи, что плохо наконец приходит, выкинули хоругвь и закричали отворять городские ворота. Со скрипом отворились обитые железом ворота и приняла толпившихся, как овец в овчарню, изнурённых и покрытых пылью всадников. Многие из запорожцев погнались было за ними, но Остап своих уманцев остановил, сказавши: «Подальше, подальше, паны-братья, от стен! Не годится близко подходить к ним». И правду сказал, потому что со стен грянули и посыпали всем чем ни попало, и многим досталось. В это время подъехал кошевой и похвалил Остапа, сказавши: «Вот и новый атаман, а ведёт войско так, как бы и старый!» Оглянулся старый Бульба поглядеть, какой там новый атаман, и увидел, что впереди всех уманцев сидел на коне Остап, и шапка заломлена набекрень, и атаманская палица в руке. «Вишь ты какой!» – сказал он, глядя на него; и обрадовался старый, и стал благодарить всех уманцев за честь, оказанную сыну.

Козаки вновь отступили, готовясь идти к таборам, а на городском валу вновь показались ляхи, уже с изорванными епанчами. Запеклася кровь на многих дорогих кафтанах, и пылью покрылися красивые медные шапки.

– Что, перевязали? – кричали им снизу запорожцы.

– Вот я вас! – кричал всё так же сверху толстый полковник, показывая верёвку.

И всё ещё не переставали грозить запылённые, изнурённые воины, и все, бывшие позадорнее, перекинулись с обеих сторон бойкими словами.

Наконец разошлись все. Кто расположился отдыхать, истомившись от боя; кто присыпал землёй свои раны и драл на перевязки платки и дорогие одежды, снятые с убитого неприятеля. Другие же, которые были посвежее, стали прибирать тела и отдавать им последнюю почесть.

Потом сели кругами все курени вечерять и долго говорили о делах и подвигах, доставшихся в удел каждому, на вечный рассказ пришельцам и потомству. Долго не ложились они. А долее всех не ложился старый Тарас, всё размышляя, что бы значило, что Андрия не было между вражьих воев. Посовестился ли Иуда выйти противу своих или попался он просто в неволю? Но тут же вспомнил он, что не в меру было наклончиво сердце Андрия на женские речи, почувствовал скорбь и заклился сильно в душе против полячки, причаровавшей его сына. Но не ведал Бульба того, что готовит Бог человеку завтра, и стал позабываться сном, и наконец заснул.

А козаки всё ещё говорили промеж собой, и всю ночь стояла у огней, приглядываясь пристально во все концы, трезвая, не смыкавшая очей стража. (...)

Во время отлучки казаков на Запорожскую Сечь напали татары и увели с собой всех, кто там оставался. Лишь одному казаку, Максиму Голодухе, чудом удалось вырваться из татарского плена. Он-то и сообщил о нападении войску, стоявшему под стенами Дубно. Обычно в подобных случаях запорожцы тотчас же пускались в погоню, стараясь вызволить товарищей до того, как они попадут на невольничьи рынки. Но в этот раз, оставив Дубно, они бросили бы на произвол судьбы своих друзей-соратников, взятых в плен поляками. Поэтому на совете было решено разделить: одна часть войска должна была отправиться вслед за татарами, вторая же – продолжить осаду города. Тарас и Остап остались под Дубно.

Сведения о том, что ряды казаков поредели, воодушевили врага. Запорожцы начали готовиться к сражению. Перед боем старый Бульба обратился к своим товарищам с речью.



(...) – Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Всё взяли бусурманы, всё пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чём стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь своё дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь – и там люди! также Божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдёт до того, чтобы поведать сердечное слово, – видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, – любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а... – сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седею головою, и усом моргнул, и сказал: – Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их. Перенимают чёрт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой со своим не хочет говорить; свой своего продаёт, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который жёлтым чёботом своим бьёт их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об пóлы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, – так никому ж из них не доведётся так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышинной натуре их!

Так говорил атаман и, когда кончил речь, всё ещё потрясал посеребрившеюся в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошед далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалась в старых очах; медленно отирали они её рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывальными головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудрённого горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почуявшего молодою жемчужною душою на вечную радость старцам родителям, родившим их.



А из города уже выступало неприятельское войско, гремя в литавры и трубы, и, подбоченившись, выезжали паны, окружённые несметными слугами. Толстый полковник отдавал приказы. И стали наступать они тесно на козацкие таборы, грозя, нацеливаясь пищалями, сверкая очами и блеща медными доспехами. Как только увидели козаки, что подошли они на ружейный выстрел, все разом грянули в семипядные¹ пищали, и, не перерывая, всё палили они из пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаясь в непрерывный гул; дымом затянуло всё поле, а запорожцы всё палили, не переводя духу: задние только заряжали да передавали передним, наводя изумление на неприятеля, не могшего понять, как стреляли козаки, не заряжая ружей. Уже не видно было за великим дымом, обнявшим то и другое воинство, не видно было, как то одного, то другого не ставало в рядах; но чувствовали ляхи, что густо летели пули и жарко становилось дело; и когда попятились назад, чтобы посторониться от дыма и оглядеться, то многих недосчитались в рядах своих. А у козаков, может быть, другой-третий был убит на всю сотню. И всё продолжали палить козаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Сам иноземный инженер подивился такой, никогда им не виданной тактике, сказавши тут же, при всех: «Вот бравые молодцы-запорожцы! Вот как нужно биться и другим в других землях!» И дал совет поворотить тут же на табор пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки; дрогнула, далеко загудевши, земля, и вдвое больше затянуло дымом всё поле. Почуяли запах пороха среди площадей и улиц в дальних и ближних городах. Но нацелившие взяли слишком высоко: раскалённые ядра выгнули слишком высокую дугу. Страшно завизжав по воздуху, перелетели они через головы всего табора и углубились далеко в землю, взорвав и взметнув высоко на воздух чёрную землю. Ухватил себя за волосы французский инженер при виде такого неискусства и сам принялся наводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями непрерывно козаки.

Тарас видел ещё издали, что беда будет всему Незамайковскому и Стебликивскому куреню, и вскрикнул зычно: «Выбирайтесь скорей из-за возов, и садись всякий на коня!» Но не успели бы сделать то и другое козаки, если бы Остап не ударил в самую середину; выбил фитили у шести пушкарей, у четырёх только не мог выбить: отогнали его назад ляхи. А тем временем иноземный капитан сам взял в руку фитиль, чтобы выпалить из величайшей пушки, какой никто из козаков не видывал дотоле. Страшно глядела она широкою пастью, и тысяча смертей глядело оттуда. И как грянула она, а за нею следом три другие, четырёхкратно потрясши глухо-ответную землю, — много нанесли они горя! Не по одному козаку взрыдает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси. Не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах. Будет, сердечная, выбегать всякий день на базар, хватаясь за всех проходящих, распознавая каждого из них в очи, нет ли между их одного, милейшего всех. Но много пройдёт через город всякого войска, и вечно не будет между ними одного, милейшего всех.

¹ Семипядный — от *пядь* — старинная мера длины, равная расстоянию между раздвинутыми большим и указательным пальцами.



Так, как будто и не бывало половины Незамайковского куреня! Как градом выбивает вдруг всю ниву, где, что полновесный червонец, красовался всякий колос, так их выбило и положило.

Как же вскинулись козаки! Как схватились все! (...)

А там уже выезжал Задорожный с своими, ломил ряды куренной Вертыхвист и выступал Балабан.

– А что, паны? – сказал Тарас, перекликнувшись с куренными. – Есть ещё порох в пороховницах? Не ослабела ли козацкая сила? Не гнутся ли козаки?

– Есть ещё, батько, порох в пороховницах. Не ослабела ещё козацкая сила; ещё не гнутся козаки!

И напёрли сильно козаки: совсем смешали все ряды. Низкорослый полковник ударил сбор и велел выкинуть восемь малёванных знамён, чтобы собрать своих, рассыпавшихся далеко по всему полю. Всё бежали ляхи к знамёнам; но не успели они ещё выстроиться, как уже куренной атаман Кукубенко ударил вновь с своими незамайковцами в середину и напал прямо на толстопузого полковника. Не выдержал полковник и, поворотив коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гнал его через всё поле, не дав ему соединиться с полком. Завидев то с бокового куреня, Степан Гуска пустился ему навпереймы, с арканом в руке, всю пригнувши голову к лошадиной шее, и, улучивши время, с одного раза накиннул аркан ему на шею. (...)

Оглянулись козаки, а уж там, сбоку, козак Метельця угощает ляхов, шеломя того и другого; а уж там, с другого, напирает с своими атаман Невылычкий; а у возов ворочает врага и бьётся Закрутыгуба; а у дальних возов третий Пысаренко отогнал уже целую ватагу. А уж там, у других возов, схватились и бьются на самых возах.

– Что, паны? – перекликнулся атаман Тарас, проехавши впереди всех. – Есть ли ещё порох в пороховницах? Крепка ли ещё козацкая сила? Не гнутся ли ещё козаки?

– Есть ещё, батько, порох в пороховницах; ещё крепка козацкая сила; ещё не гнутся козаки!

А уж упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце пришлась ему пуля (...).

Балабан, куренной атаман, скоро после него грянулся также на землю. (...) И отлетела его душа.

Козаки, козаки! не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось из всего Незамайковского куреня; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нём одежда. Сам Тарас, увидя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подошли козаки. (...) Уже редели сильно козацкие ряды; многих, многих храбрых уже недосчитывались; но стояли и держались ещё козаки.

– А что, паны? – перекликнулся Тарас с оставшимися куренями. – Есть ли ещё порох в пороховницах? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли козацкая сила? Не погнулись ли козаки?

– Достанет ещё, батько, пороху! Годятся ещё сабли; не утомилась козацкая сила; не погнулись ещё козаки!

И рванулись снова козаки так, как бы и потерь никаких не потерпели. Уже три только куренных атамана осталось в живых. Червонели уже всюду



красные реки. (...) «Ну!» – сказал Тарас и махнул платком. Понял тот знак Остап и ударил сильно, вырвавшись из засады, в конницу. Не выдержали сильного напору ляхи, а он их гнал и нагнал прямо на место, где были вбиты в землю копыя и обломки копьев. Пошли спотыкаться и падать кони и лететь через их головы ляхи. А в это время корсунцы, стоявшие последние за возами, увидевши, что уже достанет ружейная пуля, грянули вдруг из самопалов. Все сбились и растерялись ляхи, и приободрились козаки. «Вот и наша победа!» – раздались со всех сторон запорожские голоса, затрубили в трубы и выкинули победную хоругвь. Везде бежали и крылись разбитые ляхи. «Ну, нет, ещё не совсем победа!» – сказал Тарас, глядя на городские ворота, и сказал он правду.

Отворились ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все как один бурые аргмаки¹. Впереди других понёсся витязь всех бойчее, всех красивее. Так и летели чёрные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понёсся, как молодой борзой пёс, красивейший, быстрее и молодой всех в стае. Атукнул на него опытный охотник – и он понёсся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись набок всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как?.. Своих?.. Своих, чёртов сын, своих бьёшь?..» Но Андрий не различал, кто пред ним был, свои или другие какие; ничего не видел он. Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри, и подобную речному лебедю грудь, и снежную шею, и плечи, и всё, что создано для безумных поцелуев.

«Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его!» – кричал Тарас. И вызвалось тот же час тридцать быстреейших козачков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо наперерез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи. Как вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело поспевать за ним. А козаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: пред ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен...

Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою по лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный вы-

¹ *Аргма́к* – порода крупных верховых лошадей; аргмаки отличаются скоростью и лёгкостью бега.



скакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части; и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв и упадает бессильная ярость. Подобно ему, в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

– Ну, что ж теперь мы будем делать? – сказал Тарас, смотря прямо ему в очи.

Но ничего не знал на то сказать Андрий и стоял, утупивши в землю очи.

– Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?

Андрий был безответен.

– Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребёнок, слез он с коня и остановился ни жив ни мёртв перед Тарасом.

– Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! – сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружьё.

Бледен как полотно был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чьё-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев – это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мёртвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жён очарованья, всё ещё выражало чудную красоту; чёрные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты.

– Чем бы не козак был? – сказал Тарас, – и станом высокий, и чернобровый, и лицо как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!

– Батько, что ты сделал? Это ты убил его? – сказал подъехавший в это время Остап.

Тарас кивнул головою.

Пристально поглядел мёртвому в очи Остап. Жалко ему стало брата, и проговорил он тут же:

– Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не поругались над ним враги и не растаскали бы его тела хищные птицы.

– Погребут его и без нас! – сказал Тарас, – будут у него плакальщики и утешницы!

И минуты две думал он, кинуть ли его на расхищенье волкам-сироманам или пощадить в нём рыцарскую доблесть, которую храбрый должен уважать в ком бы то ни было. Как видит, скачет к нему на коне Голокопытенко:

– Беда, атаман, окрепли ляхи, прибыла на подмогу свежая сила!..

Не успел сказать Голокопытенко, скачет Вовтузенко:

– Беда, атаман, новая валит ещё сила!..

Не успел сказать Вовтузенко, Пысаренко бежит бегом, уже без коня:

– Где ты, батьку? Ищут тебя козаки. Уж убит куренной атаман Невылычкий, Задорожний убит, Черевиченко убит. Но стоят козаки, не хотят



умирать, не увидев тебя в очи; хотят, чтобы взглянул ты на них перед смертным часом!

– На коня, Остап! – сказал Тарас и спешил, чтобы застать ещё козаков, чтобы поглядеть ещё на них и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана.

Но не выехали они ещё из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и меж деревьями везде показались всадники с саблями и копьями. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» – кричал Тарас, а сам, схвативши саблю наголо, начал честить первых попавшихся на все боки. А на Остапа уже наскочило вдруг шестеро; но не в добрый час, видно, наскочило (...). «Добре, сынку!.. Добре, Остап!.. – кричал Тарас. – Вот я следом за тобою!..» А сам всё отбивался от наступавших. Рубится и бьётся Тарас, сыплет гостинцы тому и другому на голову, а сам глядит всё вперёд на Остапа и видит, что уже вновь схватилось с Остапом мало не восьмеро разом. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» Но уж одолевают Остапа; уже один накинул ему на шею аркан, уже вяжут, уже берут Остапа. «Эх, Остап, Остап!.. – кричал Тарас, пробиваясь к нему, рубя в капусту встречных и поперечных. – Эх, Остап, Остап!..» Но как тяжёлым камнем хватило его самого в ту же минуту. Всё закружилось и перевернулось в глазах его. На миг смешанно сверкнули пред ним головы, копья, дым, блески огня, сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи. И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи. (...)

Две недели раненый Тарас был без сознания. Придя в себя, он узнал, что битва закончилась полным разгромом казацкого войска и что его, Тараса, голова оценена врагами «в две тысячи червонных». Однако тоска по Остапу, находившемуся в плену, погнала его назад, в Дубно.

Тарас прибыл на место как раз накануне казни казаков. Ростовщик Янкель раздобыл для него одежду чужестранца и помог пробраться в город. Тарас затерялся в толпе, собравшейся поглядеть на кровавую расправу над запорожцами. Вскоре на площадь вывели приговорённых к казни.

XI

(...) Они шли с открытыми головами, с длинными чубами; бороды у них были отпущены. Они шли не боязливо, не угрюмо, но с какою-то тихою горделивостью; их платья из дорогого сукна изнашивались и болтались на них ветхими лоскутками; они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шёл Остап.

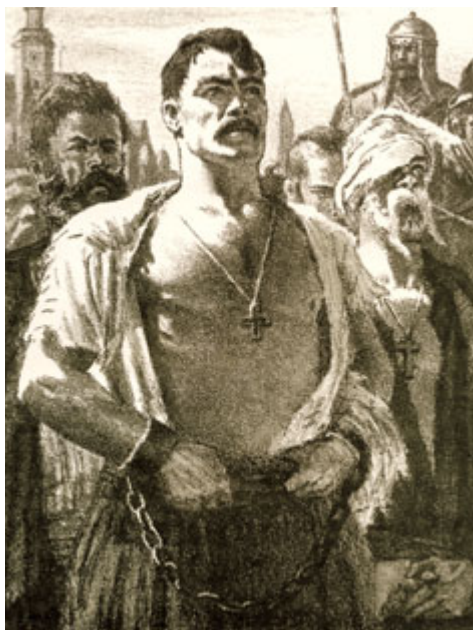
Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце? Он глядел на него из толпы и не проронил ни одного движения его. Они приблизились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжёлую чашу. Он глянул на своих, поднял руку вверх и произнес громко:

– Дай же, Боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, нечестивые, как мучится христианин! чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова!

После этого он приблизился к эшафоту.

– Добре, сынку, добре! – сказал тихо Бульба и утавил в землю свою седую голову.





Иллюстрации *Е. Кибрика*

Палач сдёрнул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волосы. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вёл ещё кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою, не чуя человечества. Напрасно некоторые, немногие, бывшие исключениями из века, являлись противниками сих ужасных мер. Напрасно король и многие рыцари, просветлённые умом и душой, представляли, что подобная жестокость наказаний может только разжечь мщение козацкой нации. Но власть короля и умных мнений была ничто перед беспорядком и дерзкой волею государственных магнатов, которые своею необдуманностью, неопостижимым отсутствием всякой дальновидности, детским самолюбием и ничтожною гордостью превратили сейм в сатиру на правление. Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их слышался среди мёртвой толпы отдалёнными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, – ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его. Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: «Добре, сынку, добре!»

Но когда подвели его к последним смертным мукам, – казалось, как будто стала подаваться его сила. И повёл он очами вокруг себя: Боже, всё неведомые, всё чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы слышать рыданий и сокрушения слабой матери или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и биющей себя в белые груди; хотел бы он теперь увидеть твёрдого мужа, который



бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и воскликнул в душевной немощи:

– Батько! где ты! Слышишь ли ты?

– Слышу! – раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул.

Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа. Янкель побледнел как смерть, и когда всадники немного отделились от него, он со страхом оборотился назад, чтобы взглянуть на Тараса; но Тараса уже возле него не было: его и след простыл.

XII

Отыскался след Тарасов. Сто двадцать тысяч козацкого войска показалось на границах Украйны. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступивший на добычу или на угон за татарами. Нет, поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, – поднялась отмстить за посмеянье прав своих, за позорное унижение своих нравов, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье, за унию... – за всё, что копило и сугубило с давних времён суровую ненависть козаков. Молодой, но сильный духом гетьман Острианица предводил всею несметною козацкою силою. Возле был виден престарелый, опытный товарищ его и советник, Гуня. Восемь полковников вели двенадцатитысячные полки. Два генеральные есаула и генеральный бунчужный ехали вслед за гетьманом. Генеральный хорунжий предводил главное знамя; много других хоругвей и знамён развевалось вдали; бунчуковые товарищи несли бунчуки. Много также было других чинов полковых: обозных, войсковых товарищей, полковых писарей и с ними пеших и конных отрядов; почти столько же, сколько было рейстровых козаков, набралось охочекомонных и вольных. Отовсюду поднялись козаки: от Чигирина, от Переяслава, от Батурина, от Глухова, от низовой стороны днепровской и от всех его верховий и островов. Без счёту кони и несметные таборы телег тянулись по полям. И между теми-то козаками, между теми восьмью полками отборнее всех был один полк, и полком тем предводил Тарас Бульба. Всё давало ему перевес пред другими: и преклонные лета, и опытность, и умение двигать своим войском, и сильнейшая всех ненависть к врагам. Даже самим козакам казалась чрезмерною его беспощадная свирепость и жестокость. Только огонь да виселицу определяла седая голова его, и совет его в войсковом совете дышал только одним истреблением.

Нечего описывать всех битв, где показали себя козаки, ни всего постепенного хода кампании: всё это внесено в летописные страницы. Известно, какова в Русской земле война, поднятая за веру: нет силы сильнее веры. Непреоборима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного, вечно изменчивого моря. Из самой середины морского дна возносит она к небесам непроломные свои стены, вся созданная из одного цельного, сплошного камня. Отвсюду видна она и глядит прямо в очи мимобегущим волнам. И горе кораблю, который нанесётся на неё! В щепы летят бессильные его снасти, тонет и ломится в прах всё, что ни есть на них, и жалким криком погибающих оглашается поражённый воздух.



В летописных страницах изображено подробно, как бежали польские гарнизоны из освобождаемых городов... как слаб был коронный гетьман Николай Потоцкий с многочисленной своею армиею против этой непреодолимой силы; как, разбитый, преследуемый, перетопил он в небольшой речке лучшую часть своего войска; как облегли его в небольшом местечке Полонном грозные козацкие полки и как, приведённый в крайность, польский гетьман клятвенно обещал полное удовлетворение во всём со стороны короля и государственных чинов и возвращение всех прежних прав и преимуществ. Но не такие были козаки, чтобы поддаться на то: знали они уже, что такое польская клятва. И Потоцкий не красовался бы больше на шеститысячном своём аргамаке, привлекая взоры знатных панн и зависть дворянства, не шумел бы на сеймах, задавая роскошные пиры сенаторам, если бы не спасло его находившееся в местечке русское духовенство. Когда вышли навстречу все попы в светлых золотых ризах, неся иконы и кресты, и впереди сам архиерей¹ с крестом в руке и в пастырской митре², преклонили козаки все свои головы и сняли шапки. Никого не уважили бы они на ту пору, ниже самого короля, но против своей церкви христианской не посмели и уважили своё духовенство. Согласился гетьман вместе с полковниками отпустить Потоцкого, взявши с него клятвенную присягу оставить на свободе все христианские церкви, забыть старую вражду и не наносить никакой обиды козацкому воинству. Один только полковник не согласился на такой мир. Тот один был Тарас. Вырвал он клочок волос из головы своей и вскрикнул:

– Эй, гетьман и полковники! не сделайте такого бабьего дела! не верьте ляхам...

Когда же полковой писарь подал условие и гетьман приложил свою властную руку, он снял с себя чистый булат, дорогую турецкую саблю из первейшего железа, разломил её надвое, как трость, и кинул врозь, далеко в разные стороны оба конца, сказав:

– Прощайте же! Как двум концам сего палаша не соединиться в одно и не составить одной сабли, так и нам, товарищи, больше не видаться на этом свете. Помяните же прощальное моё слово (при сем слове голос его вырос, подымался выше, принял неведомую силу, – и смутились все от пророческих слов): перед смертным часом своим вы вспомните меня! Думаете, купили спокойствие и мир; думаете, пановать станете? Будете пановать другим панованьем: сдерут с твоей головы, гетьман, кожу, набьют её гречаною половою, и долго будут видеть её по всем ярмаркам! Не удержите и вы, паны, голов своих! Пропадёте в сырых погребях, замурованные в каменные стены, если вас, как баранов, не сварят всех живыми в котлах!

– А вы, хлопцы! – продолжал он, оборотившись к своим, – кто из вас хочет умирать своею смертью – не по запечьям и бабьим лежанкам, не пьяными под забором у шинка, подобно всякой падали, а честной, козацкой

¹ *Архиерей* – высший чин православного монашеского духовенства; лицо, имеющее такой чин.

² *Митра* – головной убор высшего православного духовенства, надеваемый при полном облачении.



смертью – всем на одной постеле, как жених с невестой? Или, может быть, хотите воротиться домой, да оборотиться в недоверков, да возить на своих спинах польских ксёндзов?

– За тобою, пане полковнику! За тобою! – вскрикнули все, которые были в Тарасовом полку; и к ним перебежало немало других.

– А коли за мною, так за мною же! – сказал Тарас, надвинул глубже на голову себе шапку, грозно взглянул на всех остававшихся, оправился на коне своём и крикнул своим: – Не попрекнёт же никто нас обидной речью! А ну, гайда, хлопцы, в гости к католикам!

И вслед за тем ударил он по коню, и потянулся за ним табор из ста телег, и с ними много было козацких конников и пехоты, и, оборотаясь, грозил взором всем остававшимся, и гневен был взор его. Никто не посмел остановить их. В виду всего воинства уходил полк, и долго ещё оборачивался Тарас и всё грозил.

Смутны стояли гетьман и полковники, задумались все и молчали долго, как будто теснимые каким-то тяжёлым предвестием. Недаром провещал Тарас: так всё и сбылось, как он провещал. Немного времени спустя, после вероломного поступка под Каневом, вздёрнута была голова гетьмана на кол вместе со многими из первых сановников.

А что же Тарас? А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, близ сорока костёлов и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки. (...) И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были побольше, чем обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходили козаки просёлочными дорогами от всех преследований; едва выносили кони необыкновенное бегство и спасали козаков. Но Потоцкий на сей раз был достоин возложенного поручения; неумолимо преследовал он их и настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для рывка оставленную развалившуюся крепость.

Над самой кручей у Днестра-реки виднелась она своим оборванным валом и своими развалившимися останками стен. Щебнем и разбитым кирпичом усеяна была верхушка утёса, готовая всякую минуту сорваться и слететь вниз. Тут-то, с двух сторон, прилегающих к полю, обступил его коронный гетьман Потоцкий. Четыре дня бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и камнями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробились было уже козаки, и, может быть, ещё раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стойте! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам!» И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную сопутницу на морях, и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки. «Эх, старость, старость!» – сказал он, и заплакал дебелый старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. «По-



палась ворона! – кричали ляхи. – Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать». И присудили, с гетьманского разрешения, сжечь его живого в виду всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к деревесному стволу, гвоздём прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отовсюду был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костёр. Но не на костёр глядел Тарас, не об огне он думал, которым собирались жечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались козаки: ему с высоты всё было видно как на ладони.

– Занимайте, хлопцы, занимайте скорее, – кричал он, – горку, что за лесом: туда не подступят они!

Но ветер не донёс его слов.

– Вот, пропадут, пропадут ни за что! – говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал:

– К берегу! к берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что на лево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны козаками. Но за такой совет достался ему тут же удар обухом по голове, который переверотил всё в глазах его.

Пустились козаки во всю прыть подгорной дорожкой; а уж погоня за плечами. Видят: путается и загибается дорожка и много даёт в сторону извилов. «А, товарищи! не куды пошло!» – сказали все, остановились на миг, подняли свои нагайки, свистнули – и татарские их кони, отделившись от земли, распластавшись в воздухе, как змеи, перелетели через пропасть и бултыхнули прямо в Днестр. Двое только не достали до реки, грянулись с вышины об камень, пропали там навеки с конями, даже не успевши издать крика. А козаки уже плыли с конями в реке и отвязывали челны. Остановились ляхи над пропастью, дивясь неслыханному козацкому делу и думая: прыгать ли им или нет? Один молодой полковник, живая, горячая кровь, родной брат прекрасной полячки, обворожившей бедного Андрия, не подумал долго и бросился со всех сил с конём за козаками: перевернулся три раза в воздухе с конём своим и прямо грянулся на острые утёсы. (...)

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли вёслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

– Прощайте, товарищи! – кричал он им сверху. – Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! Что, взяли, чёртовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы боялся козак? (...)

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Немалая река Днестр, и много на ней заводьев, речных густых камышей, отмелей и глубоководных мест; блестит речное зеркало, оглашённое звонким ячаньем лебедей, и гордый гоголь быстро несётся по нём, и много



куликов, краснозобых курухтанов и всяких иных птиц в тростниках и на побережьях. Козаки живо плыли на узких двухрульных челнах, дружно гребли вёслами, осторожно минали отмели, всплашивая подымавшихся птиц, и говорили про своего атамана.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Охарактеризуйте положение жителей Дубно.
2. Перескажите эпизод встречи Андрия с польской панночкой в осаждённом городе. Какую роль эта встреча сыграла в судьбе младшего сына Тараса Бульбы? Что заставило его отчуждаться от отчизны и товарищей?
3. Перечитайте речь Тараса о товариществе. Какие заветные мысли высказал в ней герой? Какие из этих мыслей вы разделяете?
4. Расскажите о последней битве казаков с поляками. Как во время этого боя вёл себя Тарас? Приведите примеры героизма запорожцев.
5. Чем завершилось сражение для Тараса и его сыновей? Как вы думаете, почему Андрий при встрече с отцом не промолвил ни единого слова?
6. Как Остап держался во время пыток? Что побудило его в эти минуты обратиться к отцу? Как вам кажется, помог ли молодому Бульбе ответ отца? Что чувствовал Тарас, наблюдая за тем, как его сын испытывает страшные муки?
7. Как погиб Тарас Бульба? Какие художественные средства и детали подчёркивают физическую и духовную мощь героя в последние минуты его жизни? Что общего между образом Тараса Бульбы и образами былинных богатырей?
8. Рассмотрите иллюстрации Е. Кибрика на с. 81, 83, 88, 101, 115. Какие моменты жизни героев в них отражены? Как в портрете Тараса передаётся его физическая сила и чувство собственного достоинства? Какие чувства подчёркивает художник в образе Остапа, идущего на казнь?
9. Рассмотрите иллюстрации Д. Шмаринова (с. 93, 107). Какие иллюстрации – Д. Шмаринова или Е. Кибрика – больше соответствуют духу произведения? Мотивируйте свой ответ.
10. Обобщив размышления над судьбами Тараса и его сыновей, определите главную идею повести.
11. Сравните образы Остапа и Андрия. При выполнении этого задания примите во внимание описание внешности и характеров братьев, а также особенности их поведения: в бурсе; в эпизоде возвращения домой из бурсы; во время похода на Дубно; в момент гибели. Подумайте над вопросами:
 - А. Что превыше всего ценил в жизни каждый из братьев?
 - Б. Как эти представления повлияли на их судьбы?
12. Выучите наизусть один из следующих отрывков повести: описание степи, речь Тараса о товариществе, эпизод гибели Тараса.
13. **Работа в группах.** Подготовьтесь к дискуссии по следующим вопросам:
 - А. Что привело Андрия к трагедии: недостатки его характера, любовь к женщине из «вражеского народа», отсутствие патриотизма? Могла ли подобная история произойти с Остапом? Какие чувства вызывает у вас Андрий?
 - Б. Выскажите своё мнение по поводу следующих рассуждений персонажей повести: «Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для неё всего» (Андрий); «Коли человек влюбится, то он всё равно что подошва, которую, коли размочишь в воде, возьми, согни – она и согнётся» (Янкель); «Нет уз святее товарищества!» (Тарас Бульба).
14. **Пофантазируйте!** Как, с вашей точки зрения, сложилась бы судьба Андрия, если бы он отказался пойти к любимой в осаждённый город?
15. **Творческое задание.** Дайте развёрнутый письменный ответ на один из вопросов:
 - А. Можно ли считать Тараса Бульбу настоящим героем?
 - Б. В чём заключаются главные различия между Остапом и Андрием?
 - В. Чем повесть «Тарас Бульба» может быть интересна современному читателю?





Герои А.С. Пушкина на экране



Произведения А.С. Пушкина часто переносятся на экран. Снимать фильмы по его произведениям стали практически сразу с появлением в Российской империи кинематографа.

В эпоху немого кино были по несколько раз экранизированы почти все прозаические произведения Пушкина. В 1918 году, когда частные кинокомпании прекратили свою деятельность, в абсолютно разрушенной стране сразу три кинофирмы обратились к «Повестям Белкина». Всё это характеризует Пушкина как человека и писателя, который оставался образцом нравственности, культуры, чести и художественного мастерства. Каждая из «Повестей Белкина» не раз экранизирована. Кинематографисты снова и снова обращаются к этим классическим произведениям, в которых поднимаются «вечные» вопросы. Лучшие из них становятся самостоятельными художественными явлениями и живут своей жизнью, рассказывая нам, зрителям, казалось бы, простые истории, которые волнуют и заставляют задуматься о жизненных ценностях, о праве на ошибку, об умении прощать, надежде и любви, о вере в будущее, которое ждёт нас завтра, через год, через десять лет...

В 1972 г. режиссёр *Сергей Соловьёв* создаёт фильм «**Станционный смотритель**» – одну из самых лучших и бережных экранизаций русской классической литературы. Кинофильм воссоздаёт дух начала XIX в. Удивительно удачно Н. Пастуховым, сыгравшим роль Самсона Вырина, передана нежная беззаветная любовь его героя к дочери, которая составляет смысл его жизни. Трогательность и проникновенность фильма усиливает волшебная музыка И. Шварца.



Кадры из кинофильма «Станционный смотритель» (режиссёр С. Соловьёв)



Таким же бережным отношением к литературному оригиналу отличается и экранизация повести А. Пушкина «Метель» режиссёра *Владимира Басова*, снятая в 1964 г. В «*Метели*» заняты замечательные актёры В. Титова, О. Видов. Музыка к фильму написал Г. Свиридов.



Кадр из кинофильма «Метель» (режиссёр В. Басов)

Кинофильм «*Барышня-крестьянка*» по одноимённой повести А.С. Пушкина режиссёра *Алексея Сахарова* – история любви двух молодых людей, семьи которых враждуют между собой. Светлая атмосфера фильма, снятого в 1995 г., подчёркивает поэтическую простоту пушкинской повести. Лиза, которую сыграла Е. Корикина, и Алексей в исполнении Д. Щербини искренне передают счастье и доброту первой настоящей любви.

К «*Повестям Белкина*» обращались режиссёры из многих стран: Австрии, Великобритании, Германии, Италии, Нидерландов, Польши, США, Турции, Финляндии, Франции.



Кадр из кинофильма «Барышня-крестьянка» (режиссёр А. Сахаров)



1. Какие из названных фильмов вы видели? Расскажите о своих впечатлениях.
2. Посмотрите одну из экранизаций «Повестей Белкина» А.С. Пушкина, которая вам неизвестна. Совпадают ли ваши представления о киногероях с образами, которые присутствуют в повести?
3. Подготовьте презентацию проекта «Пушкинские «Повести Белкина» на киноэкране».
4. Если бы режиссёром были вы, какое произведение А.С. Пушкина хотели бы перенести на экран, поставить в театре? Аргументируйте свой выбор.



Когда кинорежиссёр Владимир Басов готовился снимать фильм по повести «Метель», он обратился к композитору *Георгию Свиридову* с просьбой написать музыку к будущему фильму. Музыка этого композитора стала самостоятельным действующим лицом фильма. В ней проявились свойственные пушкинской повести душевность, искренность, поэтичность. Слушая эту удивительную музыку, представляешь себе картины природы, бал, объяснение влюблённых...

Вальс, под который танцуют пары на балу, – настоящий шедевр. Он часто исполняется на концертах.

Композитор на основе музыки к фильму создал сюиту «Метель», которая состоит из девяти картин. Сохраняя традиции пушкинской эпохи, Г. Свиридов точно следует сюжету произведения.

1. Прослушайте вальс из сюиты Г. Свиридова «Метель». Подумайте, почему композитор вводит вальс в музыкальное произведение, хотя в пушкинской повести сцены бала нет.
2. Какие чувства главных героев вы услышали в музыке?

Образы запорожцев в живописи



Дух казацкой вольницы, любовно переданный Н.В. Гоголем в «Тарасе Бульбе», привлекал и знаменитых художников конца XIX – начала XX в. Самая яркая картина, написанная на эту тему, принадлежит кисти *Ильи Ефимовича Репина*.

На ней изображены запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану Магомету IV. Замысел картины художнику подсказал текст этого дерзкого, полного издёвок послания. В нём, по мнению Репина, проявился жизнерадостный, могучий и вольнолюбивый дух Запорожской Сечи. Работа над картиной продолжалась с 1880 по 1891 г., после чего полотно «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» было выставлено и продано за неслыханно высокую по тем временам цену – 35 тыс. рублей. Приобрёл его царь Александр III.

«Сколько на картине фигур, сколько разнообразных поз, лиц, характеров, сколько выражений веселья! Это целая гамма смеха от раскатистого басового хохота запорожца в красном жупане до визгливого, с присвистом, смеха старика. А рядом с грохочущим запорожцем – старик в польской конфедератке¹ с вислыми седыми усами. Он молчит, но разящая, как пуля, острота уже наготове. Типы смеющихся запорожцев даны так многообразно, с такой выразительностью, как не давал никто ни до, ни

¹ *Конфедератка* – национальный польский головной убор в виде 4-гранной шапки без козырька с кисточкой наверху.



после Репина. А какое богатство аксессуаров¹! Разнообразны костюмы, вооружение, предметы быта, не забыта и родная украинская бандура. Всё в картине живёт и дышит».

(Из издания «Галерея искусств»)



И. Репин. Запорожцы пишут письмо турецкому султану



И. Репин. Запорожцы пишут письмо турецкому султану. Фрагменты

¹ *Аксессуары* – в живописи: второстепенные предметы, детали, дополняющие главный предмет изображения.





А. Мурашко. Похороны кошевого

Под впечатлением от этого полотна один из лучших учеников И.Е. Репина, украинский художник *Александр Александрович Мурашко* написал картину «**Похороны кошевого**». Но в отличие от своего учителя, создавшего образы жизнелюбивых, бесшабашных казаков, Мурашко изобразил трагический момент из жизни Запорожской Сечи.

«Сумеречный лес, из которого выходит похоронная процессия, придаёт картине возвышенную торжественность, напоминающую старинные народные песни и думы. Тёмные краски созвучны суровому настроению изображённых людей. Но на этом мрачном фоне выделяются светлые пятна – три идущих впереди казака. Мерцающие огоньки свечей выхватывают из темноты мужественные и печальные лица запорожцев. Фигуры казаков сгруппированы на полотне таким образом, чтобы передать их эмоциональную и духовную общность. Стремясь к исторической точности, художник тщательно выписал детали одежды запорожцев».

(Из издания «*Великие художники*»)

1. Вокруг какой фигуры на картине И. Репина сгруппированы запорожцы? Чем этот персонаж отличается от других?
2. По каким деталям можно определить, что запорожцы вместе сочиняют текст письма и что письмо это носит издевательский характер?
3. Как в позах и лицах казаков передаётся дух свободы?
4. Какие детали свидетельствуют о военном образе жизни запорожцев?
5. Какие детали на картине А. Мурашко указывают на то, что запорожцы с большим уважением относились к своему командиру?
6. Что общего у картин И. Репина и А. Мурашко с повестью «Тарас Бульба»?



1. Какие факты биографии А.С. Пушкина нашли отражение в его лирике?
2. Какие темы затрагиваются в изученных вами пушкинских стихотворениях?
3. Почему некоторые стихотворения А.С. Пушкина можно отнести к философской лирике? Обоснуйте свой ответ конкретными примерами.
4. Кратко охарактеризуйте пушкинский сборник «Повести Белкина». Почему он считается циклом? Объясните заглавие этой книги.
5. В чём заключается суть интриги повести «Станционный смотритель»? Какие нравственные вопросы поднимает писатель в этом произведении?
6. Почему М.Ю. Лермонтов часто обращался в своей поэзии к теме Кавказа? Назовите лермонтовские произведения, написанные на эту тему.
7. Что такое лирический монолог? Докажите, что лермонтовская поэма «Мцыри» построена на основе лирического монолога.
8. **Работа в парах.** Обсудите высказывание литературного критика В.Г. Белинского по поводу поэмы «Мцыри»: *«Что за огненная душа, что за исполнская натура у этого Мцыри! Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в тени его собственной личности. Во всём, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощностью»*. В ходе обсуждения ответьте на следующие вопросы:
 - А. Что, по мнению критика, важно в образе Мцыри?
 - Б. Что даёт основание В.Г. Белинскому называть Мцыри «исполнской натурой»? Согласны ли вы с такой оценкой?
 - В. Разделяете ли вы мнение о том, что в образе Мцыри отразилась «тень» личности самого поэта? Аргументируйте свою точку зрения.
9. Какое отражение нашла украинская тема в творчестве Н.В. Гоголя?
10. Почему «Тараса Бульбу» относят к жанру исторической повести?
11. Подготовьте словесные портреты Тараса Бульбы и его сыновей.
12. Какие мысли о товариществе, родине, любви, отношениях между отцами и детьми вы вынесли из повести «Тарас Бульба»?
13. Прочитайте названия художественных произведений, которые упоминаются в разделе. Назовите автора каждого из них.

«Выстрел»	«Измаил-Бей»
«Дары Терека»	«Граф Монте-Кристо»
«Вий»	«Три мушкетёра»
«Демон»	«Гробовщик»
14. **Творческая работа.** Напишите сочинение об одном из литературных героев прочитанного произведения («Станционный смотритель», «Мцыри», «Тарас Бульба» – по выбору), охарактеризуйте его и объясните, почему именно этот литературный персонаж вас заинтересовал больше других.



**РАЗДЕЛ
ЧЕТВЁРТЫЙ**

**РАССКАЗ
И НОВЕЛЛА**



Глава 1

«МЕЛОЧИ», ОМРАЧАЮЩИЕ НАШУ ЖИЗНЬ

«*Душа моя просится вширь и ввысь...*»

Литературная разминка

Как вы понимаете значение слова «псевдоним»? Назовите писателя (писателей), который использовал псевдоним, подписывая свои произведения.



Антон Павлович Чехов
(1860–1904)

Антон Павлович Чехов принадлежит к числу величайших русских прозаиков. Впрочем, при жизни этого художника лишь немногие современники вполне осознавали его писательское и человеческое величие. «Даже те, что очень любили его, – отмечал известный детский писатель и литературный критик Корней Чуковский, – постоянно твердили о нём: “милый Чехов”, “симпатичный Чехов”, “изящный Чехов”, “трогательный Чехов”, “обаятельный Чехов”, словно речь шла не о человеке громадных масштабов, а о миниатюрной фигурке, которая привлекала именно своей грациозностью, малостью». Такое отношение отчасти объясняется тем, что сам писатель всячески избегал похвал своему таланту, считая

скромность одной из самых важных черт интеллигентного человека. А стать таким человеком он, вышедший из затхлой мещанской среды, мечтал с детства.

А.П. Чехов родился в провинциальном городе Таганроге в семье владельца мелочной лавки. Отец писателя – человек по-своему одарённый и по-своему заботившийся о благополучии детей – отличался суровостью нрава, нередко принимавшей формы самодурства. Дела он вёл не лучшим образом, и потому Антону сизмала пришлось помогать ему в лавке. Мальчик рос в условиях многочисленных запретов и угроз, жёстко ограничивавших его свободу. Позднее писатель утверждал, что его детство было изуродовано. Поэтому в своих произведениях он с глубоким сочувствием изображал детей трудной судьбы.

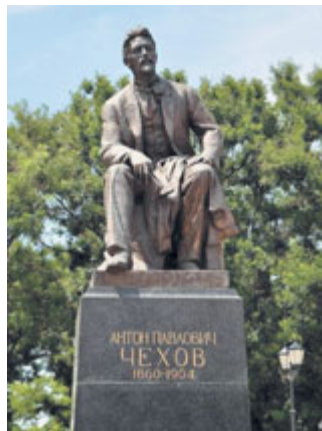
И всё-таки жизнь юного Антона не была лишена радостных переживаний. Они были связаны с посещениями Таганрогского театра, участием в домашних спектаклях, где ему обычно доставались комические роли, сочинением коротких юмористических историй. Эти увлечения в дальнейшем развились в отдельные направления чеховского творчества: драматургию и юмористику.

Печататься А.П. Чехов начал ещё в годы обучения на медицинском факультете Московского университета. Благодаря этому он уже с двадцатилетнего возраста стал кормильцем и фактическим главой большой семьи (кроме Антона, в ней было ещё 5 детей). Большинство его ранних рассказов представляли собой миниатюрные комичные сценки из жизни. Но писались эти произведения отнюдь не на потеху публике: в них высмеивались



разнообразные человеческие пороки – невежество, высокомерие, своеволие, чиновничество, малодушие и т.п. Многие ранние рассказы Чехов подписывал весёлыми литературными прозвищами, среди которых особую популярность приобрёл псевдоним Антоша Чехонте.

Его сочинения стремительно завоевали симпатии публики. Читатели заметили, что молодой автор обладает не только незаурядным литературным талантом, но и необычайно острым взглядом на жизнь. Однако лишь немногие любители этих юмористических зарисовок могли предположить, что из задиристого Антоши Чехонте вырастет писатель с мировым именем, который будет разоблачать уродливые стороны жизни и беспощадно высмеивать любые формы унижения человеческого достоинства.



Таганрог. Памятник А.П. Чехову (скульптор И.М. Рукавишников)

Комментарий литературоведа

Жизнь и творчество Чехова были связаны с Украиной. Таганрог, в котором писатель родился, в то время входил в состав Екатеринославской губернии (Екатеринослав – бывшее название города Днепропетровска). Бабушка писателя по материнской линии была украинкой. Поэтому с украинской культурой, традициями, украинским бытом и языком Чехов был хорошо знаком с раннего детства. Впоследствии он путешествовал по Полтавской и Харьковской губерниям, донецким степям, несколько раз проводил лето в городке Луки, расположенном в живописных окрестностях города Сумы. Там, в небольшом домике, который принадлежал семье Линтварёвых, сейчас находится Дом-музей писателя.

В Украине Чехов чувствовал себя очень уютно. В частности, в письме из Сум он писал: «Кроме природы, ничто не поражает меня так в Украине, как общее довольство, народное здоровье, высокая степень развития здешнего мужика, который и умён, и религиозен, и всегда весел и сыт».

В двадцать восемь лет писатель впервые посетил Крым. А через десять лет он купил участок земли в Ялте, на котором построил дом, названный впоследствии Белой дачей. Вокруг него был разбит сад, в котором Антон Павлович собственноручно сажал цветы и деревья. Со временем на Белой даче писатель стал принимать многочисленных гостей, друзей, выдающихся деятелей искусства и поклонников его творчества. Поэтому Чехов купил домик рядом с уютной бухтой в Гурзуфе, где он мог уединяться для творческой работы.

Литература была главным делом жизни А.П. Чехова. Вместе с тем огромную часть своих сил писатель, несмотря на тяжёлую болезнь, отдавал общественной деятельности и помощи тем, кто обращался к нему со своими бедами. Трудно перечислить всё, что было сделано этим удивительно энергичным, благородным и безотказным человеком. Он хлопотал об устройстве в Москве первого Народного дома с библиотекой, о создании



клиники кожных болезней, занимался строительством нескольких школ для детей крестьян, организовывал помощь голодающим в неурожайные годы... Списка его добрых дел вполне хватило бы для целого благотворительного фонда. Между тем к этому списку следовало бы прибавить ещё и многолетнюю лекарскую службу, которую писатель нёс с редкой самоотверженностью и бескорыстием. По воспоминаниям сестры, он ежегодно принимал более 1000 крестьян, не беря за свои услуги денег да ещё бесплатно снабжая больных лекарствами.

Обширная общественная деятельность Чехова объясняется тем, что он стремился исправлять окружающую жизнь не только пером, но и реальными поступками. Но главным объектом «исправления» была его собственная душа: обличая человеческие недостатки в своих произведениях, побуждая себя заниматься делами других людей, писатель всякий раз воспитывал самого себя.

Это была целенаправленная, каждодневная, не знавшая поблажек работа над собой. Она требовала постоянного самоанализа и самопреодоления, строжайшей духовной дисциплины, или, используя слова Чехова, жёсткой «дрессуры» собственной природы. Всё это было необходимо писателю для того, чтобы стать... просто воспитанным человеком!

Своё понимание того, что представляет собой воспитанный человек, А.П. Чехов изложил в письме к брату Николаю. Выдержки из него часто цитируются в качестве жизненных правил для тех, кто стремится к нравственному самосовершенствованию. Вот небольшой фрагмент из этого наставления:

«...Воспитанные люди, по моему мнению, должны удовлетворять следующим условиям:

1. Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жилище посторонних...

2. Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом... Они ночей не спят, чтобы... платить за братьев-студентов, одевать мать.

3. Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

4. Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии. Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам, они чаще молчат.

5. Они не унижают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтобы им в ответ вздыхали и нянчились с ними. Они не говорят: “Меня не понимают!” или “Я разменялся на мелкую монету!”... потому что всё это бьёт на дешёвый эффект, пошло, старо, фальшиво...

6. Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства со знаменитостями... Делая на грош, они не носятся со своей



папкой на сто рублей и не хвастают тем, что их пустили туда, куда других не пустили... Истинные таланты всегда сидят подальше от выставки...

7. Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем...

8. Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, шагать по оплётанному полу, питаться из керосинки... Они... знают, что они не свиньи.

И т.д. Таковы воспитанные... Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал... нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час...»

Сам А.П. Чехов строго придерживался этих и подобных им принципов. Именно потому он и запомнился своим современникам как человек, который может служить образцом настоящего интеллигента.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Как начался творческий путь А.П. Чехова? Какие факты его биографии вам запомнились?
2. Назовите один из самых популярных псевдонимов А.П. Чехова.
3. Охарактеризуйте общественную деятельность писателя.
4. **Работа в парах.** Обсудите изложенные в письме А.П. Чехова принципы поведения воспитанного человека. Какие из этих принципов вы бы взяли себе на вооружение?

Мастер короткого рассказа

Литературная разминка

Какие художественные приёмы вам уже известны?

Крылатым выражением стали слова А.П. Чехова о том, что краткость является «сестрой таланта». Его рассказы наглядно подтверждают справедливость этого высказывания: они невелики по объёму, но чрезвычайно насыщены по содержанию. Недаром Корней Чуковский говорил о том, что чеховские короткие истории похожи на «спрессованные романы». В них изображаются, на первый взгляд, самые незначительные, рядовые повседневные ситуации – то, что принято называть «мелочами жизни». Однако писатель показывает, как в этих «мелочах» проявляются отнюдь «не мелочные» изъяны человеческой души.

Чтобы показать ярче комичные или уродливые стороны высмеиваемых явлений повседневной жизни, у Чехова был богатый арсенал художественных средств. Одним из наиболее часто используемых приёмов в его рассказах была *антитеза*.



ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА



Антитеза – резкое противопоставление образов, свойств или понятий в литературном произведении.

Чеховские рассказы требуют особенно внимательного чтения. В них нет ни одного лишнего слова, ни одной ненужной подробности. Автор, как правило, избегает пространных описаний природы, местности, жилища персонажей, их внешности, чувств и мыслей. Он ограничивается всего несколькими штрихами – выразительными *художественными деталями*, которые выполняют роль «спрессованных» характеристик героя и его окружения.



Художественная деталь – это выразительная подробность в художественном произведении, которая несёт важную информацию и имеет самостоятельное значение.

Книги А.П. Чехова учат нас замечать, «расшифровывать» и понимать такие детали, причём не только в художественной литературе, но и в жизни.



Перед чтением. В рассказе, который вам предстоит прочесть, важную роль играет приём антитезы. Проследите, как писатель пользуется этим приёмом.

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ



С. Алимов. Толстый и тонкий

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом¹ и флердоранжем². Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком – его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом – его сын.

– Порфирий! – воскликнул толстый, увидев тонкого. – Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

– Батюшки! – изумился тонкий. – Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слёз. Оба были приятно ошеломлены.

– Милый мой! – начал тонкий после лобызания. – Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щёголь! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урождённая Ванценбах... лютеранка³... А это сын мой, Нафанаил, ученик третьего класса. Это, Нафана, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

– В гимназии вместе учились! – продолжал тонкий. – Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казённую книжку папироской прожёл, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил.

¹ Херес – сорт крепкого виноградного вина.

² Флердоранж – название дорогих духов.

³ Лютеране – представители протестантского течения в христианстве, основанного Мартином Лютером (1483–1546).





Таганрог. Толстый и тонкий (скульптор Д. Бегалов)

Хо-хо... Дети были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урождённая Ванценбах... Лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

– Ну, как живёшь, друг? – спросил толстый, восторженно глядя на друга. – Служишь где? Дослужился?

– Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну да бог с ним! Жена уроки музыки даёт, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берёт десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведён столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось уже статский? А?

– Нет, милый мой, поднимай повыше, – сказал толстый. – Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съёжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фронт и застегнул все пуговицы своего мундира...

– Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.



– Ну, полно! – поморщился толстый. – Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чинопочитание!

– Помилуйте... Что вы-с... – захихикал тонкий, ещё более съёживаясь. – Милостивое внимание вашего превосходительства... Вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «Хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Перескажите содержание рассказа. Докажите, что в основу его сюжета положена незначительная житейская ситуация. Какие её детали кажутся вам наиболее смешными?
2. Что связывало толстого и тонкого в прошлом? Были ли они рады встрече?
3. Что заставило тонкого резко изменить тон и манеру обращения в разговоре с бывшим товарищем? Найдите в тексте первую фразу, сказанную им изменившимся тоном. С помощью каких языковых средств автор передаёт подхалимские интонации тонкого?
4. А что нового к концу разговора появилось в поведении толстого? Найдите в сцене прощания персонажей деталь, подчёркивающую разницу их социального положения.
5. **Работа в парах.** Обсудите следующие вопросы:
 - А. Что ценит в людях тонкий? Какие чувства он у вас вызывает?
 - Б. Какое впечатление на вас произвели близкие тонкого?
 - В. В какой момент разговора жена тонкого впервые улыбнулась? Почему? Какой вам представляется эта улыбка? Опишите её.
 - Г. Как в ходе разговора изменялось поведение сына тонкого? Прокомментируйте каждое такое изменение.
 - Д. Какие черты характеров персонажей проявляются в отмеченных деталях?
6. Что высмеивает А.П. Чехов в рассказе «Толстый и тонкий»?
7. Приходилось ли вам наблюдать похожие явления в жизни? Какой вред они наносят человеку и его отношениям с другими людьми?
8. Какой символический смысл приобретает в произведении антитеза «толстый – тонкий»? Почему она выносится в заглавие рассказа?
9. **Пофантазируйте!** Представьте, что к концу изображаемой в рассказе встречи выяснилось, что толстый назначен новым начальником тонкого. Как бы это повлияло на их беседу? Придумайте свою версию дальнейшего диалога героев.
10. Как вы уже знаете, вместо развёрнутых портретов А.П. Чехов обычно даёт несколько художественных деталей, которые помогают читателю составить представление и о внешности героев, и даже об их образе жизни. Перечитайте первый абзац рассказа. Найдите в нём подобные детали. Как они характеризуют героев?
11. Найдите в тексте описание реакции тонкого на известие о продвижении приятеля по карьерной лестнице. С помощью каких художественных средств автор подчёркивает возрастающее подбострастие тонкого?
12. Перечитайте заключительное предложение рассказа. Как оно звучит: искренне или фальшиво?
13. **Творческое задание.** Напишите письмо тонкому. Объясните в нём, почему человек не должен вести себя подобным образом, и посоветуйте своему адресату, что нужно делать для того, чтобы искоренить в себе подхалимство, лицемерие и самоуничижение.



Каким столом руководил столоначальник?

«Стол» в царской России назывался канцелярский отдел или сама канцелярия. Соответственно «столоначальником» именовался руководитель такого подразделения.

Что означают гимназические клички толстого и тонкого?

Согласно древнегреческим источникам, *Герострат* был жителем Эфеса. Мечтая прославиться любой ценой, он поджёг храм богини охоты и плодородия Артемиды, считавшийся одним из семи чудес света. Возмущённые этим варварским поступком, сограждане казнили преступника и запретили даже произносить его имя. Но историк Феомп, описывая пожар в Эфесе, упомянул имя поджигателя, безумного честолюбца, уничтожившего чудесный памятник архитектуры. Так было увековечено имя Герострата – «геростратовской» называют позорную, «чёрную» славу.

Эфиальт во время сражения спартанцев с персами при Фермопилах указал персам обход в Фермопильском ущелье. Персидский полководец провёл часть своего войска в тыл спартанцев. Окружённый с двух сторон неприятелем, царь Леонид и его воины погибли. Эфиальт – имя изменника, предателя.



Перед чтением. Вероятно, вам известно, что отличительной чертой ящерицы, называемой хамелеоном, является способность изменять свою окраску в зависимости от изменений в окружающей среде. В процессе чтения рассказа подумайте над тем, какое символическое значение приобретает в нём слово *хамелеон*.

ХАМЕЛЕОН

Через базарную площадь идёт полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет Божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

– Так ты кусаться, окаянная? – слышит вдруг Очумелов. – Ребята, не пуцай её! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трёх ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубахе и расстёгнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперёд, падает на землю и хватает собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пуцай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

– Никак беспорядок, ваше благородие!.. – говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеописанный человек в расстёгнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя,



пельма!», да и самый палец имеет вид знамени победы. В этом человеке Очумелов узнаёт золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала – белый борзой щенок с острой мордой и жёлтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

– По какому это случаю тут? – спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. – Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

– Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... – начинает Хрюкин, кашля в кулак. – Насчёт дров с Митрий Митричем, – и вдруг эта подляни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пуцай мне заплатят, потому – я этим пальцем, может, неделю не пошевельну... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

– Гм!.. Хорошо... – говорит Очумелов строго, кашля и шевеля бровями. – Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин, – обращается надзиратель к городовому, – узнай, чья это собака, и составь протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она, наверно, бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

– Это, кажись, генерала Жигалова! – говорит кто-то из толпы.

– Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождём... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? – обращается Очумелов к Хрюкину. – Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб соврать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

– Он, ваше благородие, цигаркой ей в харю для смеха, а она, не будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

– Врёшь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врёт, а кто по совести, как перед Богом... А ежели я вру, так пуцай мировой рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

– Не рассуждать!

– Нет, это не генеральская... – глубокомысленно замечает городской. – У генерала таких нет. У него всё больше легавые...

– Ты это верно знаешь?

– Верно, ваше благородие...

– Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта – чёрт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И такую собаку держат?! Где же у вас ум? Попадись такая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально – не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...





Иллюстрация С. Герасимова



Иллюстрация А. Дудина

– А может быть, и генеральская... – думает вслух городской. – На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

– Вестимо, генеральская! – говорит голос из толпы.

– Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведёшь её к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашёл и прислал... И скажи, чтобы её не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака – нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

– Повар генеральский идёт, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

– Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!

– И спрашивать тут долго нечего, – говорит Очумелов. – Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и всё.

– Это не наша, – продолжает Прохор. – Это генералова брата, что намедни приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

– Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? – спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. – Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

– В гости...

– Ишь ты, господи... Соскучились по братцу... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми её. Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцик этакий...



Проخور зовёт собаку и идёт с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

– Я ещё доберусь до тебя! – грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Как вы поняли смысл прочитанного рассказа? Над чем тут смеётся автор? Почему он сравнивает своего героя с хамелеоном?
2. Чем объясняются изменения в отношении Очумелова к жалобе Хрюкина? Почему полицейский надзиратель ведёт себя то как грозный начальник, то как заискивающий подчинённый? Какими чувствами продиктовано такое поведение? В какой детали поведения Очумелова отражаются перепады его настроения?
3. Проследите за тем, как под влиянием противоречивых сведений о собаке изменяется речь полицейского. Приведите наиболее показательные примеры.
4. Найдите в тексте описание «пострадавшего» и «виновника скандала». Что придаёт этому описанию комичный характер?
5. Обратите внимание на «говорящие» фамилии героев. О чём они «говорят»?
6. Подготовьтесь к чтению рассказа по ролям. Не забудьте, кроме Очумелова, Хрюкина и Елдырина в диалоге участвует «голос из толпы», а также один из участников чтения по ролям читает «за автора». Исполнитель «роли» Очумелова с помощью интонации должен постараться передать резкую смену настроения своего героя: от начальственного окрика до умильной и фальшивой радости.
7. Какие, по вашему мнению, качества характера следует в себе воспитывать, чтобы не стать «хамелеоном»?

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАВИГАТОР

А.П. Чехов «Смерть чиновника»



Иллюстрация
А. Базилевича

К рассказу А.П. Чехова «Смерть чиновника» в полной мере можно отнести крылатые слова французского философа П.А. Гольбаха: «Никогда нельзя жить счастливо, если всё время дрожишь от страха». В основе сюжета – мелкий досадный случай: некий чиновник Червяков чихнул в театре и заметил, как сидящий впереди старичок вытер лысину. Герой вежливо извинился, старичок принял извинения. Но после того как Червяков узнал в старичке статского генерала Бризжалова, он обомлел от страха за свою оплошность. С этого момента его мысли, чувства и поведение приняли абсурдный характер...

Вопросы и задания для самостоятельной работы над произведением

1. Почему рассказ называется «Смерть чиновника», а не «Смерть человека» или «Смерть Червякова»?
2. С какой целью автор даёт своему герою «говорящую фамилию»?
3. Как реагирует генерал на назойливость чиновника? Оправданы ли эти действия?
4. Как вы думаете, почему умер Червяков?
5. Допишите формулу жизни Червякова «Страх + угодничество + ... + ... + ... = ?» и составьте свою «формулу жизни».



А.П. Чехов «Злоумышленник»

Рассказ «Злоумышленник» продолжает линию чеховских миниатюр, призванных вызывать у читателей «смех сквозь слёзы». Произведение необычно по своей композиции, так как не имеет ни начала, ни конца. Весь рассказ – это эпизод суда над крестьянином Денисом Григорьевым, который откручивал гайки на рельсах железной дороги. Рассказ построен в виде диалога между судебным следователем и «злоумышленником». Каким же будет приговор? Или Чехов хотел, чтобы читатель вынес его сам?



Иллюстрация
С. Иванченко

Вопросы и задания для самостоятельной работы над произведением

1. Почему рассказ «Злоумышленник» производит впечатление одновременно грустного и смешного произведения?
2. Почему чиновник и крестьянин не могут понять друг друга?
3. Можно ли Дениса назвать злоумышленником?
4. Почему главный герой не понимает, что его действия преступны?

Глава 2

НОВЕЛЛЫ, ЗАЖИГАЮЩИЕ ОГОНЁК НАДЕЖДЫ

Зигзаги писательской удачи

Литературная разминка

Что характерно для жанра рассказа? Приведите примеры ранее изученных рассказов.

Творчество американского писателя О. Генри во многом перекликается с произведениями его современника А.П. Чехова. Подобно Чехову, этот автор снискал славу мастера коротких историй. И так же, как Чехов, он был наделён незаурядным чувством юмора, о чём свидетельствует изобилие смешных сцен в его книгах. Правда, юмор его был мягче, чем чеховский: О. Генри использовал смех не как оружие в борьбе с человеческими пороками, но как волшебное стекло, позволявшее увидеть в серых буднях проблески романтики, а в тяжёлых сторонах жизни – забавные недоразумения.

Уильям Сидни Портер – таковы настоящие имя и фамилия писателя – родился в маленьком городке Гринсборо, расположенном в одном из южных штатов США. Отец его был доктором. Мать умерла рано, и основные заботы по воспитанию мальчика взяла на себя её сестра. По окончании школы Уильям



О. Генри
(1862–1910)





О. Генри – кассир в банке

некоторое время работал в аптеке дяди, которая была излюбленным местом встреч городских остряков. Вскоре необходимость поправить здоровье заставила его уехать в Техас, на ранчо своих друзей, где пролетели два чудесных года его жизни. Затем Портер обосновался в столице Техаса, городе Остине. Он получил должность кассира в маленьком банке, женился на любимой девушке и взялся издавать местный юмористический еженедельник. Но счастье длилось недолго.

Всё началось с проверки банка, выявившей существенную недостачу. Главное подозрение пало на кассира Портера. Денег он не брал, но доказательств в пользу своей невинности предоставить не мог. Не рассчитывая на снисходительность суда, Портер бежал из города.

Запутывая следы, он переезжал с места на место, скрывался под чужими именами, пока, наконец, не покинул страну. Но получив известие о тяжёлой болезни жены, Портер, невзирая на опасность оказаться за решёткой, вернулся в Остин. Жена умерла. Затем последовал арест, суд и приговор: пять лет тюремного заключения. Но судьба распорядилась так, что именно в тюрьме осуждённый У.С. Портер превратился в писателя О. Генри.

Такому превращению невольно поспособствовало руководство тюрьмы, приставившее неудачливого кассира к тюремной аптеке. Таким образом ему были предоставлены свободное время и возможность проводить по несколько часов в уединении. Как-то перед Рождеством Портер задумал сделать подарок своей маленькой дочке, находившейся на воспитании у родных. Денег у него не было. Вспомнив о юморесках и рассказах, которые он прежде писал для остинского еженедельника, Портер решил заработать на подарок каким-нибудь небольшим произведением на рождественскую тему. Так появился рассказ «Рождественский чулок Дика-Свистуна». Он был опубликован в праздничном номере журнала «Мак-Клюрс». А в Рождество дочь писателя нашла чудесный подарок «от Санта-Клауса», купленный на скромный гонорар отца.

Вскоре в печати стали появляться другие произведения писателя. Они были подписаны псевдонимом О. Генри. С каждой публикацией это имя приобретало всё большую известность. Читатели были заинтригованы: кто он такой, этот талантливый и таинственный автор, передающий свои произведения в редакции через третьих лиц и упорно избегающий показываться на публике? Впрочем, и после освобождения О. Генри вёл уединённый образ жизни. Он не любил рассказывать о себе, отказывался печатать свои портреты и уклонялся от бесед с любопытными газетчиками.

В историю литературы этот писатель вошёл как мастер *новеллы*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Новелла – прозаическое произведение небольшого объёма, повествующее о каком-либо происшествии. Новелла похожа на рассказ, однако отличается от него более острым сюжетом, для которого характерно стремительное развитие и неожиданный финал.

Трудно описать громкий успех, который сопровождал книги О. Генри при жизни. Не утрачивают его произведения популярности и сегодня.

Разгадать загадку популярности новелл О. Генри нетрудно. Во-первых, писатель адресовал свои произведения самым обычным людям. Во-вторых, каждой своей новеллой он стремился пробудить в читателях веру в будущее и надежду на счастье. В-третьих, О. Генри чаще всего изображал комичные ситуации, по-доброму посмеиваясь над попавшими в просак героями. Наконец, была ещё одна, чисто «техническая» причина: писатель разработал особую схему построения сюжета, которая помогала ему постоянно подогревать читательский интерес. Она включала в себя захватывающую интригу, чётко продуманную композицию и неожиданную развязку (финал). Нередко эта развязка состояла как бы из двух концовок: первая оказывалась ложной, ненастоящей, а вторая расставляла все точки над «i».

За свою творческую жизнь О. Генри написал 287 новелл. Многие из них напоминают светлые сказки. Читая их, мы становимся очевидцами того, как в маленьких сюрпризах раскрываются великие сокровища человеческой души, как романтика настоящих чувств празднует победу над чёрствой повседневностью, а нелёгкие испытания увенчиваются счастливым концом. Вместе с тем новеллы О. Генри в значительной мере реалистичны – не зря многие читатели воспринимают их как вполне достоверные истории. Ведь случайность, к которой обычно прибегает в своих сюжетах О. Генри, позволяет ему открыть отнюдь не случайные черты человеческого характера, показать саму его сущность. Герои новелл О. Генри – ничем не примечательные клерки и разносчики, продавщицы и машинистки, безвестные поэты и художники, официанты и бродяги. Но в каждом из них писатель видит – и учит видеть читателя – «светильник души», излучающий тёплый свет любви к другому человеку и к миру.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Расскажите о том, как протекала жизнь писателя до судебного обвинения.
2. Где и при каких обстоятельствах О. Генри начал писать новеллы? Как вы считаете, почему он решил воспользоваться псевдонимом?
3. Что характерно для произведений этого автора? В чём проявляется их гуманизм?



Перед чтением. Проследите за тем, как срабатывает вышеописанная схема в новелле «Дары волхвов».

ДАРЫ ВОЛХВОВ

Один доллар восемьдесят семь центов. Это было всё. Из них шестьдесят центов монетками по одному центу. За каждую из этих монеток пришлось торговаться с бакалейщиком, зеленщиком, мясником так, что даже уши горели от безмолвного неодобрения, которое вызывала подобная бережливость. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра Рождество.

Единственное, что тут можно было сделать, это хлопнуться на старенькую кушетку и зареветь. Именно так Делла и поступила. Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из слёз, вздохов и улыбок, причем вздохи преобладают.



Пока хозяйка дома проходит все эти стадии, оглядим самый дом. Меблированная квартирка за восемь долларов в неделю. В обстановке не то чтобы вопиющая нищета, но скорее красноречиво молчащая бедность. Внизу, на парадной двери, ящик для писем, в щель которого не протиснулось бы ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которой ни одному смертному не удалось бы выдавить ни звука. К сему присовокуплялась карточка с надписью: «М-р Джеймс Диллингхем Юнг». «Диллингхем» развернулось во всю длину в недавний период благосостояния, когда обладатель указанного имени получал тридцать долларов в неделю. Теперь, после того как этот доход понизился до двадцати долларов, буквы в слове «Диллингхем» потускнели, словно не на шутку задумавшись: а не сократиться ли им в скромное и непритязательное «Д»? Но когда мистер Джеймс Диллингхем Юнг приходил домой и поднимался к себе на верхний этаж, его неизменно встречал возглас «Джим!» и нежные объятия миссис Джеймс Диллингхем Юнг, уже представленной вам под именем Деллы. А это, право же, очень мило.

Делла кончила плакать и прошлась пуховкой по щекам. Она теперь стояла у окна и уныло глядела на серую кошку, прогуливавшуюся по серому забору вдоль серого двора. Завтра Рождество, а у неё только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Долгие месяцы она выгадывала буквально каждый цент, и вот всё, чего она достигла. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. С расходами всегда так бывает. Только доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Её Джиму! Сколько радостных часов она провела, придумывая, что бы такое ему подарить к Рождеству. Что-нибудь совсем особенное, редкостное, драгоценное, что-нибудь, хоть чуть-чуть достойное высокой чести принадлежать Джиму.

В простенке между окнами стояло трюмо. Вам никогда не приходилось смотреться в трюмо восьмидолларовой меблированной квартиры? Очень худой и очень подвижный человек может, наблюдая последовательную смену отражений в его узких створках, составить себе довольно точное представление о собственной внешности. Делле, которая была хрупкого сложения, удалось овладеть этим искусством.

Она вдруг отскочила от окна и бросилась к зеркалу. Глаза её сверкали, но с лица за двадцать секунд сбежали краски. Быстрым движением она вытащила шпильки и распустила волосы.

Надо вам сказать, что у четы Джеймс Диллингхем Юнг было два сокровища, составлявших предмет их гордости. Одно – золотые часы Джима, принадлежавшие его отцу и деду, другое – волосы Деллы. Если бы царица Савская проживала в доме напротив, Делла, помыв голову, непременно просушивала бы у окна распущенные волосы – специально для того, чтобы заставить померкнуть все наряды и украшения её величества. Если бы царь Соломон служил в том же доме швейцаром и хранил в подвале все свои богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана – специально для того, чтобы увидеть, как он рвёт на себе бороду от зависти.

И вот прекрасные волосы Деллы рассыпались, блестя и переливаясь, точно струи каштанового водопада. Они спускались ниже колен и плащом





Иллюстрации П.Дж. Линча

окутывали почти всю её фигуру. Но она тотчас же, нервничая и торопясь, принялась снова подбирать их. Потом, словно заколебавшись, с минуту стояла неподвижно, и две или три слезинки упали на ветхий красный ковёр.

Старенький коричневый жакет на плечи, старенькую коричневую шляпку на голову – и, взметнув юбками, сверкнув невысохшими блёстками в глазах, она уже мчалась вниз, на улицу.

Вывеска, у которой она остановилась, гласила: «*M-me Sophronie. Всевозможные изделия из волос*».

Делла взбежала на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дух.

– Не купите ли вы мои волосы? – спросила она у мадам.

– Я покупаю волосы, – ответила мадам. – Снимите шляпу, надо посмотреть товар.

Снова заструился каштановый водопад.

– Двадцать долларов, – сказала мадам, привычно взвешивая на руке густую массу.

– Давайте скорее, – сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях – прошу прощения за избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка для Джима.

Наконец она нашла. Без сомнения, это было создано для Джима, и только для него. Ничего подобного не нашлось в других магазинах, а уж она всё в них перевернула вверх дном. Это была платиновая цепочка для карманных часов, простого и строгого рисунка, пленявшая истинными своими качествами, а не показным блеском, – такими и должны быть все хорошие вещи. Её, пожалуй, даже можно было признать достойной часов. Как только Делла увидела её, она поняла, что цепочка должна принадлежать Джиму. Она была такая же, как сам Джим. Скромность и достоинство – эти качества отличали обоих. Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу, и Делла поспешила домой с восемьюдесятью семью центами в кармане. При



такой цепочке Джиму в любом обществе не зазорно будет поинтересоваться, который час. Как ни великолепно были его часы, а смотрел он на них часто украдкой, потому что они висели на дрянном кожаном ремешке.

Дома оживление Деллы поулеглось и уступило место предусмотрительности и расчёту. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась исправлять разрушения, причинённые великодушием в сочетании с любовью. А это всегда тягчайший труд, друзья мои, исполинский труд.

Не прошло и сорока минут, как её голова покрылась крутыми мелкими локончиками, которые сделали её удивительно похожей на мальчишку, удравшего с уроков. Она посмотрела на себя в зеркало долгим, внимательным и критическим взглядом.

«Ну, – сказала она себе, – если Джим не убьёт меня сразу, как только взглянет, он решит, что я похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что же мне было делать, ах, что же мне было делать, раз у меня был только доллар и восемьдесят семь центов!»

В семь часов кофе был сварен, раскалённая сковорода стояла на газовой плите, дожидаясь бараньих котлеток.

Джим никогда не запаздывал. Делла зажала платиновую цепочку в руке и уселась на краешек стола поближе к входной двери. Вскоре она услышала его шаги внизу на лестнице и на мгновение побледнела. У неё была привычка обращаться к Богу с коротенькими молитвами по поводу всяких житейских мелочей, и она торопливо зашептала:

– Господи, сделай так, чтобы я ему не разонравилась!

Дверь отворилась, Джим вошёл и закрыл её за собой. У него было худое, озабоченное лицо. Нелёгкое дело в двадцать два года быть обременённым семьёй! Ему уже давно нужно было новое пальто, и руки мёрзли без перчаток.

Джим неподвижно замер у дверей, точно сеттер, учуявший перепела. Его глаза остановились на Делле с выражением, которого она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни упрёк, ни ужас – ни одно из тех чувств, которых можно было бы ожидать. Он просто смотрел на неё, не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Делла соскочила со стола и бросилась к нему.

– Джим, милый, – закричала она, – не смотри на меня так! Я остригла волосы и продала их, потому что я не пережила бы, если б мне нечего было подарить тебе к Рождеству. Они опять отрастут. Ты ведь не сердись, правда? Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы. Ну, поздравь меня с Рождеством, Джим, и давай радоваться празднику. Если б ты знал, какой я тебе подарок приготовила, какой замечательный, чудесный подарок!

– Ты остригла волосы? – спросил Джим с напряжением, как будто, не смотря на усиленную работу мозга, он всё ещё не мог осознать этот факт.

– Да, остригла и продала, – сказала Делла. – Но ведь ты меня всё равно будешь любить? Я ведь всё та же, хоть и с короткими волосами.

Джим недоуменно оглядел комнату.

– Так, значит, твоих кос уже нет? – спросил он с бессмысленной настойчивостью.



– Не ищи, ты их не найдёшь, – сказала Делла. – Я же тебе говорю: я их продала – остригла и продала. Сегодня Сочельник, Джим. Будь со мной поласковее, потому что я это сделала для тебя. Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать, – продолжала она, и её нежный голос вдруг зазвучал серьёзно, – но никто, никто не мог бы измерить мою любовь к тебе! Жарить котлеты, Джим?

И Джим вышел из оцепенения. Он заключил свою Деллу в объятия. Будем скромны и на несколько секунд займёмся рассмотрением какого-нибудь постороннего предмета. Что больше – восемь долларов в неделю или миллион в год? Математик или мудрец дадут вам неправильный ответ. Волхвы принесли драгоценные дары, но среди них не было одного. Впрочем, эти туманные намёки будут разъяснены далее.

Джим достал из кармана пальто свёрток и бросил его на стол.

– Не пойми меня ложно, Делл, – сказал он. – Никакая причёска и стрижка не могут заставить меня разлюбить мою девочку. Но разверни этот свёрток, и тогда ты поймёшь, почему я в первую минуту немножко оторопел.

Белые проворные пальчики рванули бечёвку и бумагу. Последовал крик восторга, тотчас же – увь! – чисто по-женски сменившийся потоком слёз и стонов, так что потребовалось немедленно применить все успокоительные средства, имевшиеся в распоряжении хозяина дома.

Ибо на столе лежали гребни, тот самый набор гребней – один задний и два боковых, – которым Делла давно уже благоговейно любовалась в одной витрине Бродвея. Чудесные гребни, настоящие черепаховые, с вделанными в края блестящими камешками, и как раз под цвет её каштановых волос. Они стоили дорого – Делла знала это, – и сердце её долго изнывало и томилось от несбыточного желания обладать ими. И вот теперь они принадлежали ей, но нет уже прекрасных кос, которые украсил бы их вожделенный блеск.

Всё же она прижала гребни к груди и, когда, наконец, нашла в себе силы поднять голову и улыбнуться сквозь слёзы, сказала:

– У меня очень быстро растут волосы, Джим!

Тут она вдруг подскочила, как ошпаренный котёнок, и воскликнула:

– Ах, Боже мой!

Ведь Джим ещё не видел её замечательного подарка. Она поспешно протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоценный металл, казалось, заиграл в лучах её бурной и искренней радости.

– Разве не прелесть, Джим? Я весь город обегала, покуда нашла это. Теперь можешь хоть сто раз в день смотреть, который час. Дай-ка мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть всё вместе.

Но Джим, вместо того чтобы послушаться, лёг на кушетку, подложил обе руки под голову и улыбнулся.

– Делл, – сказал он, – придётся нам пока спрятать наши подарки, пусть полежат немножко. Они для нас сейчас слишком хороши. Часы я продал, чтобы купить тебе гребни. А теперь, пожалуй, самое время жарить котлеты.

Волхвы, те, что принесли дары младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду делать рожде-



стенские подарки. И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговорённым правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказал вам ничем не примечательную историю про двух глупых детей из восьмидолларовой квартирки, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы.

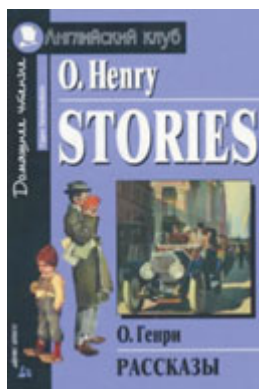
Перевод *Е. Калашиковой*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какое впечатление осталось у вас по прочтении новеллы «Дары волхвов»?
2. Что свидетельствовало о бедности молодой пары? Были ли Джим и Делла счастливы?
3. Чем руководствовались герои при выборе рождественских подарков?
4. Как рассказчик относится к героям? Найдите в тексте его рассуждения по этому поводу.
5. В каких эпизодах, описаниях, деталях раскрывается присущее писателю чувство юмора?
6. В чём проявилась душевная щедрость героев новеллы? Как вы считаете, имели ли их маленькие жертвы смысл?
7. Раскройте значение сопоставления персонажей новеллы с волхвами.
8. **Работа в парах.** Обсудите один из вопросов:
 - А. Чему, как вам кажется, можно поучиться у персонажей этой новеллы?
 - Б. Приходилось ли вам дарить маленькие радости своим близким? Расскажите об этом.
9. **Пофантазируйте!** Представьте, как сложится жизнь Джима и Деллы через 10 лет.
10. Составьте план сюжета новеллы. Опираясь на него, поработайте со следующими вопросами и заданиями:
 - А. Определите главную интригу сюжета.
 - Б. По какому «ложному пути» разрешения интриги автор вначале направляет читателя?
 - В. В какой момент происходит настоящая развязка?
 - Г. Докажите, что прочитанное произведение относится к жанру новеллы (если вы забыли определение этого жанра, обратитесь к определению на с. 140 или к словарю литературоведческих терминов, помещённому на с. 236–237).
11. **Творческое задание.** Напишите изложение на тему «Подарок к Рождеству для любимой Деллы (или для любимого Джима)».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАВИГАТОР

О. Генри. «Последний лист»



К числу наиболее любимых читателями новелл О. Генри принадлежит «Последний лист». Молодая художница Джонси неожиданно заболевает пневмонией. Врач даёт неутешительный прогноз: «У неё один шанс... против десяти... И то, если она сама захочет жить». Но девушка с каждым днём слабеет и угасает. Она теряет интерес к жизни. Целыми днями Джонси лежит в постели, смотрит в окно и считает, сколько листьев осталось на старом плюще, который обвил стену напротив. Джонси убеждена: когда упадёт последний лист, она умрёт. И тут происходит самое настоящее чудо...

Вопросы и задания для самостоятельной работы над произведением

1. Докажите, что Сью и Джонси были настоящими друзьями. Что сделала Сью для подруги?
2. Если бы у вас была возможность поговорить с Джонси, когда она потеряла надежду, что бы вы ей сказали?
3. Какой была жизнь художника Бермана? В чём состоял смысл его поступка?
4. Почему ни у автора, ни у читателя, ни у героинь рассказа не возникает сомнения в том, что нарисованный Берманом на кирпичной стене последний листок – подлинный шедевр?

Глава 3

ЧУДЕСА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

Писатель, достойный своего героя

Литературная разминка

С какими детективными произведениями (литературными или кинематографическими) вы знакомы? Чем, по вашему мнению, объясняется их популярность?

Первое, что обычно приходит нам в голову в связи с именем Артура Конан Дойла, – это созданный им образ непревзойдённого мастера детективных расследований Шерлока Холмса. Но, заглянув в литературную энциклопедию, неискущённый читатель будет удивлён обширностью и многообразием наследия этого писателя. В самом деле, А. Конан Дойл был автором не только многочисленных историй из жизни гениального сыщика, но и спортивных рассказов, морских новелл, фантастических романов, исторических произведений, книг о войне, а также пьес и стихотворений. И вот ведь что любопытно: сам писатель вовсе не считал рассказы и повести о Холмсе лучшими своими сочинениями. На определённом этапе он, испытывая усталость от детективной темы, даже попытался «отделаться» от своего героя: придумал сюжет, который заканчивался описанием гибели Холмса в схватке с равным ему по уму и силе профессором Мориарти. Но публика, в негодовании окрестившая писателя «убийцей», не пожелала расстаться со своим любимцем и потребовала продолжения его приключений. В конце концов Конан Дойл сдался. После восьмилетней паузы он напечатал повесть «Собака Баскервилей», в которой описал те приключения, которые якобы имели место до смерти сыщика. А ещё через два года писатель «воскресил» популярного героя, начав серию рассказов «Возвращение Шерлока Холмса».

Образ Холмса получился настолько привлекательным и достоверным, что многие восприняли его как реального человека. настолько реального, что иные читатели всерьёз обращались к Дойлу с вопросом, где находится дом, в котором живёт знаменитый сыщик. Выдвигались различные предположения относительно того, с каких своих знакомых писатель «срисовал» обаятельного детектива. В списке возможных претендентов фигурировал



Артур Конан Дойл
(1859–1930)



некий хирург Джозеф Белл, удивлявший окружающих своей проникающей, умением безошибочно «прочитать» биографию человека по его внешнему виду, одежде, жестам, манере разговаривать. Что ж, возможно, А. Конан Дойл действительно позаимствовал у доктора Белла кое-какие черты для своего персонажа. И всё же вряд ли образ Шерлока Холмса получился бы таким живым, если бы писатель не вложил в него частицу своей души. Не зря сын Дойла утверждал, будто слышал от отца следующее заявление: «Если и был Холмс, то это я сам».

А. Конан Дойл родился в столице Шотландии Эдинбурге в семье выходцев из Ирландии, имевших древние рыцарские корни и глубокие культурные традиции. Дед, отец и дядья писателя были художниками. Будущее живописца родня прочила и Артуру, тем более, что он проявлял способности к рисованию. Однако унаследованный от матери дар рассказчика привёл его на писательский путь.

Семья будущего писателя жила скромно. Отец служил клерком, и его заработка хватало лишь на то, чтобы с трудом поддерживать «убогое благополучие» дома. «Существовали мы в тяжёлой атмосфере бедности, – вспоминал Конан Дойл, – и каждый из нас старался как мог помогать младшим в семье». Взрослея в таких условиях, наследник уважаемой фамилии рано осознал, что ему следует овладеть профессией, которая приносила бы надёжный доход. Его выбор пал на медицинский факультет Эдинбургского университета.

По завершении образования Дойл некоторое время служил корабельным хирургом, а затем открыл собственную врачебную практику в приморском городке Саутси. Пациентов у молодого доктора было немного, и свободное время он посвящал сочинению рассказов.

Однако вскоре ему стало трудно совмещать медицину и литературное творчество. В 1891 г. А. Конан Дойл, на ту пору уже автор нескольких историй о Шерлоке Холмсе, решил стать профессиональным писателем.

Впрочем, это решение отнюдь не означало отказа от «внелитературной» деятельности. Будучи необычайно активным и энергичным человеком, Конан Дойл просто не мог удовлетвориться кабинетным образом жизни. Его всегда привлекали области человеческой деятельности, испытывающие силу характера: спорт, политика и война. Дойл-спортсмен увлекался гольфом, крикетом, регби, боксом, ездой на велосипеде. К числу его спортивных достижений следует отнести также участие в международном автопробеге и регате. Дойл-политик дважды выдвигался на выборах в парламент. Дойл-военный, многократно рискуя жизнью, руководил полемым госпиталем во время англо-бурской войны.

В период Первой мировой войны 55-летний писатель снова заявил о своей готовности пойти на фронт. «Мне дана только одна жизнь, чтобы прожить её, – писал он брату, – и вот возможность пройти удивительное испытание, что к тому же способно оказать благотворное воздействие на других». Военное командование отклонило заявление Дойла, но душой он был рядом с соотечественниками, сражавшимися на фронте.

Честность, мужество, преданность отечеству – таковы были главные принципы жизни и творчества этого рыцаря-романтика. Лучшим определением характера А. Конан Дойла, пожалуй, являются слова, высеченные на его могильном камне: «Верен как сталь, прям как клинок».



ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Какие факты свидетельствуют об активной жизненной позиции А. Конан Дойла? А в чём проявлялась многогранность его личности?
2. Охарактеризуйте литературное наследие Конан Дойла. Можно ли, по вашему мнению, говорить о том, что главное место в нём занимают рассказы и повести о Шерлоке Холмсе?
3. Какие экранизации «Приключений Шерлока Холмса» вы знаете?

Мастер детективного жанра

Литературная разминка

Подумайте, почему у Шерлока Холмса так много почитателей в разных странах.

Впервые образ Шерлока Холмса появился в повести «Этюд в багровых тонах», которая, между прочим, не имела успеха у публики. Но через 3 года один американско-английский журнал неожиданно заказал Дойлу ещё одну историю о Шерлоке Холмсе. Писатель откликнулся на это предложение повестью «Знак четырёх». Затем последовали новые рассказы и повести о приключениях необыкновенного сыщика. С выходом в свет каждого нового произведения круг почитателей Холмса стремительно расширялся.

Всего Конан Дойл написал 56 рассказов и 4 повести о Шерлоке Холмсе. О том, насколько велика популярность этих произведений, свидетельствует хотя бы тот факт, что к концу XX в. в мире насчитывалось 150 обществ поклонников Шерлока Холмса, объединявших тысячи людей.

Работая над приключениями выдающегося сыщика, А. Конан Дойл опирался на опыт своих литературных предшественников, помещавших в центр произведений загадочное преступление и его расследование. Но именно в творчестве Конан Дойла *детективный жанр* достиг расцвета.



ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА



Детективная литература (от англ. *detective* – сыщик) – разновидность приключенческой литературы, посвящённая, как правило, раскрытию загадочных преступлений.

Комментарий литературоведа

Проанализировав произведения А. Конан Дойла, литературовед В.Б. Шкловский вывел общую схему их построения, которая позволяет увидеть, что представляет собой классический «шерлок-холмсовский» сюжет. Эта схема включает следующие пункты:

1. Холмс и доктор Уотсон предаются воспоминаниям о прежних расследованиях. Это, по сути, вступление, настраивающее читателя и погружающее его в состояние ожидания.

2. Появление посетителя, сообщающего о таинственном происшествии (убийстве, похищении и т.п.).

3. Расследование. Шерлок Холмс собирает улики и факты.

4. Доктор Уотсон даёт фактам неверное толкование. У него здесь двойная функция: увести читателя по ложному следу и подготовить «возвышение» великого детектива, проникающего в тайну.

5. Расследование на месте преступления. Преступник. Улики на месте.



6. Официальный сыщик (противопоставляемый великому Холмсу) даёт ложную разгадку.

7. Размышления Уотсона, не понимающего, в чём дело. В это время Шерлок Холмс, скрывая напряжённую работу мысли, курит или играет на скрипке, после чего проясняет связи между отдельными фактами, но не делает окончательного вывода.

8. Развязка, как правило, неожиданная.

9. Шерлок Холмс делает аналитический разбор фактов.

(По энциклопедии для детей «Всемирная литература», т. 15, ч. 2)



Перед чтением. Многие заглавия рассказов о Шерлоке Холмсе содержат намёк на ту загадку, которую скрывает в себе описываемое преступление. Пофантазируйте о том, на какую загадку намекает название «Пёстрая лента».

ПЁСТРАЯ ЛЕНТА

(В сокращении)

Просматривая свои записи о приключениях Шерлока Холмса, – а таких записей, которые я вёл на протяжении последних восьми лет, у меня больше семидесяти, – я нахожу в них немало трагических случаев, есть среди них и забавные, есть и причудливые, но нет ни одного заурядного: работая из любви к своему искусству, а не ради денег, Холмс никогда не брался за расследование обыкновенных, будничных дел, его всегда привлекали только такие дела, в которых есть что-нибудь необычайное, а порою даже фантастическое.

Особенно причудливым кажется мне дело хорошо известной в Суррее семьи Ройлоттов из Сток-Морона. Мы с Холмсом, два холостяка, жили тогда вместе на Бейкер-стрит. (...)

Проснувшись в одно апрельское утро 1883 года, я увидел, что Шерлок Холмс стоит у моей кровати. Одет он был не по-домашнему. Обычно он поднимался с постели поздно, но теперь часы на камине показывали лишь четверть восьмого. Я посмотрел на него с удивлением и даже несколько укоризненно. Сам я был верен своим привычкам.

– Весьма сожалею, что разбудил вас, Уотсон, – сказал он. – Но такой уж сегодня день. Разбудили миссис Хадсон, она – меня, а я – вас.

– Что же там такое? Пожар?

– Нет, клиентка. Приехала какая-то девушка, она ужасно взволнована и непременно желает повидаться со мной. Она ждёт в приёмной. А уж если молодая дама решается в столь ранний час путешествовать по улицам столицы и поднимать с постели незнакомого человека, я полагаю, она хочет сообщить что-то очень важное. Дело может оказаться интересным, и вам, конечно, хотелось бы услышать эту историю с самого первого слова. Вот я и решил предоставить вам эту возможность.

– Буду счастлив услышать такую историю.

Я не знал большего наслаждения, как следовать за Холмсом во время его профессиональных занятий и любоваться его стремительной мыслью. Порой казалось, что он решает предлагаемые ему загадки не разумом, а



каким-то вдохновенным чутьём, но на самом деле все его выводы были основаны на точной и строгой логике.

Я быстро оделся, и через несколько минут мы спустились в гостиную. Дама, одетая в чёрное, с густой вуалью на лице, поднялась при нашем появлении.

– Доброе утро, сударыня, – сказал Холмс приветливо. – Меня зовут Шерлок Холмс. Это мой близкий друг и помощник, доктор Уотсон, с которым вы можете быть столь же откровенны, как и со мной. Ага! Как хорошо, что миссис Хадсон догадалась затопить камин. Я вижу, вы очень продрогли. Присаживайтесь поближе к огню и разрешите предложить вам чашку кофе.

– Не холод заставляет меня дрожать, мистер Холмс, – тихо сказала женщина, присаживаясь к камину.

– А что же?

– Страх, мистер Холмс, ужас!

С этими словами она подняла вуаль, и мы увидели, как она возбуждена, какое у неё посеревшее, осунувшееся лицо. В её глазах был испуг, словно у затравленного зверя. Ей было не больше тридцати лет, но в волосах уже блестела седина, и выглядела она усталой и измученной.

Шерлок Холмс окинул её своим быстрым всепонимающим взглядом.

– Вам нечего бояться, – сказал он, ласково погладив её по руке. – Я уверен, что нам удастся уладить все неприятности... Вы, я вижу, приехали утренним поездом.

– Разве вы меня знаете?

– Нет, но я заметил в вашей левой перчатке обратный билет. Вы сегодня рано встали, а потом, направляясь на станцию, долго тряслись в двуколке по скверной дороге.

Дама резко вздрогнула и в замешательстве взглянула на Холмса.

– Здесь нет никакого чуда, сударыня, – сказал он, улыбнувшись. – Левый рукав вашего жакета по крайней мере в семи местах забрызган грязью. Пятна совершенно свежие. Так обрызгаться можно только в двуколке, сидя слева от кучера.

– Всё так и было, – сказала она. – Около шести часов я выбралась из дому, в двадцать минут седьмого была в Летерхеде и с первым поездом приехала в Лондон, на вокзал Ватерлоо... Сэр, я больше не вынесу этого, я сойду с ума! У меня нет никого, к кому я могла бы обратиться. Есть, впрочем, один человек, который принимает во мне участие, но чем он может мне помочь, бедняга? Я слышала о вас, мистер Холмс, слышала от миссис Фаринтош, которой вы помогли в минуту горя. Она дала мне ваш адрес. О сэр, помогите и мне или по крайней мере попытайтесь пролить хоть немного света в тот непроницаемый мрак, который окружает меня! Я не в состоянии отблагодарить вас сейчас за ваши услуги, но через месяц-полтора я буду замужем, тогда у меня будет право распоряжаться своими доходами, и вы увидите, что я умею быть благодарной.



Б. Рэтбоун
в роли Шерлока Холмса
(режиссёр сериала
А. Веркер, США)



Холмс подошёл к конторке, открыл её, достал оттуда записную книжку.

– Фаринтош... – сказал он. – Ах да, я вспоминаю этот случай. Он связан с тиарой из опалов. По-моему, это было ещё до нашего знакомства, Уотсон. Могу вас уверить, сударыня, что я буду счастлив отнестись к вашему делу с таким же усердием, с каким отнёсся к делу вашей приятельницы. А вознаграждения мне никакого не нужно, так как моя работа и служит мне вознаграждением. Конечно, у меня будут кое-какие расходы и их вы можете возместить, когда вам будет угодно. А теперь попрошу вас сообщить нам подробности вашего дела, чтобы мы могли иметь своё суждение о нём. (...)

– Меня зовут Элен Стоунер. Я живу в доме моего отчима, Ройлотта. Он является последним отпрыском одной из старейших саксонских фамилий в Англии, Ройлоттов из Сток-Морона, у западной границы Суррея.

Холмс кивнул головой.

– Мне знакомо это имя, – сказал он.

– Было время, когда семья Ройлоттов была одной из самых богатых в Англии. На севере владения Ройлоттов простирались до Беркшира, а на западе – до Хампшира. Но в прошлом столетии четыре поколения подряд проматывали семейное состояние, пока наконец один из наследников, страстный игрок, окончательно не разорил семью... От прежних поместий остались лишь несколько акров¹ земли да старинный дом, построенный лет двести назад и грозящий рухнуть под бременем закладных. Последний помещик из этого рода влачил в своём доме жалкое существование нищего аристократа. Но его единственный сын, мой отчим, поняв, что надо как-то приспособливаться к новому положению вещей, взял займы у какого-то родственника необходимую сумму денег, поступил в университет, окончил его с дипломом врача и уехал в Калькутту, где благодаря своему искусству и выдержке вскоре приобрёл широкую практику. Но вот в доме у него случилась кража, и Ройлотт в припадке бешенства избил до смерти туземца-дворецкого. С трудом избежав смертной казни, он долгое время томился в тюрьме, а потом возвратился в Англию угрюмым и разочарованным человеком.

В Индии доктор Ройлотт женился на моей матери, миссис Стоунер, молодой вдове генерал-майора артиллерии. Мы были близнецы – я и моя сестра Джулия, и, когда мать наша выходила замуж за доктора, нам едва минуло два года. Она обладала порядочным состоянием, дававшим ей не меньше тысячи фунтов² дохода в год. По её завещанию это состояние переходило к доктору Ройлотту, поскольку мы жили вместе. Но если мы выйдем замуж, каждой из нас должна быть выделена определённая сумма годового дохода. Вскоре после нашего возвращения в Англию моя мать умерла – она погибла восемь лет назад во время железнодорожной катастрофы при Кру. После её смерти доктор Ройлотт оставил свои попытки обосноваться в Лондоне и наладить там медицинскую практику и вместе с нами поселился в родовом поместье в Сток-Мороне. Состояния нашей матери вполне хватало на то, чтобы удовлетворять наши потребности, и, казалось, ничто не должно было мешать нашему счастью.

¹ *Акр* – земельная мера, равная 4047 м².

² *Фунт* (стерлингов) – денежная единица Англии.



Но странная перемена произошла с моим отчимом. Вместо того чтобы подружиться с соседями, которые вначале обрадовались, что Ройлотт из Сток-Морона вернулся в родовое гнездо, он заперся в усадьбе и очень редко выходил из дому, а если и выходил, то всякий раз затевал безобразную ссору с первым же человеком, который попадался ему на пути. (...) Он сделался грозой всего селения... Нужно сказать, что он человек невероятной физической силы и, так как в припадке гнева совершенно не владеет собой, люди при встрече с ним буквально шарахались в сторону.

На прошлой неделе он швырнул в реку местного кузнеца, и, чтобы откупиться от публичного скандала, мне пришлось отдать все деньги, какие я могла собрать. Единственные друзья его – кочующие цыгане, он позволяет этим бродягам раскидывать шатры на небольшом, заросшем ежевикой клочке земли, составляющем всё его родовое поместье, и порой кочует вместе с ними, по целым неделям не возвращаясь домой. Ещё есть у него страсть к животным, которых присылает ему из Индии один знакомый, и в настоящее время по его владениям свободно разгуливают гепард и павиан, наводя на жителей почти такой же страх, как и он сам.

Из моих слов вы можете заключить, что мы с сестрой жили не слишком-то весело. Никто не хотел идти к нам в услужение, и долгое время всю домашнюю работу мы исполняли сами. Сестре было всего тридцать лет, когда она умерла, а у неё уже начинала пробиваться седина, такая же, как у меня.

– Так ваша сестра умерла?

– Она умерла ровно два года назад, и как раз о её смерти я и хочу рассказать вам. Вы сами понимаете, что при таком образе жизни мы почти не встречались с людьми нашего возраста и нашего круга. Правда, у нас есть незамужняя тётка, сестра нашей матери, мисс Гонория Уэстфайл, она живёт близ Харроу, и время от времени нас отпускали погостить у неё. Два года назад моя сестра Джулия проводила у неё Рождество. Там она встретила с отставным майором флота, и он сделался её женихом. Вернувшись домой, она рассказала о своей помолвке нашему отчиму. Отчим не возражал против её замужества, но за две недели до свадьбы случилось ужасное событие, лишившее меня моей единственной подруги...

Шерлок Холмс сидел в кресле, откинувшись назад и положив голову на диванную подушку. Глаза его были закрыты. Теперь он приподнял веки и взглянул на посетительницу.

– Прошу вас рассказывать, не пропуская ни одной подробности, – сказал он.

– Мне легко быть точной, потому что все события тех ужасных дней врезались в мою память... Как я уже говорила, наш дом очень стар, и только одно крыло пригодно для жилья. В нижнем этаже размещаются спальни, гостиные находятся в центре. В первой спальне спит доктор Ройлотт, во второй спала моя сестра, а в третьей – я. Спальни не сообщаются между



В. Ливанов
в роли Шерлока Холмса
(режиссёр сериала
И. Масленников, СССР)



собой, но все они имеют выход в один коридор. Достаточно ли ясно я рассказываю?

– Да, вполне.

– Окна всех трёх спален выходят на лужайку. В ту роковую ночь доктор Ройlott рано удалился в свою комнату, но мы знали, что он ещё не лёг, так как сестру мою долго беспокоил запах крепких индийских сигар, которые он имел привычку курить. Сестра не выносила этого запаха и пришла в мою комнату, где мы просидели некоторое время, болтая о её предстоящем замужестве. В одиннадцать часов она поднялась и хотела уйти, но у дверей остановилась и спросила меня:

«Скажи, Элен, не кажется ли тебе, будто кто-то свистит по ночам?»

«Нет», – сказала я.

«Надеюсь, что ты не свистишь во сне?»

«Конечно, нет. А в чём дело?»

«В последнее время, часа в три ночи, мне ясно слышится тихий, отчётливый свист. Я сплю очень чутко, и свист будит меня. Не могу понять, откуда он доносится, – быть может, из соседней комнаты, быть может, с лужайки. Я давно уже хотела спросить у тебя, слыхала ли ты его».

«Нет, не слыхала. Может, свистят эти мерзкие цыгане?»

«Очень возможно. Однако, если бы свист доносился с лужайки, ты тоже слыхала бы его».

«Я сплю гораздо крепче тебя».

«Впрочем, всё это пустяки», – улыбнулась сестра, закрыла мою дверь, и спустя несколько мгновений я услышала, как щёлкнул ключ в её двери.

– Вот как! – сказал Холмс. – Вы на ночь всегда запирали дверь на ключ?

– Всегда.

– А почему?

– Я, кажется, уже упомянула, что у доктора жили гепард и павиан. Мы чувствовали себя в безопасности лишь тогда, когда дверь была закрыта на ключ.

– Понимаю. Прошу продолжать.

– Ночью я не могла уснуть. Смутное ощущение какого-то неотвратимого несчастья охватило меня. Мы близнецы, а вы знаете, какими тонкими узами связаны столь родственные души. Ночь была жуткая: выл ветер, дождь барабанил в окна. И вдруг среди бури раздался дикий вопль. То кричала моя сестра. Я спрыгнула с кровати и, накинув большой платок, выскочила в коридор. Когда я открыла дверь, мне показалось, что я слышу тихий свист, вроде того, о котором рассказывала сестра, а затем что-то звякнуло, словно на землю упал тяжёлый металлический предмет. Подбежав к комнате сестры, я увидела, что дверь тихонько колышется взад и вперёд. Я остановилась, поражённая ужасом, не понимая, что происходит. При свете лампы, горевшей в коридоре, я увидела свою сестру, которая появилась в дверях, шатаясь, как пьяная, с белым от ужаса лицом, протягивая вперёд руки, словно моля о помощи. Бросившись к ней, я обняла её, но в это мгновение колени сестры подогнулись, и она рухнула наземь. Она корчилась, словно от нестерпимой боли, руки и ноги её сводило судорогой. Сначала мне показалось, что она меня не узнаёт, но когда я склонилась над ней, она вдруг вскрикнула... О, я никогда не забуду её страшного голоса! «Боже мой, Элен! – кричала она. – Лента! Пёстрая лента!»





Кадры из сериала «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона¹»
(режиссёр И. Масленников, СССР)

Она попыталась ещё что-то сказать, указывая пальцем в сторону комнаты доктора, но новый приступ судорог оборвал её слова. Я выскочила и, громко крича, побежала за отчимом. Он уже спешил мне навстречу в ночном халате. Сестра была без сознания, когда он приблизился к ней. Он влил ей в рот коньяку и тотчас же послал за деревенским врачом, но все усилия спасти её были напрасны, и она скончалась, не приходя в сознание. Таков был ужасный конец моей любимой сестры...

– Позвольте спросить, – сказал Холмс. – Вы уверены, что слышали свист и лязг металла? Могли бы вы показать это под присягой?

– Об этом спрашивал меня и следователь. Мне кажется, что я слышала эти звуки, однако меня могли ввести в заблуждение и завывания бури, и потрескивания старого дома.

– Ваша сестра была одета?

– Нет, она выбежала в одной ночной рубашке. В правой руке у неё была обгорелая спичка, а в левой спичечная коробка.

– Значит, она чиркнула спичкой и стала осматриваться, когда что-то испугало её. Очень важная подробность. А к каким выводам пришёл следователь?

– Он тщательно изучил все обстоятельства – ведь буйный характер доктора Ройлотта был известен всей округе, но ему так и не удалось найти мало-мальски удовлетворительную причину смерти моей сестры. Я показала на следствии, что дверь её комнаты была заперта изнутри, а окна защищены снаружи старинными ставнями с широкими железными засовами. Стены были подвергнуты самому внимательному изучению, но они повсюду оказались прочными. Осмотр пола тоже не дал никаких результатов. Каминная труба широка, но её перекрывают целых четыре вьюшки. Итак, нельзя сомневаться, что сестра во время постигшей её катастрофы была совершенно одна. Никаких следов насилия обнаружить не удалось.

– А как насчёт яда?

– Врачи исследовали её, но не нашли ничего, что указывало бы на отравление.

¹ В некоторых русских переводах фамилия друга и помощника Шерлока Холмса имеет написание «Ватсон».



– Что же, по-вашему, было причиной смерти?

– Мне кажется, она умерла от ужаса и нервного потрясения. Но я не представляю себе, кто мог её так напугать.

– А цыгане были в то время в усадьбе?

– Да, цыгане почти всегда живут у нас.

– А что, по-вашему, могли означать её слова о ленте, о пёстрой ленте?

– Иногда мне казалось, что слова эти были сказаны просто в бреду, а иногда – что они относятся к цыганам. Но почему пёстрая лента? Возможно, что пёстрые платки, которые носят цыганки, внушили ей этот странный эпитет.

Холмс покачал головой: видимо, объяснение не удовлетворяло его.

– Это дело тёмное, – сказал он. – Прошу вас, продолжайте.

– С тех пор прошло два года, и жизнь моя была ещё более одинокой, чем раньше. Но месяц назад один близкий мне человек, которого я знаю много лет, сделал мне предложение. Его зовут Армитедж, Пэрс Армитедж, он второй сын мистера Армитеджа из Крейнуотера, близ Рединга. Мой отчим не возражал против нашего брака, и этой весной мы должны обвенчаться. Два дня назад в западном крыле нашего дома начались какие-то переделки. Была пробита стена моей спальни, и мне пришлось перебраться в ту комнату, где скончалась сестра, и спать на той самой кровати, на которой спала она. Можете себе представить мой ужас, когда прошлой ночью, лёжа без сна и размышляя о её трагической смерти, я внезапно услышала в тишине тот самый тихий свист, который был предвестником гибели моей сестры. Я вскочила, зажгла лампу, но в комнате никого не было. Снова лечь я не могла – я была слишком взволнована, поэтому я оделась и, чуть рассвело, выскользнула из дому, взяла двуколку в гостинице «Корона», которая находится напротив нас, поехала в Летерхед, а оттуда сюда – с одной только мыслью повидать вас и спросить у вас совета.

– Вы очень умно поступили, – сказал мой друг. – Но всё ли вы рассказали мне?

– Да, всё.

– Нет, не всё, мисс Ройлотт: вы щадите и выгораживаете своего отчима.

– Я не понимаю вас...

Вместо ответа Холмс откинул чёрную кружевную отделку на рукаве нашей посетительницы. Пять багровых пятен – следы пяти пальцев – ясно виднелись на белом запястье.

– Да, с вами обошлись жестоко, – сказал Холмс.

Девушка густо покраснела и поспешила опустить кружева.

– Отчим – суровый человек, – сказала она. – Он очень силен, и, возможно, сам не замечает своей силы.

Наступило долгое молчание. Холмс сидел, подперев руками подбородок и глядя на потрескивавший в камине огонь.

– Сложное дело, – сказал он наконец. – Мне хотелось бы выяснить ещё тысячу подробностей, прежде чем решить, как действовать. А между тем нельзя терять ни минуты. Послушайте, если бы мы сегодня же приехали в Сток-Морон, удалось бы нам осмотреть эти комнаты, но так, чтобы ваш отчим не узнал?





Кадр из кинофильма «Шерлок Холмс»
(режиссёр Г. Ричи, США, Великобритания)

– Он как раз говорил мне, что собирается ехать сегодня в город по каким-то важным делам. Возможно, что его не будет весь день, и тогда никто не помешает. (...)

– Так что же вы обо всём этом думаете, Уотсон? – спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку кресла.

– По-моему, это в высшей степени тёмное и грязное дело.

– Достаточно грязное и достаточно тёмное.

– Но если наша гостья права, утверждая, что пол и стены в комнате крепки, так что через двери, окна и каминную трубу невозможно туда проникнуть, значит, её сестра в минуту своей таинственной смерти была совершенно одна...

– В таком случае, что означают эти ночные свисты и странные слова умирающей?

– Представить себе не могу.

– Если сопоставить факты: ночные свисты, цыгане, с которыми у этого старого доктора такие близкие отношения, намёки умирающей на какую-то ленту и, наконец, тот факт, что мисс Элен Стоунер слышала металлический лязг, который мог издавать железный засов от ставни... если вспомнить к тому же, что доктор заинтересован в предотвращении замужества своей падчерицы, – я полагаю, что мы попали на верные следы, которые помогут нам разгадать это таинственное происшествие.

– Но тогда при чём здесь цыгане?

– Понятия не имею.

– У меня всё-таки есть множество возражений...

– Да и у меня тоже, и поэтому мы сегодня едем в Сток-Морон. Я хочу проверить всё на месте. Не обернулись бы кое-какие обстоятельства самым роковым образом. Может быть, их удастся прояснить. Чёрт возьми, что это значит?

Так воскликнул мой друг, потому что дверь внезапно широко распахнулась, и в комнату ввалился какой-то субъект колоссального роста. Его



костюм представлял собою странную смесь: чёрный цилиндр и длинный сюртук указывали на профессию врача, а по высоким гетрам и охотничьему хлысту в руках его можно было принять за сельского жителя. Он был так высок, что шляпой задевал верхнюю перекладину нашей двери, и так широк в плечах, что едва протискивался в дверь. Его толстое, жёлтое от загара лицо со следами всех пороков было перерезано тысячью морщин, а глубоко сидящие, злобно сверкающие глаза и длинный, тонкий, костлявый нос придавали ему сходство со старой хищной птицей.

Он переводил взгляд то на Шерлока Холмса, то на меня.

– Который из вас Холмс? – промолвил наконец посетитель.

– Это моё имя, сэр, – спокойно ответил мой друг. – Но я не знаю вашего.

– Я доктор Гримсби Ройлотт из Сток-Морона.

– Очень рад. Садитесь, пожалуйста, доктор, – любезно сказал Шерлок Холмс.

– Не стану я садиться! Здесь была моя падчерица. Я выследил её. Что она говорила вам?

– Что-то не по сезону холодная погода нынче, – сказал Холмс.

– Что она говорила вам? – злобно закричал старик.

– Впрочем, я слышал, крокусы будут отлично цвести, – невозмутимо продолжал мой приятель.

– Ага, вы хотите отделаться от меня! – сказал наш гость, делая шаг вперед и размахивая хлыстом. – Знаю я вас, подлеца. Я уже и прежде слышал про вас. Вы любите совать нос в чужие дела.

Мой друг улыбнулся. (...)

– Вы удивительно приятный собеседник, – сказал он. – Выходя отсюда, закройте дверь, а то, право же, сильно сквозит.

– Я выйду только тогда, когда выскажусь. Не вздумайте вмешиваться в мои дела. Я знаю, что мисс Стоунер была здесь, я следил за ней! Горе тому, кто станет у меня на пути! Смотрите!

Он быстро подошёл к камину, взял кочергу и согнул её своими огромными загорелыми руками.

– Смотрите, не попадайтесь мне в лапы! – прорычал он, швырнул искривленную кочергу в камин и вышел из комнаты.

– Какой любезный господин! – смеясь, сказал Холмс. – Я не такой великан, но если бы он не ушёл, мне пришлось бы доказать ему, что мои лапы ничуть не слабее его лап.

С этими словами он поднял стальную кочергу и одним быстрым движением распрямил её.

– Сейчас, Уотсон, мы позавтракаем, а затем я отправлюсь к юристам и наведу у них несколько справок.

Было уже около часа, когда Холмс возвратился домой. В руке у него был лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

– Я видел завещание покойной жены доктора, – сказал он. – Чтобы точнее разобраться в нём, мне пришлось справиться о нынешней стоимости ценных бумаг, в которых помещено состояние покойной. В год смерти общий доход её составлял почти тысячу сто фунтов стерлингов, но с тех пор, в связи с падением цен на сельскохозяйственные продукты, уменьшился до семисот пятидесяти фунтов стерлингов. Выйдя замуж, каждая



дочь имеет право на ежегодный доход в двести пятьдесят фунтов стерлингов. Следовательно, если бы обе дочери вышли замуж, наш красавец получил бы только жалкие крохи. Его доходы значительно уменьшились бы и в том случае, если бы замуж вышла лишь одна из дочерей. Я не напрасно потратил всё утро, так как получил ясные доказательства, что у отчима были весьма веские основания препятствовать замужеству падчериц. (...)

На вокзале Ватерлоо нам посчастливилось сразу попасть на поезд. Приехав в Летерхед, мы в гостинице возле станции взяли двуколку и проехали миль пять живописными дорогами Суррея. (...)

Станным казался мне контраст между сладостным пробуждением весны и ужасным делом, из-за которого мы прибыли сюда. Мой приятель сидел впереди, скрестив руки, надвинув шляпу на глаза, опустив подбородок на грудь, погружённый в глубокие думы. Внезапно он поднял голову, хлопнул меня по плечу и указал куда-то вдаль.

– Посмотрите!

Обширный парк раскинулся по склону холма, переходя в густую рощу на вершине; из-за веток виднелись очертания высокой крыши и шпиль старинного помещичьего дома.

– Сток-Морон? – спросил Шерлок Холмс.

– Да, сэр, это дом доктора Гримсби Ройлотта, – ответил возница. (...)

Наша утренняя посетительница радостно спешила нам навстречу.

– Я с таким нетерпением ждала вас! – воскликнула она, горячо пожимая нам руки. – Все устроилось чудесно: доктор Ройлотт уехал в город и вряд ли возвратится раньше вечера.

– Мы имели удовольствие познакомиться с доктором, – сказал Холмс и в двух словах рассказал о том, что произошло.

Мисс Стоунер побледнела.

– Боже мой! – воскликнула она. – Значит, он шёл за мной следом!

– Похоже на то.

– Он так хитёр, что я никогда не чувствую себя в безопасности. Что он скажет, когда возвратится?

– Придётся ему быть осторожнее, потому что здесь может найтись кое-кто похитрее его. На ночь запирайтесь от него на ключ. Если он будет буйствовать, мы увезём вас к вашей тётке в Харроу... Ну, а теперь надо как можно лучше использовать время, и потому проводите нас, пожалуйста, в те комнаты, которые мы должны обследовать.

Холмс стал медленно расхаживать по нерасчищенной лужайке, внимательно глядя на окна.

– Насколько я понимаю, тут комната, в которой вы жили прежде. Среднее окно – из комнаты вашей сестры, а третье окно, то, что поближе к главному зданию, – из комнаты доктора Ройлотта...

– Совершенно правильно. Но теперь я живу в средней комнате.

– Понимаю, из-за ремонта. Кстати, как-то незаметно, чтобы эта стена нуждалась в столь неотложном ремонте.

– Совсем не нуждается. Я думаю, это просто предлог, чтобы убрать меня из моей комнаты.

– Весьма вероятно. Итак, вдоль противоположной стены тянется коридор, куда выходят двери всех трёх комнат. В коридоре, без сомнения, есть окна?



– Да, но очень маленькие. Пролезть сквозь них невозможно.

– Так как вы обе запирались на ключ, то из коридора попасть к вам в комнаты нельзя. Будьте любезны, пройдите в свою комнату и закройте ставни.

Мисс Стоунер исполнила его просьбу. Холмс, предварительно осмотрев окно, употребил все усилия, чтобы открыть ставни снаружи, но безуспешно: не было ни одной щёлки, сквозь которую можно было бы просунуть хоть лезвие ножа, чтобы поднять засов. При помощи лупы он осмотрел петли, но они были из твёрдого железа и крепко вделаны в массивную стену.

– Гм! – проговорил он, в раздумье почёсывая подбородок. – Моя первоначальная гипотеза не подтверждается фактами. Когда ставни закрыты, в эти окна не влезть... Ладно, поглядим, не удастся ли нам выяснить что-нибудь, осмотрев комнаты изнутри.

Маленькая боковая дверь открывалась в выбеленный известковый коридор, в который выходили двери всех трёх спален. Холмс не счёл нужным осматривать третью комнату, и мы сразу прошли во вторую, где теперь спала мисс Стоунер и где умерла её сестра. Это была просто обставленная комната с низким потолком и с широким камином, одним из тех, которые встречаются в старинных деревенских домах. В одном углу стоял комод; другой угол занимала узкая кровать, покрытая белым одеялом; слева от окна находился туалетный столик. Убранство комнаты довершали два плетёных стула да квадратный коврик посередине. Панели на стенах были из тёмного, источённого червями дуба, такие древние и выцветшие, что казалось, их не меняли со времени постройки дома.

Холмс взял стул и молча уселся в углу. Глаза его внимательно скользили вверх и вниз по стенам, бегали вокруг комнаты, изучая и осматривая каждую мелочь.

– Куда проведён этот звонок? – спросил он наконец, указывая на висевший над кроватью толстый шнур от звонка, кисточка которого лежала на подушке.

– В комнату прислуги.

– Он как будто новее всех прочих вещей.

– Да, он проведён всего несколько лет назад.

– Вероятно, ваша сестра просила об этом?

– Нет, она никогда им не пользовалась. Мы всегда всё делали сами.

– Действительно, здесь этот звонок – лишняя роскошь. Вы меня извините, если я вас задержу на несколько минут: мне хочется хорошенько осмотреть пол.

С лупой в руках он ползал на четвереньках взад и вперёд по полу, пристально исследуя каждую трещину в половицах. Так же тщательно он осмотрел и панели на стенах. Потом подошёл к кровати, внимательно оглядел её и всю стену снизу доверху. Потом взял шнур от звонка и дёрнул его.

– Да ведь звонок поддельный! – сказал он.

– Он не звонит?

– Он даже не соединён с проволокой. Любопытно! Видите, он привязан к крючку как раз над тем маленьким отверстием для вентилятора.

– Как странно! Я и не заметила этого.





Кадр из сериала «Шерлок» (режиссёры *М. Геттис*, *С. Моффат*, Великобритания)

– Очень странно... – бормотал Холмс, дёргая шнур. – В этой комнате многое обращает на себя внимание. Например, каким нужно быть безумным строителем, чтобы вывести вентилятор в соседнюю комнату, когда его с такой же лёгкостью можно было вывести наружу!

– Всё это сделано тоже очень недавно, – сказала Элен.

– Примерно в одно время со звонком, – заметил Холмс.

– Да, как раз в то время здесь произвели кое-какие переделки.

– Интересные переделки: звонки, которые не звонят, и вентиляторы, которые не вентилируют. С вашего позволения, мисс Стоунер, мы перенесём наши исследования в другие комнаты.

Комната доктора Гримсби Ройлотта была больше, чем комната его падчерицы, но обставлена так же просто. Походная кровать, небольшая деревянная полка, уставленная книгами, преимущественно техническими, кресло рядом с кроватью, простой плетёный стул у стены, круглый стол и большой железный несгораемый шкаф – вот и всё, что бросалось в глаза при входе в комнату. Холмс медленно похаживал вокруг, с живейшим интересом исследуя каждую вещь.

– Что здесь? – спросил он, стукнув по несгораемому шкафу.

– Деловые бумаги моего отчима.

– Ого! Значит, вы заглядывали в этот шкаф?

– Только раз, несколько лет назад. Я помню, там была кипа бумаг.

– А нет ли в нём, например, кошки?

– Нет. Что за странная мысль!

– А вот посмотрите!

Он снял со шкафа маленькое блюдо с молоком.

– Нет, кошек мы не держим. Но зато у нас есть гепард и павиан.



– Ах, да! Гепард, конечно, всего только большая кошка, но сомневаюсь, что такое маленькое блюдце молока может насытить этого зверя. Да, в этом надо разобраться.

Он присел на корточки перед стулом и принялся с глубоким вниманием изучать сиденье.

– Благодарю вас, всё ясно, – сказал он, поднимаясь и кладя лупу в карман. – Ага, вот ещё кое-что весьма интересное!

Внимание его привлекла небольшая собачья плеть, висевшая в углу кровати. Конец её был завязан петлей.

– Что вы об этом думаете, Уотсон?

– По-моему, самая обыкновенная плеть. Не понимаю, для чего понадобилось завязывать на ней петлю.

– Не такая уж обыкновенная... Ах, сколько зла на свете, и хуже всего, когда злые дела совершает умный человек!.. Ну, с меня достаточно, мисс, я узнал всё, что мне нужно, а теперь с вашего разрешения мы пройдемся по лужайке.

Я никогда не видел Холмса таким угрюмым и насупленным. (...)

– Очень важно, мисс Стоунер, чтобы вы в точности следовали моим советам, – сказал он.

– Я исполню всё беспрекословно.

– Обстоятельства слишком серьёзны, и колебаться нельзя. От вашего полного повиновения зависит ваша жизнь.

– Я целиком полагаюсь на вас. (...)

– Мы проведём ночь в вашей комнате и выясним причину шума, напугавшего вас.

– Мне кажется, мистер Холмс, что вы уже пришли к какому-то выводу, – сказала мисс Стоунер, дотрагиваясь до рукава моего друга.

– Быть может, да.

– Тогда, ради всего святого, скажите хотя бы, отчего умерла моя сестра?

– Прежде чем ответить, я хотел бы собрать более точные улики.

– Тогда скажите по крайней мере, верно ли моё предположение, что она умерла от внезапного испуга?

– Нет, неверно: я полагаю, что причина её смерти была более вещественна... А теперь, мисс Стоунер, мы должны вас покинуть, потому что, если мистер Ройлотт вернётся и застанет нас, вся поездка окажется совершенно напрасной. До свидания! Будьте мужественны, сделайте всё, что я сказал, и не сомневайтесь, что мы быстро устраним грозящую вам опасность.

Мы с Шерлоком Холмсом без всяких затруднений сняли номер в гостинице «Корона». (...)

– Право, не знаю, – сказал Холмс, – брать ли вас сегодня ночью с собой! Дело-то очень опасное.

– А я могу быть полезен вам?

– Ваша помощь может оказаться неоценимой.

– Тогда я непременно пойду.

– Спасибо.

– Вы говорите об опасности. Очевидно, вы видели в этих комнатах что-то такое, чего не видел я.



– Нет, я видел то же, что и вы, но сделал другие выводы.

– Я не заметил в комнате ничего примечательного, кроме шнура от звонка, но, признаюсь, не способен понять, для какой цели он может служить.

– А на вентилятор вы обратили внимание?

– Да, но мне кажется, что в этом маленьком отверстии между двумя комнатами нет ничего необычного. Оно так мало, что даже мышь едва ли может пролезть сквозь него.

– Я знал об этом вентиляторе прежде, чем мы приехали в Сток-Морон.

– Дорогой мой Холмс!

– Да, знал. Помните, мисс Стоунер сказала, что её сестра чувствовала запах сигар, которые курит доктор Ройлотт? А это доказывает, что между двумя комнатами есть отверстие, и, конечно, оно очень мало, иначе его заметил бы следователь при осмотре комнаты. Я решил, что тут должен быть вентилятор.

– Но какую опасность может таить в себе вентилятор?

– А посмотрите, какое странное совпадение: над кроватью устраивают вентилятор, вешают шнур, и леди, спящая на кровати, умирает. Разве это не поражает вас?

– Я до сих пор не могу связать эти обстоятельства.

– А в кровати вы не заметили ничего особенного?

– Нет.

– Она привинчена к полу. Вы когда-нибудь видели, чтобы кровати привинчивали к полу?

– Пожалуй, не видел.

– Леди не могла передвинуть свою кровать, её кровать всегда оставалась в одном и том же положении по отношению к вентилятору и шнуру. Этот звонок приходится называть просто шнуром, так как он не звонит.

– Холмс! – вскричал я. – Кажется, я начинаю понимать, на что вы намекаете. Значит, мы явились как раз вовремя, чтобы предотвратить ужасное и утончённое преступление.

– Да, утончённое и ужасное. Когда врач совершает преступление, он опаснее всех прочих преступников. У него крепкие нервы и большие знания.

Часов около девяти свет, видневшийся между деревьями, погас, и усадьба погрузилась во тьму. Так прошло часа два, и вдруг ровно в одиннадцать одинокий яркий огонёк засиял прямо против нашего окна.

– Это сигнал для нас, – сказал Холмс, вскакивая. – Свет горит в среднем окне. (...)

Выходя, он сказал хозяину гостиницы, что мы идём в гости к одному знакомому и, возможно, там и переночуем. Через минуту мы вышли на тёмную дорогу. Свежий ветер дул нам в лицо, жёлтый свет, мерцая перед нами во мраке, указывал путь.

Попасть к дому было нетрудно, потому что старая парковая ограда обрушилась во многих местах. Пробираясь между деревьями, мы достигли лужайки, пересекли её и уже собирались лезть в окно, как вдруг какое-то существо, похожее на отвратительного уродя-ребёнка, выскочило из лавровых кустов, бросилось, корчась, на траву, а потом промчалось через лужайку и скрылось в темноте.



– Боже! – прошептал я. – Вы видели?

В первое мгновение Холмс испугался не меньше меня. Он схватил мою руку и сжал её, словно тисками. Потом тихо рассмеялся и, приблизив губы к моему уху, пробормотал еле слышно:

– Милая семейка! Ведь это павиан.

Я совсем забыл о любимцах доктора. А гепард, который каждую минуту может оказаться у нас на плечах? Признаться, я почувствовал себя значительно лучше, когда, следуя примеру Холмса, сбросил ботинки, влез в окно и очутился в спальне. Мой друг бесшумно закрыл ставни, переставил лампу на стол и быстро оглядел комнату. Здесь было всё, как днём. Он приблизился ко мне и, сложив руку трубкой, прошептал так тихо, что я едва понял его:

– Малейший звук погубит нас.

Я кивнул головой, показывая, что слышу.

– Нам придётся сидеть без огня. Сквозь вентилятор он может заметить свет.

Я кивнул ещё раз.

– Не засните – от этого зависит ваша жизнь. Держите револьвер наготове. Я сяду на край кровати, а вы на стул.

Я вытащил револьвер и положил его на угол стола. Холмс принёс с собой длинную тонкую трость и поместил её возле себя на кровать вместе с коробкой спичек и огарком свечи. Потом задул лампу, и мы остались в полной темноте.

Забуду ли я когда-нибудь эту страшную бессонную ночь! Ни один звук не доносился до меня. Я не слышал даже дыхания своего друга, а между тем знал, что он сидит в двух шагах от меня с открытыми глазами, в таком же напряжённом, нервном состоянии, как и я. Какими долгими они казались нам, эти каждые пятнадцать минут! Пробило двенадцать, час, два, три, а мы всё сидели молча, ожидая чего-то неизбежного. (...)

Внезапно у вентилятора мелькнул свет и сразу же исчез, но тотчас мы почувствовали сильный запах горелого масла и накалённого металла. Кто-то в соседней комнате зажёл потайной фонарь. Я услышал, как что-то двинулось, потом всё смолкло, и только запах стал ещё сильнее. С полчасика я сидел, напряжённо вглядываясь в темноту. Внезапно послышался какой-то новый звук, нежный и тихий, словно вырывалась из котла тонкая струйка пара. И в то же мгновение Холмс вскочил с кровати, чиркнул спичкой и яростно хлестнул своей тростью по шнуру.

– Вы видите её, Уотсон? – проревел он. – Видите?

Но я ничего не видел. Пока Холмс чиркал спичкой, я слышал тихий отчётливый свист, но внезапный яркий свет так ослепил мои утомлённые глаза, что я не мог ничего разглядеть и не понял, почему Холмс так яростно хлещет тростью. Однако я успел заметить выражение ужаса и отвращения на его мертвенно-бледном лице.

Холмс перестал хлестать и начал пристально разглядывать вентилятор, как вдруг тишину ночи прорезал такой ужасный крик, какого я не слышал никогда в жизни.

– Что это значит? – спросил я, задыхаясь.





Лондон. Музей Шерлока Холмса на Бейкер-стрит, 221-Б

– Это значит, что всё кончено, – ответил Холмс. – И, в сущности, это к лучшему. Возьмите револьвер, и пойдём в комнату доктора Ройлотта.

Лицо его было сурово. Он зажёл лампу и пошёл по коридору. Дважды он стукнул в дверь комнаты доктора, но изнутри никто не ответил. Тогда он повернул ручку и вошёл в комнату. Я шёл за ним следом, держа в руке заряженный револьвер.

Необычайное зрелище представилось нашим взорам. На столе стоял фонарь, бросая яркий луч света на железный несгораемый шкаф, дверца которого была полуоткрыта. У стола на соломенном стуле сидел доктор Гримсби Ройлотт в длинном сером халате, из-под которого виднелись голые лодыжки. Ноги его были в красных турецких туфлях без задников. На коленях лежала та самая плеть, которую мы ещё днём заметили в его комнате. Он сидел, задрав подбородок кверху, неподвижно устремив глаза на потолок; в глазах застыло выражение страха. Вокруг его головы туго обвилась какая-то необыкновенная, жёлтая с коричневыми крапинками лента. При нашем появлении доктор не шевельнулся и не издал звука.

– Лента! Пёстрая лента! – прошептал Холмс.

Я сделал шаг вперёд. В то же мгновение странный головной убор зашевелился, и из волос доктора Ройлотта поднялась гранёная головка и раздувшаяся шея ужасной змеи.

– Болотная гадюка! – вскричал Холмс. – Самая смертоносная индийская змея! Он умер через десять секунд после укуса. «Поднявший меч от меча и погибнет», и тот, кто роет другому яму, сам в неё попадёт. Посадим эту тварь в её логово, отправим мисс Стоунер в какое-нибудь спокойное место и дадим знать полиции о том, что случилось.



Он схватил плеть с колен мёртвого, накинул петлю на голову змеи, стащил её с её ужасного насеста, швырнул внутрь несгораемого шкафа и захлопнул дверцу.

Таковы истинные обстоятельства смерти доктора Гримсби Ройлотта из Сток-Морона. (...) Остальное Шерлок Холмс рассказал мне, когда мы на следующий день ехали обратно.

– Вначале я пришёл к совершенно неправильным выводам, мой дорогой Уотсон, – сказал он, – и это доказывает, как опасно опираться на неточные данные. Присутствие цыган, восклицание несчастной девушки, пытавшейся объяснить, что она увидела, чиркнув спичкой, – всего этого было достаточно, чтобы навести меня на ложный след. Но когда мне стало ясно, что в комнату невозможно проникнуть ни через дверь, ни через окно, что не оттуда грозит опасность обитателю этой комнаты, я понял свою ошибку, и это может послужить мне оправданием. Я уже говорил вам, внимание моё сразу привлекли вентилятор и шнур от звонка, висящий над кроватью. Когда обнаружилось, что звонок фальшивый, а кровать прикреплена к полу, у меня зародилось подозрение, что шнур служит лишь мостом, соединяющим вентилятор с кроватью. Мне сразу же пришла мысль о змее, а зная, как доктор любит окружать себя всевозможными индийскими тварями, я понял, что, пожалуй, угадал. Только такому хитрому, жестокому злодею, прожившему много лет на Востоке, могло прийти в голову прибегнуть к яду, который нельзя обнаружить химическим путём. В пользу этого яда, с его точки зрения, говорило и то, что он действует мгновенно. Следователь должен был бы обладать поистине необыкновенно острым зрением, чтобы разглядеть два крошечных тёмных пятнышка, оставленных зубами змеи. Потом я вспомнил о свисте. Свистом доктор звал змею обратно, чтобы её не увидели на рассвете рядом с жертвой. Вероятно, давая ей молоко, он приучил её возвращаться к нему. Змею он пропускал через вентилятор в самый глухой час ночи и знал наверняка, что она поползёт по шнуру и спустится на кровать. Рано или поздно девушка должна была стать жертвой ужасного замысла, змея ужалила бы её, если не сейчас, то через неделю. Я пришёл к этим выводам ещё до того, как посетил комнату доктора Ройлотта. Когда же исследовал сиденье его стула, я понял, что у доктора была привычка становиться на стул, чтобы достать до вентилятора. А когда я увидел несгораемый шкаф, блюдо с молоком и плеть, мои последние сомнения окончательно рассеялись. Металлический лязг, который слышала мисс Стоунер, был, очевидно, стуком дверцы несгораемого шкафа, куда доктор прятал змею. Вам известно, что я предпринял, убедившись в правильности своих выводов. Как только я услышал шипение змеи, – вы, конечно, тоже слышали его, – я немедленно зажёл свет и начал стегать её тростью.

– Вы прогнали её назад в вентилятор...

– ...и тем самым заставил напасть на хозяина. Удары моей трости разозлили её, в ней проснулась змеиная злоба, и она напала на первого попавшегося ей человека. Таким образом, я косвенно виновен в смерти доктора Гримсби Ройлотта, но не могу сказать, чтобы эта вина тяжким бременем легла на мою совесть.

Перевод М. и Н. Чуковских



ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. С чего начинается прочитанный вами рассказ о Шерлоке Холмсе и докторе Уотсоне? Как уже в первые минуты разговора с утренней посетительницей проявились наблюдательность и удивительные способности Холмса?
2. Перескажите историю загадочной смерти сестры Элен Стоунер. Какие подробности этой истории показались вам странными?
3. Какие факты направляли расследование по ложному пути?
4. Каким образом Шерлок Холмс раскрыл преступление в Сток-Мороне?
5. Докажите примерами или цитатами из текста, что Шерлок Холмс:
 - А. Проявлял интерес лишь к необычным преступлениям;
 - Б. Обращал внимание на подробности, которые не привлекали внимания других людей;
 - В. Умел по незначительным деталям восстановить полную картину произошедшего;
 - Г. Профессионально занимался расследованием преступлений;
 - Д. Не опускался до грубости в общении с грубиянами;
 - Е. Был наделён недюжинной физической силой, смелостью, выносливостью и мгновенной реакцией;
 - Ё. Был приверженцем принципа справедливости;
 - Ж. Обладал незаурядным логическим мышлением.
6. Какие качества Шерлока Холмса вы хотели бы в себе воспитать?
7. На чём, по вашему мнению, основана дружба Холмса и доктора Уотсона?
8. В автобиографии А. Конан Дойл поделился следующими размышлениями: *«Я не хочу быть неблагодарным Холмсу, он был для меня во многих отношениях хорошим другом. Если иногда я вроде бы и уставал от него, так это потому, что характер его не допускает светотени. Это счётная машина, и всякая попытка добавить что-нибудь лишь способна испортить всё впечатление»*. Справедлива ли, по вашему мнению, такая оценка? Аргументируйте свою точку зрения.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАВИГАТОР

А. Конан Дойл «Голубой карбункул»

Во многих детективных историях мистер Шерлок Холмс одерживал победу над преступником благодаря своим уникальным способностям разгадывать самые сложные загадки. Знаменитый дедуктивный метод не подводит сыщика и в рассказе «Голубой карбункул». В канун Рождества в одной из лондонских гостиниц произошла кража. У графини Моркар украли ценный камень – голубой карбункул, очень дорогой бриллиант. Шерлок Холмс уже выстраивает логическую цепочку...



Иллюстрация К. Мушниковой

Вопросы и задания для самостоятельной работы над произведением

1. В чём состоит оригинальность завязки сюжета рассказа «Голубой карбункул»? Какие повороты сюжета усиливают напряжение поисков преступника?
2. Какие профессиональные качества детектива раскрываются у Шерлока Холмса в деле о голубом карбункуле?
3. Кто и как похитил голубой карбункул?
4. Согласны ли вы с Холмсом, что иногда, отпуская преступника, можно спасти его душу? О каких человеческих качествах сыщика говорит этот поступок?



ЧУДЕСА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА

Репортёр эпохи

Литературная разминка

В каких произведениях художественной литературы изображалась борьба человека за выживание? Какие свойства характера проявляли герои в тяжёлых испытаниях?

Творческий путь известного английского прозаика Джеймса Олдриджа охватывает более полстолетия. Первые его произведения были опубликованы ещё в годы Второй мировой войны, а последние – в начале XXI века. За это время многое изменилось. Олдридж, всегда испытывавший потребность держать руку на пульсе эпохи, запечатлел эти изменения в своих книгах. Его писательское наследие – своего рода летопись духовной жизни нескольких поколений.



Джеймс Олдридж
(1918–2011)

Джеймс Олдридж родился в Австралии. Его родители, англичане по происхождению, выше всего ценили семейный уют. Своих пятерых детей они воспитывали в атмосфере мягкой требовательности и любви.

Несмотря на материальные трудности, которые давали о себе знать в повседневной жизни, дети чувствовали себя свободными и счастливыми. Много лет спустя писатель в автобиографическом рассказе «Отцовская сорока» вспоминал: «Жили мы в большом деревянном доме, который постро-

или где-то там, за сотни миль от города, а потом притащили сюда на катках. Дом стоял в огромном саду – самом большом во всём городке. Овощами и фруктами у нас занимался отец, а о чудесном саде заботилась мама, вкладывавшая в него всю свою тоску по родной Англии. Жили мы тихо и одиноко, как то и полагается добропорядочной английской семье, которая является украшением города».

Едва ли не главным в детстве Олдриджа было общение с природой. Благодаря этому у будущего писателя рано сложились представления о противоречивых, драматичных взаимоотношениях человека и природы, в которых человек должен напрягать ум и волю, чтобы выжить, утвердиться и окультурить своим трудом окружающий мир. Юный Джеймс мечтал о том, как люди превратят великие пустыни на Земле в цветущие сады... Именно из этих детских впечатлений вырастает тема природы в книгах Олдриджа.

Будущему писателю рано пришлось столкнуться с проблемами взрослой жизни. Чтобы помочь семье в тяжёлый период экономического кризиса, разразившегося в Австралии в 1930-х годах, подросток должен был подрабатывать. Тогда он понял, что даже самый упорный труд не может спасти человека от бедности, лишений и неуверенности в завтрашнем дне, если общество построено на несправедливых законах. Разоблачение таких



законов и их негативного влияния на душу человека стало одним из главных творческих заданий Олдриджа.

По окончании школы юноша поступил в Мельбурнский коммерческий колледж. За обучение нужно было платить, и Джеймсу пришлось самостоятельно зарабатывать на образование. В свободное от занятий время он работал помощником библиотекаря иллюстративного отдела в одной из местных газет. Он помогал в подготовке газетных выпусков, подбирая заголовки для статей и собирая материал для иллюстрированного приложения к газете. Эта работа привила ему вкус к журналистике.

Желание стать известным журналистом вскоре привело Джеймса в Лондон – город с широкими возможностями для карьеры в газетном мире. На новом месте он начал с выполнения самых простых поручений: написания подтекстовок к иллюстрациям и заголовкам статей. Свободное от редакционной работы время он посвящал самообразованию: посещал читальный зал Британского музея, слушал лекции по экономике в Лондонском университете.

В двадцать один год Джеймс стал военным журналистом. В годы Второй мировой войны он был военным корреспондентом. Чтобы выполнять редакционные задания, Олдридж часто бывал на линии фронта. Благодаря смелости, удивительной способности оказываться в центре важных событий, стремлению строить статьи на досконально изученных фактах и личных наблюдениях, он за короткое время стал первоклассным корреспондентом.

Впрочем, журналистика не была его единственным занятием. Кроме военных репортажей, Джеймс писал небольшие художественные зарисовки и новеллы. В работе над такими текстами отшлифовались характерные особенности его писательской манеры: чёткий сюжет, эмоциональное напряжение, выразительность образов.

Вскоре появились публикации первых зрелых произведений Олдриджа. Как и журналистские работы, они были посвящены главной теме времени – борьбе с фашизмом и рассказывали о незаурядных человеческих характерах.

В дальнейшем писатель обращался к разнообразным темам, например, к жизненному укладу народов Востока, важным международным политическим проблемам, противостоянию человека и природы. Но независимо от темы и предмета изображения в центре внимания Олдриджа всегда находилась духовная жизнь человека – его внутренние противоречия и переживания, ошибки и взлёты. В поисках смысла жизни и пути к счастью герои Олдриджа обычно проходят через нелёгкие испытания, которые помогают им познать самих себя и определить цели в жизни.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Расскажите о детстве и юности Дж. Олдриджа. Что побудило его в юности переехать в Лондон?
2. Какие черты характера помогли писателю стать успешным военным журналистом?
3. К каким темам Дж. Олдридж обращался в своих художественных произведениях?



Перед чтением. В ходе чтения произведения отметьте все упоминания словосочетания *последний дюйм*. Какими эмоциями это словосочетание окрашивается в разных частях рассказа? Подумайте над его символическим значением.



ПОСЛЕДНИЙ ДЮЙМ

(В сокращении)

Хорошо, если, налетав за двадцать лет не одну тысячу миль, ты и к сорока годам всё ещё испытываешь удовольствие от полёта; хорошо, если ещё можешь радоваться тому, как артистически точно посадил машину; чуть-чуть отожмёшь ручку, поднимешь лёгкое облачко пыли и плавно отвоюешь последний дюйм над землёй. (...)

Но с полётами на «ДС-3», когда старенькую машину поднимешь, бывало, в воздух в любую погоду и летишь над лесами где попало, было покончено. Работа в Канаде дала ему хорошую закалку, и не удивительно, что заканчивал он свою лётную жизнь над пустынями Красного моря, летая на «Фейрчайльде» для нефтеэкспортной компании «Тексегипто», у которой были права на разведку нефти по всему египетскому побережью.

Но всё это было в прошлом. Компания «Тексегипто» отказалась от дорогостоящих попыток найти большое нефтяное месторождение, которое давало бы такие же прибыли, какие получало Арамко в Саудовской Аравии, а «Фейрчайльд» превратился в жалкую развалину и стоял в одном из египетских ангаров, покрытый толстым слоем разноцветной пыли, весь иссечённый снизу узкими, длинными надрезами, с потёртыми тросами, с каким-то подобием мотора и приборами, годными разве что на свалку.

Всё было кончено: ему стукнуло сорок три, жена уехала от него домой на Линнен-стрит в городе Кембридж, штата Массачусетс, и зажила как ей нравилось: ездила на трамвае до Гарвард-сквер, покупала продукты в магазине без продавца, гостила у своего старика в приличном деревянном доме – одним словом, вела приличную жизнь, достойную приличной женщины. Он пообещал приехать к ней ещё весной, но знал, что не сделает этого, так же как знал, что не получит в свои годы лётной работы, особенно такой, к какой он привык, не получит её даже в Канаде. В тех краях предложение превышало спрос и когда дело касалось людей опытных; фермеры Саскачевана сами учились летать на своих «Пайперкэбах» и «Остерах». Любительская авиация лишала куска хлеба многих старых лётчиков. Они кончали тем, что нанимались обслуживать рудоуправления или правительство, но такая работа была слишком благопристойной и добропорядочной, чтобы подойти ему на старости лет.

Так он и остался ни с чем, если не считать равнодушной жены, которой он не был нужен, да десятилетнего сына, родившегося слишком поздно и, как понимал в глубине души Бен, чужого им обоим – одинокого, неприкаянного ребёнка, который в десять лет чувствовал, что мать им не интересуется, а отец – посторонний человек, резкий и немногословный, не знающий, о чём с ним говорить в те редкие минуты, когда они бывали вместе.

Вот и сейчас было не лучше, чем всегда. Бен взял с собой мальчика на «Остер», который бешено мотало на высоте в две тысячи футов над побережьем Красного моря, и ждал, что мальчишку вот-вот укачает.

– Если тебя стошнит, – сказал Бен, – пригнись пониже к полу, чтобы не запачкать всю кабину.

– Хорошо. – У мальчика был очень несчастный вид.

– Боишься?



Маленький «Остер» безжалостно швыряло в накалённом воздухе из стороны в сторону, но перепуганный мальчишка всё же не терялся и, с ожесточением посасывая леденец, разглядывал приборы, компас, прыгающий авиагоризонт.

– Немножко, – ответил мальчик тихим и застенчивым голосом, непохожим на грубоватые голоса американских ребят. – А от этих толчков самолёт не сломается?

Бен не умел утешать сына, он сказал правду:

– Если за машиной не следить и не проверять её всё время, она непременно сломается.

– А эта... – начал было мальчик, но его сильно тошнило, и он не мог продолжать.

– Эта в порядке, – с раздражением сказал отец. – Вполне годный самолёт. Мальчик опустил голову и тихонько заплакал.

Бен пожалел, что взял с собой сына. У них в семье великодушные порывы всегда кончались неудачей: оба они были такие – сухая, плаксивая, провинциальная мать и резкий, вспльчивый отец. Во время одного из редких приступов великодушия Бен как-то попробовал поучить мальчика управлять самолётом, и хотя сын оказался очень понятливым и довольно быстро усвоил основные правила, каждый окрик отца доводил его до слёз...

– Не плачь! – приказал ему теперь Бен. – Нечего тебе плакать! Подыми голову, слышишь, Дэви! Подыми сейчас же!

Но Дэви сидел опустив голову, а Бен всё больше и больше жалел, что взял его с собой, и уныло поглядывал на расстилавшееся под крылом самолёта бесплодное пустынное побережье Красного моря – непрерывную полосу в тысячу миль, отделявшую нежно размытые краски суши от блеклой зелени воды. Всё было недвижимо и мертво. (...)

– Сядь прямо, – сказал он Дэви, – если хочешь научиться, как идти на посадку.

Бен знал, что тон у него резкий, и всегда удивлялся сам, почему он не умеет разговаривать с мальчиком. Дэви поднял голову. Он ухватился за доску управления и нагнулся вперёд. Бен убрал газ. (...) Внезапный толчок мотнул голову мальчика вниз, но он её сразу же поднял и стал глядеть вверх опустившегося носа машины на узкую полосу белого песка у залива, похожего на лепёшку, кинутую на этот пустынный берег. Отец вёл самолёт прямо туда.

– А почём ты знаешь, откуда дует ветер? – спросил мальчик.

– По волнам, по облачку, чутьём! – крикнул ему Бен.

Но он уже и сам не знал, чем руководствуется, когда управляет самолётом. Не думая, он знал с точностью до одного фута, где посадит машину. Ему приходилось быть точным: голая полоска песка не давала ни одной лишней пяди, и опуститься на неё мог только очень маленький самолёт. Отсюда до ближайшей туземной деревни было сто миль, и вокруг – мёртвая пустыня.

– Всё дело в том, чтобы правильно рассчитать, – сказал Бен. – Когда выравниваешь самолёт, надо, чтобы расстояние до земли было шесть дюймов. Не фут и не три, а ровно шесть дюймов! Если взять выше, то стук-



нешься при посадке и повредишь самолёт. Слишком низко – попадёшь на кочку и перевернёшься. Всё дело в последнем дюйме.

Дэви кивнул. Он уже это знал. Он видел, как в Эль-Бабе, где они брали напрокат машину, однажды перевернулся такой «Остер». (...)

– Видишь! – закричал отец. – Шесть дюймов. Когда он начинает снижаться, я беру ручку на себя. На себя. Вот! – сказал он, и самолёт коснулся земли мягко, как снежинка.

Последний дюйм! Бен сразу же выключил мотор и нажал на ножные тормоза – нос самолёта задрался кверху, и машина остановилась у самой воды – до неё оставалось шесть или семь футов.

Два лётчика воздушной линии, которые открыли эту бухту, назвали её Акульей – не из-за формы, а из-за её населения. В ней постоянно водилось множество крупных акул, которые заплывали из Красного моря, гоняясь за косяками сельди и кефали, искавшими здесь убежища. Бен и прилетел-то сюда из-за акул, а теперь, когда попал в бухту, совсем забыл о мальчишке и время от времени только давал ему распоряжения: помочь при разгрузке, закопать мешок с продуктами в мокрый песок, смачивать песок, поливая его морской водой, подавать инструменты и всякие мелочи, необходимые для акваланга и камер.

– А сюда кто-нибудь когда-нибудь заходит? – спросил его Дэви.

Бен был слишком занят, чтобы обращать внимание на то, что говорит мальчик, но всё же, услышав вопрос, покачал головой:

– Никто! Никто не может сюда попасть иначе, как на лёгком самолёте. Принеси мне два зелёных мешка, которые стоят в машине, и прикрывай голову. Не хватало ещё, чтобы ты получил солнечный удар!

Больше вопросов Дэви не задавал. Когда он о чём-нибудь спрашивал отца, голос у него сразу становился угрюмым: он заранее ожидал резкого ответа. Мальчик и не пытался продолжать разговор и молча выполнял, что ему приказывали. Он внимательно наблюдал, как отец готовил акваланг и киноаппарат для подводных съёмки, собираясь снимать в прозрачной воде акул. (...)

Бену хотелось чем-нибудь порадовать мальчика, но за много лет ему это ни разу не удавалось, а теперь, видно, было поздно. Когда ребёнок родился, начал ходить, а потом становился подростком, Бен почти постоянно бывал в полётах и подолгу не видел сына. (...)

– Затяни этот ремень у меня между ногами, – сказал он Дэви.

На спине у него был тяжёлый акваланг. Два баллона со сжатым воздухом весом в двадцать килограммов позволят ему пробыть больше часа на глубине в тридцать футов. Глубже опускаться и незачем. Акулы этого не делают.

– И не кидай в воду камни, – сказал отец, поднимая цилиндрический водонепроницаемый футляр киноаппарата и стирая песок с рукоятки. – Не то всех рыб поблизости распугаешь. Даже акул. Дай мне маску.

Дэви передал ему маску с защитным стеклом.

– Я пробуду под водой минут двадцать. Потом поднимусь, и мы позавтракаем, потому что солнце уже высоко. Ты пока что обложи камнями оба колеса и посиди под крылом, в тени. Понял?

– Да, – сказал Дэви.





Кадры из кинофильма «Последний дюйм»
(режиссёры Н. Курихин, Т. Вульфович, СССР)

Бен вдруг почувствовал, что разговаривает с мальчиком так, как разговаривал с женой, чьё равнодушие всегда вызывало его на резкий, повелительный тон. Ничего удивительного, что бедный парнишка сторонится их обоих.

– И обо мне не беспокойся! – приказал он мальчику, входя в воду. Взяв в рот трубку, он скрылся под водой. (...)

Дэви остался один на берегу. Бен осмотрел подводную часть бухты – акул здесь было немало. Съёмка, за которую телекомпания пообещала выплатить ему три тысячи долларов, должна была быть успешной. Лётчик вернулся на берег и сел с сыном завтракать.

Дэви дал ему полотенце, и Бену пришлось смириться с жизнью на сухой, горячей земле. Он чувствовал, что сделал большую глупость, взявшись за такую работу. Он был хорошим лётчиком по неразведанным трассам, а не каким-то авантюристом, который рад гоняться за акулами с подводным киноаппаратом. И всё же ему повезло, что он получил хоть такую работу. Два служивших в Каире авиаинженера американской компании Восточных воздушных линий организовали поставку кинофирмам подводных кадров, снятых в Красном море. Обоих инженеров перевели в Париж, и они передали своё дело Бену. Лётчик в своё время помог им, когда они пришли проконсультироваться насчёт полётов в пустыне на маленьких самолётах. Уезжая, они оплатили услугой за услугу, сообщив о нём Телевизионной компании в Нью-Йорке; ему дали напрокат аппаратуру и он нанял маленький «Остер» в египетской лётной школе.

Ему нужно было быстро заработать побольше денег, и появилась такая возможность. Когда компания «Тексегипто» свернула разведку нефти, он потерял работу. Деньги, которые он бережливо копил два года, летая над раскалённой пустыней, давали возможность жене прилично жить в Кембридже. Того немногого, что у него оставалось, хватало на содержание его самого, сына и француженки из Сирии, которая присматривала за ребёнком. И он мог снимать в Каире маленькую квартирку, где они втроем жили. Но этот полёт был последним. Телевизионная компания сообщила, что запаса отснятой плёнки ей хватит очень надолго. Поэтому его работа подходила к концу, и у него больше не было причин оставаться в Египте.



Теперь уже он наверняка отвезёт мальчика к матери, а потом поищет работу в Канаде, – вдруг там что-нибудь да подвернётся, если, конечно, ему повезёт и он сумеет скрыть свой возраст! (...)

– А кто-нибудь знает, что мы здесь? – спросил Дэви вспотевшего во время сна отца, когда тот снова собирался опуститься под воду.

– Почему ты спрашиваешь?

– Не знаю. Просто так.

– Никто не знает, что мы здесь, – сказал Бен. – Мы получили от египтян разрешение лететь в Хургаду; они не знают, что мы залетели так далеко. И не должны знать. Ты это запомни.

– А нас могут найти?

Бен подумал, что мальчик боится, как бы их не изобличили в чём-нибудь недозволительном. Ребятишки всегда боятся, что их поймают с поличным.

– Нет, пограничники нас не найдут. С самолёта они вряд ли заметят нашу машину. А по суше никто сюда попасть не может, даже на «виллисе»¹. – Он показал на море. – И оттуда никто не придёт, там рифы...

– Неужели никто-никто о нас и не знает? – тревожно спросил мальчик.

– Я же говорю, что нет! – с раздражением ответил отец. Но вдруг понял, хотя и поздно, что Дэви беспокоит не возможность попасться, он просто боится остаться один.

– Ты не бойся, – проговорил Бен грубовато. – Ничего с тобой не случится.

– Поднимается ветер, – сказал Дэви как всегда тихо и слишком серьёзно.

– Знаю. Я пробуду под водой всего полчаса. Потом поднимусь, заряджу новую плёнку и опущусь ещё минут на десять. Найди, чем бы тебе покуда заняться. Напрасно ты не взял с собой удочки.

«Надо было мне ему об этом напомнить», – подумал Бен, погружаясь в воду вместе с приманкой из конины. Приманку он положил на хорошо освещённую коралловую ветку, а камеру установил на выступе. Потом он крепко привязал телефонным проводом мясо к кораллу, чтобы акулам было труднее его отодрать.

Покончив с этим, Бен отступил в небольшую выемку, всего в десяти футах от приманки, чтобы обезопасить себя с тыла. Он знал, что ждать акул придётся недолго.

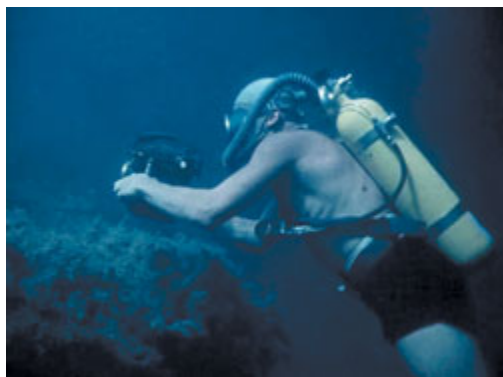
В серебристом пространстве, там, где кораллы сменялись песком, их было уже пятеро. Он был прав. Акулы пришли сразу же, учуяв запах крови. Бен замер, а когда выдыхал воздух, то прижимал клапан к кораллу за своей спиной, чтобы пузырьки воздуха лопались и не спугнули акул.

– Подходите! Поближе! – тихонько подзадоривал он рыб.

Но им и не требовалось приглашения. Они кинулись прямо на кусок конины. Впереди шла знакомая пятнистая «кошка», а за ней две или три акулы той же породы, но поменьше. Они не плыли и даже не двигали плавниками, они неслись вперёд, как серые струящиеся ракеты. Приблизившись к мясу, акулы слегка свернули в сторону, на ходу отрывая куски.

¹ «Виллис» – американский армейский автомобиль повышенной проходимости времён Второй мировой войны.





Кадры из кинофильма «Последний дюйм»
(режиссёры Н. Курихин, Т. Вульфович, СССР)

Он заснял на плёнку всё: приближение акул к цели; какую-то деревянную манеру разевать пасть, словно у них болели зубы; жадный, пакостный укус – самое отвратительное зрелище, какое он видел в жизни.

– Ах вы гады! – сказал он, не разжимая губ.

Как и всякий подводник, он их ненавидел и очень боялся, но не мог ими не любоваться. (...)

Подняв глаза, он увидел, что враждебно настроенная акула-кошка плывёт прямо на него.

– Пошла! Пошла! Пошла! – заорал Бен в трубку.

«Кошка» на ходу слегка повернулась на бок, и Бен понял, что сейчас она бросится в атаку. Только в это мгновение он заметил, что руки и грудь у него измазаны кровью от куска конины. Бен проклял свою глупость. Но ни времени, ни смысла упрекать себя уже не было, и он стал отбиваться от акулы киноаппаратом.

У «кошки» был выигрыш во времени, и камера её едва задела. Боковые резцы с размаху схватили правую руку Бена, чуть было не задели грудь и прошли сквозь другую его руку, как бритва. От страха и боли он стал размахивать руками; кровь его сразу же замутила воду, но он уже ничего не видел и только чувствовал, что акула сейчас нападёт снова. Отбиваясь ногами и пятясь назад, Бен почувствовал, как его резануло по ногам: делая судорожные движения, он запутался в ветвистых коралловых зарослях. Бен держал дыхательную трубку правой рукой, боясь её выронить. И в тот миг, когда он увидел, что на него кинулась одна из акул помельче, он ударил её ногами и перекувырнулся назад.

Бен стукнулся спиной о надводный край рифа, кое-как выкатился из воды и, обливаясь кровью, рухнул на песок.

Когда Бен пришёл в себя, он сразу вспомнил, что с ним случилось, хотя и не понимал, долго ли был без сознания и что произошло потом, – всё теперь, казалось, было уже не в его власти.

– Дэви! – закричал он.

Откуда-то сверху послышался приглушённый голос сына, но глаза Бена застилала мгла – он знал, что шок ещё не прошёл. Но вот он увидел ре-



бёнка, его полное ужаса, склонённое над ним лицо и понял, что был без сознания всего несколько мгновений. Он едва мог шевельнуться.

– Что мне делать? – кричал Дэви. – Видишь, что с тобой случилось!

Бен закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями. Он знал, что не сможет больше вести самолёт; руки горели, как в огне, и были тяжёлые, как свинец, ноги не двигались, и всё плыло, как в тумане.

– Дэви, – еле выговорил Бен, не открывая глаз. – Что у меня с ногами?

– У тебя руки... – услышал он невнятный голос Дэви, – руки все изрезаны, просто ужас!

– Знаю, – зло сказал Бен, не разжимая зубов. – А что у меня с ногами?

– Все в крови, изрезаны тоже...

– Сильно?

– Да, но не так, как руки. Что мне делать?

Тогда Бен поглядел на руки и увидел, что правая почти оторвана совсем; он увидел мускулы, сухожилия, крови почти не было. Левая была похожа на кусок жёваного мяса и сильно кровоточила; он согнул её, подтянул кисть к плечу, чтобы остановить кровь, и застонал от боли.

Он знал, что дела его совсем плохи.

Но тут же понял, что надо что-то сделать: если он умрёт, мальчик останется один, а об этом страшно даже подумать. Это ещё хуже, чем его собственное состояние. Мальчика не найдут вовремя в этом выжженном на чисто краю, если его вообще найдут.

– Дэви, – сказал он настойчиво, с трудом пытаясь сосредоточиться, – послушай... Возьми мою рубашку, разорви её и перевяжи мне правую руку. Слышишь?

– Да.

– Крепко перевяжи мне левую руку над ранами, чтобы остановить кровь. Потом как-нибудь привяжи кисть к плечу. Так крепко, как сможешь. Понял? Перевяжи мне обе руки. (...)

Бен не слышал ответа, потому что снова потерял сознание; на этот раз беспамятство продолжалось дольше, и он пришёл в себя, когда мальчик возился с его левой рукой; напряжённое, бледное лицо сына было искажено ужасом, но он с мужеством отчаяния старался выполнить свою задачу.

– Это ты, Дэви? – спросил Бен и услышал сам, как неразборчиво произносит слова. – Послушай, мальчик, – продолжал он с усилием. – Я тебе должен сказать, всё сразу, на случай, если опять потеряю сознание. Перевяжи мне руки, чтобы я не потерял слишком много крови. Приведи в порядок ноги и стащи с меня акваланг. Он меня душит.

– Я старался его стащить, – сказал Дэви упавшим голосом. – Да не могу, не знаю как.

– Надо стащить, ясно? – прикрикнул Бен как обычно, но тут же понял, что единственная надежда спастись и мальчику и ему – это заставить Дэви самостоятельно думать, уверенно делать то, что он должен сделать. Надо как-то внушить это мальчику.

– Я тебе скажу, сынок, а ты постарайся понять. Слышишь? – Бен едва слышал себя сам и на секунду даже забыл о боли. – Тебе, бедняга, придётся всё делать самому, так уж получилось. Не расстраивайся, если я на тебя закричу. Тут уж не до обид. Не надо обращать на это внимание, понял?

– Да. – Дэви перевязывал левую руку и не слушал его.



– Молодчина! – Бену хотелось подбодрить ребёнка, но ему это не слишком-то удалось. Он ещё не знал, как найти подход к мальчику, но понимал, что это необходимо. Десятилетнему ребёнку предстояло выполнить дело нечеловеческой трудности. Если он хочет выжить. Но всё должно идти по порядку...

– Достань у меня из-за пояса нож, – сказал Бен, – и перережь все ремешки акваланга. – Сам он не успел пустить в ход нож. – Пользуйся тонкой пилкой, так будет быстрее. Не порежься.

– Хорошо, – сказал Дэви, вставая. Он поглядел на свои вымазанные в крови руки и позеленел. – Если ты сможешь хоть немножко поднять голову, я стащу один из ремней, я его расстегнул.

– Ладно. Постараюсь.

Бен приподнял голову и удивился, как трудно ему даже шевельнуться. Попытка двинуть шеей снова довела его до обморока; на этот раз он провалился в чёрную бездну мучительной боли, которая, казалось, никогда не кончится. Он медленно пришёл в себя и почувствовал какое-то облегчение.

– Это ты, Дэви?.. – спросил он откуда-то издалека.

– Я снял с тебя акваланг, – услышал он дрожащий голос мальчика. – Но у тебя по ногам всё ещё течёт кровь.

– Не обращай внимания на ноги, – сказал Бен, открывая глаза.

Он приподнялся, чтобы взглянуть, в каком он виде, но побоялся снова потерять сознание. Он знал, что не сможет сесть, а тем более встать на ноги, и теперь, когда мальчик перевязал ему руки, верхняя часть туловища тоже была скована. Худшее было впереди, и ему надо было всё обдумать.

Единственной надеждой спасти мальчика был самолёт, и Дэви придётся его вести. Не было ни другой надежды, ни другого выхода. (...)

«Он, кажется, парень развитой», – подумал Бен, удивляясь странному ходу своих мыслей. Этот мальчик с серьёзным лицом был чем-то похож на него самого: за детскими чертами скрывался, быть может, жёсткий и даже необузданный характер. Но бледное, немного скуластое лицо выглядело сейчас несчастным, а когда Дэви заметил пристальный взгляд отца, он отвернулся и заплакал.

– Ничего, малыш, – произнёс Бен с трудом. – Теперь уже ничего!

– Ты умрёшь? – спросил Дэви.

– Разве я уж так плох? – спросил Бен не подумав.

– Да, – ответил Дэви сквозь слёзы.

Бен понял, что сделал ошибку, нужно говорить с мальчиком, обдумывая каждое слово.

– Я шучу, – сказал он. – Это ничего, что из меня хлещет кровь. Твой старик не раз бывал в таких переделках. (...)

Дэви расстелил возле него полотенце; Бен дёрнулся на бок, ему показалось, что у него разорвались на части руки, и грудь, и ноги, но ему удалось лечь на полотенце спиной, упершись пятками в песок, и сознания он не потерял.

– Теперь тащи меня к самолёту, – едва слышно проговорил Бен. – Ты тяни, а я буду отталкиваться пятками. На толчки не обращай внимания, главное – поскорее добратся!



– Как же ты поведёшь самолёт? – спросил его сверху Дэви.

Бен закрыл глаза: он хотел представить себе, что переживает сейчас сын. «Мальчик не должен знать, что машину придётся вести ему, – он перепугается насмерть».

– Этот маленький «Остер» летает сам, – сказал он. – Стоит только положить его на курс, а это нетрудно.

– Но ты же не можешь двинуть рукой. Да и глаз совсем не открываешь.

– А ты об этом не думай. Я могу лететь вслепую, а управлять колёнами. Давай двигаться. Ну, тащи. (...)

Долго взбирались они по склону; Дэви тащил, а Бен отталкивался пятками, поминутно теряя сознание и медленно приходя в себя. Два раза он срывался вниз, но наконец они добрались до самолёта... (...)

– Как дела? – спросил он мальчика. Тот задыхался, изнемогая от напряжения. – Ты, видно, совсем измучился.

– Нет! – крикнул Дэви с яростью. – Я не устал.

Тон его удивил Бена: он никогда не слышал в голосе мальчика ни протеста, ни тем более ярости. Оказывается, лицо сына могло скрывать эти чувства. Неужели можно годами жить с сыном и не разглядеть его лица? Но сейчас он не мог позволить себе раздумывать об этом. Сейчас он был в полном сознании, но от приступов боли захватывало дух. Шок проходил. Правда, он совсем ослабел. Он чувствовал, как из левой руки сочится кровь, но не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни даже пальцем (если у него ещё остались пальцы). Дэви самому придётся поднять самолёт в воздух, вести его и посадить на землю. (...)

Наконец мальчику удалось втянуть отца в кабину. Ласково Бен отдавал приказы по подготовке самолёта к взлёту. Дэви на удивление чётко выполнял все его команды.

– Вот что надо сделать, Дэви, – сказал он медленно. – Передвинь рычаг газа на дюйм, не больше. Сразу. Сейчас. Поставь всю ступню на педаль. Хорошо. Молодец! Теперь поверни чёрный выключатель около меня. Отлично. Теперь нажми вон ту кнопку, а когда мотор заработает, подвинь рычаг газа ещё немного. Стой! Поставь ногу на левую педаль. Когда мотор заработает, дай полный газ и развернись против ветра. Слышишь?

– Это я могу, – сказал мальчик, и Бену показалось, что он услышал в голосе сына резкую нотку нетерпения, чем-то напоминавшую его собственный голос.

– Здорово дует ветер, – добавил мальчик. – Слишком сильно, мне это не нравится.

– Когда будешь выкручивать против ветра, отдай вперёд ручку. Начиная! Запускай мотор.

Он почувствовал, что Дэви перегнулся через него и включил стартер, и услышал, как чихнул мотор. Только бы он не слишком резко передвинул ручку, пока мотор не заработает! «Сделал! Ей-богу, сделал!» – подумал Бен, когда мотор заработал. Он кивнул, и от напряжения ему сразу же стало плохо. Бен понял, что мальчик даёт газ и пытается развернуть самолёт. А потом его всего словно поглотил какой-то мучительный шум; он почувствовал толчки, попробовал поднять руки, но не смог и пришёл в себя от слишком сильного рёва мотора.





Кадр из кинофильма «Последний дюйм»
(режиссёры Н. Курихин, Т. Вульфович, СССР)

- Сбавь газ! – закричал он как можно громче.
- Ладно! Но ветер не даёт мне развернуться.
- Мы встали против ветра? Ты повернул против ветра?
- Да, но ветер нас опрокинет.

Он чувствовал, как самолёт раскачивается во все стороны, попытался выглянуть, но поле его зрения было так мало, что ему приходилось целиком полагаться на мальчика.

- Отпусти тормоз, – сказал Бен. Об этом он забыл.
- Готово! – откликнулся Дэви. – Я его отпустил.
- Ну да, отпустил! Разве я не вижу? Старый дурак... – выругал себя Бен.

Тут он вспомнил, что из-за шума мотора его не слышно и надо кричать.

– Слушай дальше! Это совсем просто. Тяни ручку на себя и держи её посередине. Если машина будет подскакивать, ничего. Понял? Замедли ход. И держи прямо. Держи её против ветра, не бери ручку на себя, пока я не скажу. Действуй. Не бойся ветра...

Он слышал, как усиливался рёв мотора по мере того, как Дэви давал газ, чувствовал толчки и покачивание машины, прокладывавшей себе дорогу в песке. Потом она стала скользить, подхваченная ветром, но Бен подождал, пока толчки не стали слабее, и снова потерял сознание.

- Не смей! – услышал он издалека.

Он пришёл в себя – они только что оторвались от земли. Мальчик послушно держал ручку и не дёргал её к себе; они с трудом перевалили через дюны, и Бен понял, что от мальчика потребовалось немало мужества, чтобы от страха не рвануть ручку. Резкий порыв ветра уверенно подхватил самолёт, но затем он провалился в яму, и Бену стало мучительно плохо.

- Поднимись на три тысячи футов, там будет спокойнее! – крикнул он.

Ему следовало растолковать сыну всё до старта: ведь теперь Дэви будет трудно его услышать. Ещё одна глупость! Нельзя терять рассудок и непрерывно делать глупости!



– Три тысячи футов! – крикнул он. – Три.

– Куда лететь? – спросил Дэви.

– Сперва поднимись повыше. Выше! – кричал Бен, боясь, что болтанка снова напугает мальчика.

По звуку мотора можно было догадаться, что он работает с перегрузкой и что нос самолёта слегка задран; но ветер их поддержит, и этого хватит на несколько минут; глядя на спидометр и пытаясь на нём сосредоточиться, он снова погрузился в темноту, полную боли.

Его привели в себя перебой мотора. Было тихо, ветра больше не было, он остался где-то внизу, но Бен слышал, как тяжело дышит и вот-вот сдаст мотор.

– Что-то случилось! – кричал Дэви. – Слушай, очнись! Что случилось?

– Подними рычаг смеси.

Дэви не понял, что нужно сделать, а Бен не сумел ему этого вовремя показать. Он неуклюже повернул голову, поддел щекой и подбородком рукоятку и приподнял её на дюйм. Он услышал, как мотор чихнул, дал выхлоп и снова заработал.

– Куда лететь? – снова спросил Дэви. (...)

При таком неверном ветре не могло быть прямого курса, несмотря на то, что тут, наверху, было относительно спокойно. Оставалось держаться берега до самого Суэца.

– Иди вдоль берега. Держись от него справа. Ты его видишь?

– Вижу. А это верный путь?

– По компасу курс должен быть около трехсот двадцати! – крикнул он; казалось, голос его был слишком слаб, чтобы Дэви мог слышать, но он услышал.

«Хороший парень! – подумал Бен. – Он всё слышит».

– По компасу триста сорок! – закричал Дэви.

Компас находился наверху, и шкалу его было видно только с сиденья пилота.

– Вот и хорошо! Хорошо! Правильно! Теперь иди вдоль берега и держись его всё время. Только, Бога ради, ничего больше не делай, – сказал Бен; он слышал, что уже не говорит, а только неясно бормочет. – Пусть машина сама делает своё дело. Всё будет в порядке, Дэви...

Итак, Дэви всё-таки запомнил, что нужно выровнять самолёт, держать нужные обороты мотора и скорость! Он это запомнил. Славный парень! Он долетит. Он справится! Бен видел резко очерченный профиль Дэви, его бледное лицо с тёмными глазами, в которых ему так трудно было что-либо прочитать. (...)

Казалось, это был конец, итог всей его жизни. Бен провалился в пропасть, за край которой он ради мальчика так долго цеплялся. И пока он валялся всё глубже и глубже, он успел подумать, что на этот раз ему повезёт, если он выберется оттуда вообще. (...) Теряя сознание, он повернул голову к дверце.

Оставшись один на высоте в три тысячи футов, Дэви решил, что уже никогда больше не сможет плакать. У него на всю жизнь высохли слёзы. (...)



Здесь, на высоте, было тихо и светло. Море казалось совсем зелёным, а пустыня – грязной; ветер поднял над ней пелену пыли. Впереди горизонт уже не был таким прозрачным; пыль поднималась всё выше, но он всё ещё не терял из виду море. В картах Дэви разбирался. Это было несложно. Он знал, где лежит их карта, вытащил её из сумки на дверце и задумался о том, что он будет делать, когда подлетит к Суэцу. Но, в общем, он знал даже и это. От Суэца вела дорога в Каир, она шла на запад через пустыню. Лететь на запад будет легче. Дорогу нетрудно разглядеть, а Суэц он узнает потому, что там кончается море и начинается канал. Там надо повернуть влево.

Он боялся отца. Правда, не сейчас. Сейчас он просто не мог на него смотреть: тот спал с открытым ртом, полуголый, весь залитый кровью. (...)

Может быть, отец уже умер? Он оглянулся и увидел, что тот дышит порывисто и редко. Слёзы, которые, как думал Дэви, все уже высохли, снова наполнили его тёмные глаза, и он почувствовал, как они текут по щекам. Слизнув их языком, он стал следить за морем.

Бену казалось, что от толчков его тело пронзают и разрывают на части ледяные стрелы; во рту пересохло, он медленно приходил в себя. Взглянув вверх, он увидел пыль, а над ней тусклое небо.

– Дэви! Что случилось? Что ты делаешь? – закричал он сердито.

– Мы почти прилетели, – сказал Дэви. – Но ветер поднялся выше и уже темнеет.

Бен закрыл глаза, чтобы осознать, что же произошло, но так ничего и не понял: ему казалось, что он уже приходит в себя, указывал курс мальчику, а потом снова терял сознание. Пытка качкой продолжалась и усиливалась боль.

– Что ты видишь? – закричал он.

– Аэродромы и здания Каира. Вон большой аэродром, куда приходят пассажирские самолёты.

Качка и толчки оборвали слова мальчика; казалось, потоком воздуха их поднимает вверх на сотню футов, чтобы затем швырнуть вниз в мучительном падении на добрые две сотни; самолёт судорожно раскачивался из стороны в сторону.

– Не теряй из виду аэродром! – крикнул Бен сквозь приступ боли. – Следи за ним! Не спускай с него глаз. – Ему пришлось крикнуть это дважды, прежде чем мальчик расслышал; Бен тихонько твердил про себя: «Бога ради, Дэви, теперь ты должен слышать всё, что я говорю».

– Самолёт не хочет идти вниз, – сказал Дэви; глаза его расширились и, казалось, занимали теперь всё лицо.

– Выключи мотор. (...)

Дэви убрал газ, и ветер стал с силой подбрасывать планирующий самолёт вверх и вниз.

– Следи за аэродромом, делай над ним круг, – сказал Бен и стал собирать все силы для того последнего усилия, которое ему предстояло.

Теперь ему надо сесть, выпрямиться и наблюдать через ветровое стекло за приближением земли. Наступала решающая минута. Поднять самолёт в воздух и вести его не так трудно, посадить же на землю – вот задача!



- Там большие самолёты, – кричал Дэви. – Один, кажется, стартует...
– Берегись, сверни в сторону! – крикнул Бен.

Это был довольно никчёмный совет, но зато дюйм за дюймом Бен приподнимался; ему помогало то, что нос самолёта был опущен. Привалившись к дрожащей дверце и упираясь в неё плечом и головой, он упорно, из последних сил, карабкался вверх. Наконец голова его очутилась так высоко, что он смог упереться ею в доску с приборами. Он приподнял насколько смог голову и увидел, как приближается земля.

- Молодец! – закричал он сыну.

Бен дрожал и обливался потом, он чувствовал, что из всего его тела осталась в живых только голова. Рук и ног больше не было.

– Левей! – кричал он. – Дай вперёд ручку! Нагни её влево! Гни больше влево! Гни ещё! Хорошо! Всё в порядке, Дэви. Ты справишься. Влево! Жми ручку вниз...

- Я врежусь в самолёт.

Бену был виден большой самолёт. До самолёта было не больше пятисот футов, и они шли прямо на него. Уже почти стемнело. Пыль висела над землёй, словно жёлтое море, но большой четырёхмоторный самолёт оставлял за собой полосу чистого воздуха, – значит, моторы запущены на полную мощность. Если он стартовал, а не проверял моторы, всё будет в порядке. Нельзя садиться за лётной дорожкой: там грунт слишком неровный.

Бен закрыл глаза.

- Стартует...

Бен с усилием открыл глаза и кинул взгляд поверх носа машины, качавшейся вверх и вниз; до большого «ДК-4» оставалось всего двести футов, он преграждал им путь, но шёл с такой скоростью, что они должны были разминуться. Да, они разминутся. Бен чувствовал, что Дэви в ужасе потянул ручку на себя.

- Нельзя! – крикнул он. – Гни её вниз...

Нос самолёта задрался, и они потеряли скорость. Если потерять скорость на такой высоте, да ещё при этом ветре, их разнесёт в щепы.

– Ветер! – кричал мальчик; его личико застыло и превратилось в трагическую маску; Бен знал, что приближается последний дюйм и всё в руках у мальчика...

Оставалась минута до посадки.

– Шесть дюймов! – кричал он Дэви; язык его словно распух от напряжения и боли, а из глаз текли горячие слёзы. – Шесть дюймов, Дэви!.. Стой! Ещё рано. Ещё рано... – плакал он.

На последнем дюйме, отделявшем их от земли, он всё-таки потерял самообладание; им завладел страх, им завладела смерть, и он не мог больше ни говорить, ни кричать, ни плакать; он привалился к доске; в глазах его был страх за себя, страх перед этим последним головокружительным падением на землю, когда чёрная взлётная дорожка надвигается на тебя в облаке пыли. Он силился крикнуть: «Пора! Пора! Пора!» – но страх был слишком велик; в последний, смертный миг, который снова вернул его в забытьё, он ощутил, как слегка приподнялся нос самолёта, услышал громкий рёв ещё не заглошшего мотора, почувствовал, как, ударившись о землю колёсами, самолёт мягко подскочил в воздух, и настало томительное ожидание. Но вот хвост и



колёса коснулись земли – это был последний дюйм. Ветер закружил самолёт, он забуксовал и описал на земле круг, а потом замер, и наступила тишина.

Ах, какая тишина и какой покой! Он слышал их, чувствовал всем своим существом; он вдруг понял, что выживет, – он так боялся умереть и совсем не хотел сдаваться.

В жизни не раз наступают решающие минуты и остаются решающие дюймы, а в истерзанном теле лётчика нашлись решающие всё дело кости и кровеносные сосуды, о которых люди и не подозревали. Когда кажется, что всё уже кончено, они берут своё. Египетские врачи с удивлением обнаружили, что у Бена их неисчерпаемый запас, а способность восстанавливать разорванные ткани, казалось, была дана лётчику самой природой.

Всё это потребовало времени, но что значило время для жизни, висевшей на волоске?(...)

Казалось, всё было хорошо, но Бен всё-таки потерял левую руку. Пришлось справиться и с параличом, который курчавый исцелитель упорно называл «небольшим нервным шоком». Потрясение превратило Бена в неподвижный и очень хрупкий обломок – поправка не могла идти быстро. Но всё-таки дело шло на лад. Всё, кроме левой руки Бена, которая отправилась в мусоросжигалку, но и это было бы ничего, если бы вслед за ней не отправилась туда же и его профессия лётчика.

Однако, помимо всего, был ещё мальчик.

– Он жив и здоров, – сказал врач. – Не получил даже шока. – Кудрявый египтянин отпускал весёлые шутки на прекрасном английском языке. – Он куда подвижней вас.

Значит, и с парнишкой всё в порядке. Даже самолёт уцелел. Всё обстояло как нельзя лучше, но решала дело встреча с мальчиком: тут либо всё начнётся, либо снова кончится. И, может быть, навсегда.

Когда привели Дэви, Бен увидел, что это был тот же самый ребёнок, с тем же самым лицом, которое он так недавно впервые разглядел. Но дело было совсем не в том, что разглядел Бен: важно было узнать, сумел ли мальчик что-нибудь увидеть в своём отце.

– Ну, как, Дэви? – робко сказал он сыну. – Здорово было, а?

Дэви кивнул. Бен знал: мальчуган вовсе не думает, что было здорово, но придёт время, и он поймёт. Когда-нибудь мальчик поймёт, как было здорово. К этому стоило приложить руки.

– Расклеился твой старик, правда? – спросил он.

Дэви кивнул. Лицо его было по-прежнему серьёзно.

Бен улыбнулся. Да что уж греха таить, старик и в самом деле расклеился. Им обоим нужно время. Ему, Бену, теперь понадобится вся жизнь, вся жизнь, которую подарил ему мальчик. Но, глядя в эти тёмные глаза, на слегка выдающиеся вперёд зубы, на это лицо, столь необычное для американца, Бен решил, что игра стоит свеч. Этому стоит отдать время. Он уж доберётся до самого сердца мальчишки! Рано или поздно, но он до него доберётся. Последний дюйм, который разделяет всех и вся, нелегко преодолеть, если не быть мастером своего дела. Но быть мастером своего дела – обязанность лётчика, а ведь Бен был когда-то совсем неплохим лётчиком.

Перевод *Е. Гольшевой, Б. Изакова*



ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Перескажите сюжет рассказа «Последний дюйм». В каком эпизоде действие достигает наибольшего эмоционального напряжения?
2. С какими трудностями столкнулся Бен в своей профессиональной и семейной жизни? Что его побудило к решению заработать подводной съёмкой? Почему, по вашему мнению, он взял с собой сына?
3. Как чувствовал себя Дэви по дороге к Красному морю? Чего он боялся на побережье? Что в его поведении раздражало Бена?
4. Что было самым трудным для Дэви с того момента, когда он увидел раненого отца?
5. Чему научили мальчика пережитые события? Благодаря чему он смог спасти свою жизнь и жизнь отца?
6. Какие новые черты в характере сына открыл Бен? Как изменилось его отношение к Дэви? Что помогло ему найти путь к взаимопониманию с мальчиком?
7. Определите главную мысль рассказа.
8. **Работа в группах.** Выполните одно из предложенных заданий:
 - А. Найдите эпизоды, из которых взяты следующие реплики, и объясните, какими чувствами они обусловлены:
«— Что мне делать? — кричал Дэви. — Видишь, что с тобой случилось!»
«— Нет! — крикнул Дэви с яростью. — Я не устал».
«— Не смей! — услышал он издалека».
«— Молодец! — закричал он сыну».Учитывая изменения в эмоциональном состоянии героев, продумайте интонации для выразительного чтения этих реплик.
 - Б. В 1958 г. киностудия «Ленфильм» сняла художественную киноленту по сюжету «Последнего дюйма». Рассмотрите представленные на с. 173, 175, 179 кадры из этого фильма, установите связь между ними и эпизодами рассказа.
 - В. Был ли Бен хорошим отцом до того, как с ним случилось несчастье? Обоснуйте свой ответ, используя детали из текста.
8. **Пофантазируйте!** Наладятся ли отношения отца и сына в будущем? Аргументируйте свою точку зрения.
9. Подготовьте ответы, которые обобщают мнения, высказанные при обсуждении вопросов 5 и 6. Используйте в этих ответах сочетания слов *с одной стороны мы видим, что... но с другой стороны... на первый взгляд, кажется, будто... однако на самом деле... трудно дать однозначный ответ на этот вопрос, потому что... если бы герой..., то... однако писатель изображает его так ...*



Портреты А. Чехова



Живописных портретов Антона Павловича Чехова сохранилось мало. Отчасти это объясняется тем, что писатель был чрезвычайно скромным человеком и не хотел привлекать к себе излишнего внимания. Впрочем, существовала и другая причина: почти все, кто пытался написать портрет Чехова, жаловались на то, что он слишком «изменчив»,





Н. Чехов.
Портрет А.П. Чехова



И. Левитан.
Портрет А.П. Чехова



В. Серов.
Портрет А.П. Чехова

«неуловим» для кисти. Впрочем, несколько портретов Чехова всё же существует.

Один из них был создан братом писателя *Николаем Чеховым* (1858–1889). Вместе с Антоном Павловичем он работал для юмористических журналов, печатая в них свои иллюстрации к литературным произведениям. К сожалению, художник ушёл из жизни в расцвете сил, и его талант не успел по-настоящему раскрыться. К тому же большая часть его творческого наследия была утрачена. Однако среди уцелевших работ есть портрет писателя, только что закончившего университет. На картине изображён вдумчивый и внимательный молодой человек.

Своеобразный портрет молодого Чехова создал известный художник-пейзажист *Исаак Левитан* (1860–1900), с которым писателя связывала многолетняя дружба (Чехов шутливо называл его Левиташей). Рисунок акварелью Левитана остался незавершённым, но зато он в полной мере передаёт незаурядный нрав художника, его внутреннюю силу и волю.

Известный прижизненный портрет писателя принадлежит кисти *Осипа Бразы* (1873–1936), уроженца Одессы (см. с. 128). Эта работа считается классическим (то есть образцовым) изображением Чехова. Репродукции портрета часто помещают в переизданиях произведений писателя, хрестоматиях и учебниках по литературе. На бразовской картине Антон Павлович изображён подчёркнуто будничным: уставший, но внутренне подтянутый, изысканно одетый, он смотрит на зрителя строгим и несколько грустным взглядом.

Известный художник-портретист *Валентин Серов* (1865–1911) изобразил «нетипичного» Чехова. На его акварельном рисунке, сделанном незадолго до смерти писателя, в выражении лица и позе Антона Павловича чувствуется измождённость тяжелобольного человека. Но в то же время в этом образе запечатлены внутренний мир писателя, его наблюдательность, самодисциплина, мудрость и доброта.



1. Рассмотрите репродукции портретов Чехова. Как вы считаете, почему портрет кисти О. Браза стал классическим?
2. Какой из представленных портретов писателя наиболее соответствует вашему представлению о нём как об авторе юмористических рассказов? Прокомментируйте свой выбор.

Режиссёрские прогнения литературной классики



Передать остросюжетную и небольшую по объёму новеллу на экране не так-то просто. Для этого нужны талантливая актёрская игра, оригинальные творческие решения режиссёра и увлекательный сценарий. Ярким примером такого соединения стала кинолента **«Деловые люди»** (1963 г.), снятая режиссёром популярных комедий *Леонидом Гайдаем* по произведениям О. Генри. Сценарий фильма состоит из трёх не связанных между собой по сюжету новелл американского писателя: «Дороги, которые мы выбираем», «Родственные души» и «Вождь краснокожих». Трогательные, порой смешные, а порой грустные истории приобрели новые краски в исполнении блестящих актёров Ю. Никулина, Р. Плятта, А. Смирнова. Высказывания из этого фильма стали крылатыми.

По такому же принципу построена и музыкальная комедия литовских кинематографистов **«Не буду гангстером, дорогая!»** (1978 г.). В её основу положена новелла О. Генри «Дары волхвов», дополненная мотивами из



Кадры из фильма «Деловые люди» (режиссёр *Л. Гайдай*, СССР)



Кадры из фильма «Не буду гангстером, дорогая!» (режиссёр *А. Пуйта*, СССР)



других произведений американского писателя. При этом разные новеллы О. Генри воспринимаются как единый целостный рассказ.

1. Посмотрите фильм Л. Гайдая «Деловые люди». В чём состоит ирония его названия?
2. Какие сцены из названных фильмов кажутся вам смешными? А какие эпизоды заставляют задуматься?

Памятники литературным героям



Почему люди ставят памятники литературным героям? Это неудивительно: некоторые из этих героев сделали для людей ничуть не меньше, чем реально жившие известные люди. Они дарят своим читателям радость, учат быть добрыми и верными, мужественными и благородными.

Ставить памятники литературным персонажам – традиция, которая насчитывает не одно десятилетие. На площадях и улицах, в парках и скверах многих городов мира стоят памятники знаменитым литературным героям. Они известны благодаря своей находчивости или смелости, оптимизму или необычным поступкам, чувству юмора или, наоборот, глупости, жадности, ограниченности. К одним мы приходим, чтобы посмеяться, к другим – почтить вниманием удивительную прозорливость писателя, создавшего героя, который уже много лет вызывает интерес у читателей разного возраста, живущих в разных странах. Среди таких героев – рыцарь закона и справедливости Шерлок Холмс, которому по силам разгадать самую сложную загадку, от которого не уйдёт ни один негодяй – его всё равно постигнет суровое и справедливое наказание.



Великобритания, Лондон.
Памятник Шерлоку Холмсу
(скульптор Дж. Даблдей)



Россия, Москва.
Памятник Шерлоку Холмсу и доктору Уотсону
(скульптор А. Орлов)



1. Рассмотрите фотографии на с. 187. Какой памятник понравился вам больше? Объясните свой выбор.
2. **Пофантазируйте!** Какому литературному герою вы бы хотели поставить памятник? Как бы этот памятник выглядел? Расскажите об этом в классе. В случае затруднений воспользуйтесь иллюстрациями на с. 72, 133, 187.

ИТГОВЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. С творчеством каких писателей, представленных в этом разделе, вы бы хотели продолжить знакомство? Почему?
2. Приведите примеры использования художественной детали в прочитанных вами произведениях А.П. Чехова.
3. Как называется художественный приём, положенный в основу названия рассказа «Толстый и тонкий»? Как этот приём реализуется в самом рассказе?
4. Объясните смысл названия рассказа А. Чехова «Хамелеон».
5. Определите главную мысль рассказа О. Генри «Дары волхвов».
6. На примере прочитанных произведений А.П. Чехова и О. Генри объясните различия между рассказом и новеллой.
7. Дайте определение детективной литературы.
8. Найдите точки соприкосновения в построении сюжета у О. Генри и А. Конан Дойла.
9. Прочитайте части предложений, взятые из произведений, помещённых в третьем разделе. Восполните по памяти пропущенные части этих предложений:
 1. *«Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были...»*
 2. *«Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и...»*
 3. *«...работая из любви к искусству, а не ради... Холмс никогда не брался за расследование... дел, его всегда привлекали только такие дела, в которых есть что-нибудь...»*
 4. *«Порой казалось, что он решает предлагаемые ему загадки не разумом, а каким-то вдохновенным чутьём, но на самом деле все его выводы были основаны на...»*
 5. *«...я работаю отнюдь не затем, чтобы исправлять промахи...»*
10. **Работа в группах.** Выполните одно из предлагаемых заданий:
 - А. Придумайте современную версию встречи толстого и тонкого. Подготовьте её инсценировку. Постарайтесь максимально задействовать в ней диалоги героев чеховского рассказа.
 - Б. Используя описанную В.Б. Шкловским схему классического «шерлок-холмсовского» сюжета, придумайте свой детективный рассказ.
11. **Творческая работа.** В Лондоне на Бейкер-стрит, 221-Б, работает музей Шерлока Холмса, который посещают тысячи туристов (см. иллюстрацию на с. 165). В музее какого литературного персонажа вы хотели бы побывать? Создайте такой небольшой виртуальный музей и подготовьтесь провести по нему экскурсию. В случае затруднений обратитесь за помощью к учителям литературы и информатики.



**РАЗДЕЛ
ПЯТЫЙ**

**ФАНТАСТИКА
И РОМАНТИКА**



АЛЫЕ ПАРУСА В ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА ГРИНА

Основатель страны Гринландии

Литературная разминка

Вспомните, чем отличается литературная сказка от фольклорной. Назовите свои любимые сказки. Чем они вам нравятся?



Александр Степанович
Грин
(1880–1932)

Есть такая страна – Гринландия. Правда, искать её следует не на географической карте, а в книгах русского писателя Александра Степановича Грина. В них вы найдёте подробные описания экзотической природы этой страны и истории из жизни её обитателей – людей, наделённых необычными именами и необычной силой воображения, жадной мечты и верой в чудо.

Гринландия – конечно, страна вымышленная, но не сказочная. В ней есть автомобили, газеты, телефоны и множество прочих «примет» действительности первых десятилетий XX в. Да и сами гринландцы мало похожи на сказочных персонажей: они борются с теми же житейскими трудностями, с какими сталкивались их реальные современники, увлекаются теми же идеями и болеют теми же духовными недугами. Но над этой страной реет алое знамя Чуда, отбрасывающее сказочные отблески на всю её жизнь. Оно выкроено из той же ткани, что и знаменитые гриновские алые паруса, олицетворяющие собой Сбывшуюся Мечту.

Знаменательно, что название этой удивительной страны придумал не Грин. Его изобрёл критик К. Зелинский для обозначения своеобразного художественного мира гриновских книг. Слово «Гринландия» он образовал от псевдонима писателя «Грин». И в этом был особый умысел, призванный подчеркнуть, что Гринландия является страной не только гриновских героев, но и самого Грина – страной его души, фантазии и жизни.

Между тем Грин был человеком тяжёлой судьбы. Настолько тяжёлой, что может возникнуть вопрос, откуда этот писатель черпал силы, питавшие его святую веру в Мечту, его романтические истории о сбывающихся чудесах и красочные картины воображаемой страны. Да и рассматривая фотографии, на которых запечатлён измождённый человек с печальным, даже трагическим взглядом, трудно поверить, что именно он является автором лучезарной, ликующе-счастливой сказки «Алые паруса», которая вот уже много десятилетий дарит читателям радость и надежду. Но ничего удивительного в этом нет, ведь своих героев-романтиков Грин «срисовывал» с самого себя – погружённого в мир фантазии, преданного идеалам юности, убеждённого в том, что человеческое сердце способно творить настоящие чудеса. Да и сама его жизнь, на поверхности кажущаяся





Музей Грина в Феодосии



Музей Грина в Старом Крыму

чередой мытарств и лишений, в действительности была озарена алым светом Мечты.

Александр Степанович Гриневский родился в городе Слободском Вятской губернии. Вскоре после его рождения семья переехала в Вятку. Мальчик довольно рано научился читать. Первым словом, которое он прочитал в возрасте пяти лет, было «море». Первой книгой, которую он одолел самостоятельно, были «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта. Так в унылой мещанской жизни, словно по волшебству, возник «блистающий мир» воображения, над которым солнцем взошла Мечта, сотканная из морской пены, дальних странствий и чудесных событий.

Заворожённый её сиянием, Саша утратил интерес к реальности. Вместо того чтобы старательно готовиться к урокам, он запоем читал романы о капитанах, пиратах, индейцах и благородных разбойниках. А по окончании реального училища он, вместо того чтобы зарабатывать на жизнь скромной и скучной службой, отправился в город-порт Одессу с целью устроиться матросом на какой-нибудь пароход. Там выяснилось, что состояние здоровья юного искателя приключений не оставляет никаких надежд на исполнение его фантазий о морских странствиях. Тем не менее Грин добился своего: он получил разрешение ходить в рейсы, совершаемые вдоль Черноморского побережья, а однажды даже побывал в заграничном плавании. Но как далеки были эти путешествия от его мечты! Они обернулись для юноши непосильным трудом, грубыми насмешками товарищей, издевательствами хозяев. Чашу его терпения переполнил приказ, принуждавший упражняться в бессмысленной шлюпочной гребле. Грин взбунтовался – и был уволен.

Начались годы бродяжничества и нищеты. Александр скитался по стране, хватаясь за любую возможность добыть кусок хлеба – охоту, сплав леса, работу на золотых приисках или на торговой барже... Бывали дни, когда ему приходилось просить милостыню. Вконец измотанный борьбой за выживание, будущий писатель отправился на солдатскую службу, избавлявшую его от забот о пропитании, одежде и крыше над головой. Но и на этой службе он долго не продержался, поскольку не мог смириться с сопутствовавшими ей муштрой и насилием.

Чувство протеста против социальной несправедливости и надежда на изменение общественного строя привели будущего писателя в ряды ре-



волюционеров. Сначала новые товарищи привлекли его к нелегальной пропаганде революционных идей, а затем предложили принять участие в террористическом акте. Грин, с детства не выносивший любые формы насилия, ответил отказом. С этого момента его увлечение политической деятельностью пошло на спад, и со временем писатель вообще потерял к ней интерес.

Активное сотрудничество с революционерами не продлилось и года, расплата же за него растянулась на десятилетие, в течение которого Грину довелось побывать и тюремным заключённым, и ссыльным, и беглым, и человеком, живущим под чужой фамилией. Это был тяжёлый период, в сравнении с которым злключения вольной бродяжьей жизни могли бы показаться увлекательными романтическими приключениями. Но именно в этот период произошло главное событие в жизни Грина – он стал писателем.

Комментарий литературоведа

По прихоти судьбы, своим писательским рождением Грин был обязан недолгому участию в революционной борьбе. Однажды по заданию соратников он написал прокламацию¹. Прочитав её, один из товарищей, Н. Быховский, сказал Грину: «...из тебя, мне кажется, мог бы выйти неплохой писатель». «Эти слова, – рассказывал Александр Степанович, – как удар, толкнули мою душу, зародив в ней тайную, стыдливую мечту о будущем. До сих пор я не знал, к чему стремиться, во мне был хаос и смута желаний. Вечная нищета не давала мне возможности остановиться на каком-то твёрдом решении о своём будущем. Уже испытанное: море, бродяжничество, странствия показали мне, что это всё-таки было не то, чего жаждет моя душа. А что ей было нужно, я не знал. Слова Быховского были не только толчком, они были светом, озарившим мой разум и тайные глубины моей души. Я понял, чего я жажду, душа моя нашла свой путь. Это было как первая любовь. Я стыдился даже своих мыслей об этом, считая, что для писателя очень ничтожен, мало знаю, мало могу и, быть может, нетерпелив. Но зароненная настоящая мысль не угасала. Постепенно я стал понимать, что меня всем существом тянет к писательству, хотя ещё не понимал, как это произойдёт».

Это произошло само собой, во время пребывания Грина в севастопольской тюрьме. Через год после выхода из заключения он опубликовал несколько рассказов, подписанных инициалами «А. С. Г.», а ещё через два года издал первую подборку своей прозы под заглавием «Шапка-невидимка» (1908 г.). Включённые в неё произведения были написаны преимущественно в традиционном реалистическом ключе. Сам автор называл их «рассказами, действие которых происходит в России». Но уже спустя несколько лет Грин открыл свою Гринландию, а вместе с ней – и собственный путь в русской литературе, и новый способ достижения владевшей им Мечты.

¹ *Прокламация* – агитационный листок политического содержания.





Обложки изданных в разные годы произведений А. Грина

В период с 1912 по 1917 г. Грин много печатался, постепенно приобретая всё большую известность в читательских кругах. События 1917 г. и гражданская война разрушили едва наладившуюся творческую жизнь писателя. Он был мобилизован в Красную армию. Нетрудно представить, что должен был чувствовать создатель чудесной Гринландии, видя вокруг себя картины братоубийственной бойни и ничем не оправданных страданий. Но даже в эти дни над горизонтом его внутреннего мира играло алое зарево Мечты: шагая по разбитым войной дорогам, Грин в солдатском мешке вместе с парой портянок и сменой белья носил... фрагменты рукописи «Алых парусов».

Едва ли он тогда представлял, что создававшийся в таких условиях образ алых парусов станет *символом* всего его творчества.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Символ – образ, характеризующийся иносказательной многозначностью и глубиной обобщений. В силу этих особенностей символ не подлежит однозначному истолкованию: он открывает свои смыслы постепенно – в сопоставлении с другими образами произведения и на фоне развития всего сюжета. При этом читатель, «расшифровывающий» символ, обнаруживает неисчерпаемость его значений и обобщающих возможностей.

В 1920-е годы, несмотря на все трудности, обусловленные послереволюционной разрухой и становлением тоталитарного режима, писатель переживает самую счастливую пору своей жизни. В это десятилетие им были написаны самые яркие произведения, в том числе – повесть «Алые паруса» (1923), романы «Блистающий мир» (1923), «Бегущая по волнам» (1928) и др. В них перед читателями снова и снова представляли удивительные герои, силой своего воображения творившие чудеса. В эти же годы Грин обрёл спутницу жизни, чья любовь, нежность и преданность сторицей вознаградили его душу за годы лишений. Нина Николаевна



тщательно оберегала его писательский труд и внутреннее равновесие, исцеляла его душевные раны, поддерживала горевший в нём огонь романтики и мальчишеской веры в Мечту. Эта женщина, старавшаяся сделать жизнь мужа похожей на его прекрасные сказки, сама казалась ожившей героиней лучших гриновских произведений. Не зря знакомые называли её именами этих героинь, а сам писатель посвятил ей свои «Алые паруса». Вместе с Ниной Николаевной Грин поселился в Крыму – в краю моря, солнца и солёных ветров, очаровавшем его с юных лет и послужившем ему прообразом Гринландии. Но счастливая пора продлилась недолго. Через несколько лет после переезда в Крым издательства и журналы практически перестали публиковать якобы «чужеродные» произведения Грина, что повлекло за собой серьёзные материальные трудности. Затем на писателя обрушился смертельный недуг. Он медленно умирал, страдая от нищеты, равнодушия коллег и надвигающегося забвения читателей. Единственным утешением для него была самоотверженная любовь Нины Николаевны.

При жизни А.С. Грин так и не получил достойного признания. Ещё в начале своего творческого пути он столкнулся с неприятием литературных критиков. Грин, писавший о вымышленных чужих краях и вымышленных же чудаках, казался им этаким «иностранцем русской литературы». Позже, в годы советской власти, писателю, который избегал идеологических штампов и не воспевал «великие стройки социализма», часто приходилось слышать беспочвенные обвинения. Критики писали, что его книги уводят читателя от жизненной борьбы в мир несбыточных мечтаний и что его герои слишком далеки от современности.

На самом же деле гриновские произведения, изображающие порывы, искания и страдания романтической души в жестоком мире, не «отставали» от своей эпохи, а, напротив, возвышались над ней, поскольку возвращали истинное значение непреходящим духовным ценностям и укрепляли веру человека в самого себя. Да и свои прекрасные произведения А.С. Грин сочинял вовсе не для того, чтобы бежать от действительности, а для того, чтобы пробудить в читателях веру в мечту и силу воплощать свои мечты в жизнь, чтобы укрепить в них стремление к подлинному счастью. Именно поэтому книги Грина, преодолев все препятствия, завоевали огромное число почитателей, а его Гринландия стала значительной частью русской литературы.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Расскажите о годах детства и юности А.С. Грина. Какие душевные свойства и склонности писателя проявились в эту пору?
2. Чем было вызвано увлечение Грина революционными идеями? Какие последствия это увлечение имело в его жизни?
3. Как протекала жизнь писателя после 1917 года? Почему при жизни его творчество не получило широкого признания?
4. Кто, как и для чего придумал слово «Гринландия»? Охарактеризуйте мир книг А.С. Грина.



Перед чтением. Читая произведение, определите, благодаря чему оно приобретает романтично-сказочный колорит.



АЛЫЕ ПАРУСА

Феерия

(В сокращении)

Нине Николаевне Грин подносит и посвящает

Автор

22 ноября 1922 г. Ленинград

I. Предсказание

Вернувшись из плавания, бывалый моряк Лонгрен узнал, что его жена Мери умерла, оставив на руках соседки восьмимесячную дочь Ассоль. Взяв на себя все заботы о девочке, Лонгрен оставил морское дело и стал зарабатывать на жизнь изготовлением игрушечных кораблей. Земляки его не любили за малообщительный, замкнутый характер. Когда же стало известно, что Лонгрен намеренно отказал в помощи тонувшему трактирщику Меннерсу, который косвенно был виновен в смерти его жены, общая неприязнь переросла в открытую ненависть. Это чувство жители Каперны перенесли и на маленькую Ассоль.

(...) Играя, дети гнали Ассоль, если она приближалась к ним, швыряли грязью и дразнили тем, что будто отец её ел человеческое мясо, а теперь делает фальшивые деньги. Одна за другой наивные её попытки к сближению оканчивались горьким плачем, синяками, царапинами и другими проявлениями *общественного мнения*; она перестала, наконец, оскорбляться, но всё ещё иногда спрашивала отца:

– Скажи, почему нас не любят?

– Э, Ассоль, – говорил Лонгрен, – разве они умеют любить? Надо уметь любить, а этого-то они не могут.

– Как это – *уметь*?

– А вот так!

Он брал девочку на руки и крепко целовал грустные глаза, жмурившиеся от нежного удовольствия.

Любимым развлечением Ассоль было – по вечерам или в праздник, когда отец, отставив банки с клеем, инструменты и неоконченную работу, садился, сняв передник, отдохнуть, с трубкой в зубах, – забраться к нему на колени и, вертясь в бережном кольце отцовской руки, трогать различные части игрушек, расспрашивая об их назначении. Так начиналась своеобразная фантастическая лекция о жизни и людях – лекция, в которой, благодаря прежнему образу жизни Лонгрена, случайностям, случаю вообще, – диковинным, поразительным и необыкновенным событиям отводилось главное место. Лонгрен, называя девочке имена снастей, парусов, предметов морского обихода, постепенно увлекался, переходя от объяснений к различным эпизодам, в которых играли роль то брашпиль, то рулевое колесо, то мачта или какой-нибудь тип лодки и т.п., а от отдельных иллюстраций этих переходил к широким картинам морских скитаний, вплетая суеверия в действительность, а действительность – в образы своей фантазии. (...)

Всю домовую работу Лонгрен исполнял сам: колот дрова, носил воду, топил печь, стирал, гладил белье и, кроме всего этого, успевал работать для денег. Когда Ассоль исполнилось восемь лет, отец выучил её читать и писать. Он стал изредка брать её с собой в город, а затем посы-



лать даже одну, если была надобность перехватить денег в магазине или снести товар. Это случалось не часто, хотя Лисс лежал всего в четырёх вёрстах от Каперны, но дорога к нему шла лесом, а в лесу многое может напугать детей, помимо физической опасности, которую, правда, трудно встретить на таком близком расстоянии от города, но всё-таки не мешает иметь в виду. Поэтому только в хорошие дни, утром, когда окружающая дорогу чаща полна солнечным ливнем, цветами и тишиной, так что впечатлительности Ассоль не грозили фантомы воображения, Лонгрэн отпустил её в город.

Однажды, в середине такого путешествия к городу, девочка присела у дороги съесть кусок пирога, положенного в корзинку на завтрак. Закусывая, она перебирала игрушки; из них две-три оказались новинкой для неё: Лонгрэн сделал их ночью. Одна такая новинка была миниатюрной гоночной яхтой; белое судёнышко подняло алые паруса, сделанные из обрезков шёлка, употреблявшегося Лонгреном для оклейки паровых кают – игрушек богатого покупателя. Здесь, видимо, сделав яхту, он не нашёл подходящего материала для паруса, употребив что было – лоскутки алого шёлка. Ассоль пришла в восхищение. Пламенный весёлый цвет так ярко горел в её руке, как будто она держала огонь. Дорогу пересекал ручей, с переброшенным через него жердяным мостиком; ручей справа и слева уходил в лес. «Если я спущу её на воду поплавать немного, – размышляла Ассоль, – она не промокнет, я её потом вытру». Отойдя в лес за мостик, по течению ручья, девочка осторожно спустила на воду у самого берега пленившее её судно; паруса тотчас сверкнули алым отражением в прозрачной воде: свет, пронизывая материю, лёг дрожащим розовым излучением на белых камнях дна. (...)

Течение подхватило кораблик и стремительно понесло в глубь леса. Тщетно пытаясь поймать игрушку, Ассоль бежала вдоль ручья в течение часа, пока не увидела, как некий незнакомец вытащил яхту из воды.

Перед ней был не кто иной, как путешествующий пешком Эгль – известный собиратель песен, легенд, преданий и сказок. Седые кудри складками выпадали из-под его соломенной шляпы; серая блуза, заправленная в синие брюки, и высокие сапоги придавали ему вид охотника; белый воротничок, галстук, пояс, унизанный серебром блях, трость и сумка с новеньким никелевым замочком выказывали горожанина. Его лицо, если можно назвать лицом нос, губы и глаза, выглядывавшие из бурно разросшейся лучистой бороды, из пышных, свирепо взрогаченных вверх усов, казалось, было вяло прозрачным, если бы не глаза, серые, как песок, и блестящие, как чистая сталь, с взглядом смелым и сильным.

– Теперь отдай мне, – несмело сказала девочка. – Ты уже поиграл. Ты как поймал её?

Эгль поднял голову, уронив яхту, – так неожиданно прозвучал взволнованный голосок Ассоль. Старик с минуту разглядывал её, улыбаясь и медленно пропуская бороду в большой, жилистой горсти. Стиранное много раз ситцевое платье едва прикрывало до колен худенькие, загорелые ноги девочки. Её тёмные густые волосы, забранные в кружевную косынку, сбились, касаясь плеч. Каждая черта Ассоль была выразительно легка





Иллюстрации С. Бродского

и чиста, как полёт ласточки. Тёмные, с оттенком грустного вопроса глаза казались несколько старше лица; его неправильный мягкий овал был овеян того рода прелестным загаром, какой присущ здоровой белизне кожи. Полуоткрытый маленький рот блестел кроткой улыбкой.

– Клянусь Гриммами, Эзопом и Андерсеном, – сказал Эгль, поглядывая то на девочку, то на яхту, – это что-то особенное! Слушай-ка, ты, растение! Это твоя штука?

– Да, я за ней бежала по всему ручью; я думала, что умру. Она была тут?

– У самых моих ног. Кораблекрушение причиной того, что я в качестве берегового пирата могу вручить тебе этот приз. Яхта, покинутая экипажем, была выброшена на песок трёхвершковым валом – между моей левой пяткой и оконечностью палки. – Он стукнул тростью. – Как зовут тебя, крошка?

– Ассоль, – сказала девочка, пряча в корзину поданную Эглем игрушку.

– Хорошо, – продолжал непонятную речь старик, не сводя глаз, в глубине которых поблёскивала усмешка дружелюбного расположения духа. – Мне, собственно, не надо было спрашивать твоё имя. Хорошо, что оно так странно, так однотонно, музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины: что бы я стал делать, называясь ты одним из тех благозвучных, но нестерпимо привычных имён, которые чужды Прекрасной Неизвестности? Тем более я не желаю знать, кто ты, кто твои родители и как ты живёшь. К чему нарушать очарование? Я занимался, сидя на этом камне, сравнительным изучением финских и японских сюжетов... как вдруг ручей выплеснул эту яхту, а затем появилась ты... Такая, как есть. Я, милая, поэт в душе – хоть никогда не сочинял сам. Что у тебя в корзине?



– Лодочки, – сказала Ассоль, встряхивая корзинкой, – потом пароход да ещё три таких домика с флагами. Там солдаты живут.

– Отлично. Тебя послали продать. По дороге ты занялась игрой. Ты пустила яхту поплавать, а она сбежала. Ведь так?

– Ты разве видел? – с сомнением спросила Ассоль, стараясь вспомнить, не рассказала ли она это сама. – Тебе кто-то сказал? Или ты угадал?

– Я это знал.

– А как же?

– Потому что я – самый главный волшебник.

Ассоль смутилась... (...)

– Тебе нечего бояться меня, – серьёзно сказал он. – Напротив, мне хочется поговорить с тобой по душам.

Тут только он уяснил себе, что в лице девочки было так пристально отмечено его впечатлением. «Невольное ожидание прекрасного, блаженной судьбы, – решил он. – Ах, почему я не родился писателем? Какой славный сюжет».

– Ну-ка, – продолжал Эгль, стараясь закруглить оригинальное положение (склонность к мифотворчеству – следствие всегдашней работы – была сильнее, чем опасение бросить на неизвестную почву семена крупной мечты), – ну-ка, Ассоль, слушай меня внимательно. Я был в той деревне, откуда ты, должно быть, идёшь, словом, в Каперне. Я люблю сказки и песни, и просидел я в деревне той целый день, стараясь услышать что-нибудь никем не слышанное. Но у вас не рассказывают сказок. У вас не поют песен. А если рассказывают и поют, то, знаешь, эти истории о хитрых мужиках и солдатах, с вечным восхвалением жульничества, эти грязные, как немые ноги, грубые, как урчание в животе, коротенькие четверостишия с ужасным мотивом... Стой, я сбился. Я заговорю снова.

Подумав, он продолжал так:

– Не знаю, сколько пройдёт лет, только в Каперне расцветёт одна сказка, памятная надолго. Ты будешь большой, Ассоль. Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнёт алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе. Тихо будет плыть этот чудесный корабль, без криков и выстрелов; на берегу много соберётся народу, удивляясь и ахая; и ты будешь стоять там. Корабль подойдёт величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки; нарядная, в коврах, в золоте и цветах, поплывёт от него быстрая лодка. «Зачем вы приехали? Кого вы ищете?» – спросят люди на берегу. Тогда ты увидишь храброго красивого принца; он будет стоять и протягивать к тебе руки. «Здравствуй, Ассоль! – скажет он. – Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне и приехал, чтобы увезти тебя навсегда в своё царство. Ты будешь там жить со мной в розовой глубокой долине. У тебя будет всё, чего только ты пожелаешь; жить с тобой мы станем так дружно и весело, что никогда твоя душа не узнает слёз и печали». Он посадит тебя в лодку, привезёт на корабль, и ты уедешь навсегда в блистательную страну, где всходит солнце и где звёзды спускаются с неба, чтобы поздравить тебя с приездом.

– Это всё мне? – тихо спросила девочка.

Её серьёзные глаза, повеселев, просияли доверием. Опасный волшебник, разумеется, не стал бы говорить так; она подошла ближе.



– Может быть, он уже пришёл... тот корабль?

– Не так скоро, – возразил Эгль, – сначала, как я сказал, ты вырастешь. Потом... что говорить? Это будет, и кончено. Что бы ты тогда сделала?

– Я? – Она посмотрела в корзину, но, видимо, не нашла там ничего достойного служить веским вознаграждением. – Я бы его любила, – поспешно сказала она, и не совсем твёрдо прибавила: – Если он не дерётся.

– Нет, не будет драться, – сказал волшебник, таинственно подмигнув, – не будет, я ручаюсь за это. Иди, девочка, и не забудь того, что сказал тебе я меж двумя глотками ароматической водки и размышлением о песнях каторжников. Иди. Да будет мир пушистой твоей голове! (...)

По возвращении Ассоль рассказала о своём приключении отцу. Старый моряк не хотел огорчать дочь, а потому подтвердил, что встреченный ею человек был волшебником и его предсказание о прекрасном принце непременно сбудется. Этот разговор случайно подслушал нищий. В тот же день по Каперне разнеслась весть о том, что Лонгрэн забивает девочке голову сумасшедшими рассказами. С тех пор односельчане часто издевались над Ассоль, высмеивая её мечту о прекрасном принце, который приплывёт к ней на корабле с алыми парусами.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Что имел в виду Эгль, когда говорил маленькой Ассоль: «Но у вас не рассказывают сказок. У вас не поют песен»?
2. Жизнь маленькой Ассоль протекала в двух мирах – реальном и воображаемом. Охарактеризуйте эти миры. Можно ли назвать счастливым детство героини?
3. Расскажите о приключении, пережитом девочкой в лесу.
4. Какой предстала Ассоль в глазах старика? Выразительно прочитайте описание её внешности. Что побудило Эгля рассказать маленькой мечтательнице историю о шхуне с алыми парусами? Подкрепите свой ответ цитатами.
5. Благодаря каким душевным свойствам Ассоль безоглядно поверила в рассказ Эгля?
6. **Работа в паре.** Обсудите, чем, по вашему мнению, был рассказ старика: выдумкой сказочника, злой шуткой бродяги или подарком доброго волшебника.

Комментарий литературоведа

Очевидно, вы с первых же страниц почувствовали, что при всём внешнем жизнеподобии повесть Грина родственна сказке. Неслучайно сам писатель дал ей подзаголовок «феерия», что означает «волшебная, сказочная пьеса».

Действительно, сюжет повести разворачивается в вымышленном селении Каперна, расположенном на живописном морском побережье. Здесь живут герои с необычными именами. Ни в одном языке мира вы таких имён не встретите – Грин их изобрёл сам. По словам Нины Николаевны Грин, для писателя «в имени человека было важно музыкальное ощущение. В придуманном, неожиданно звучащем имени всегда таился внутренний образ человека». В этом смысле ценной подсказкой для читателя являются размышления собирателя фольклора Эгля об имени Ассоль: «Хорошо, что оно так странно, так однотонно, так музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины».

Однако по-настоящему сказочное начало вторгается в повесть в описании встречи девочки с Эглем. Сказочными чертами наделён здесь и



ручей, как по волшебству заманивающий Ассоль в лесную чащу, и похожий на волшебника старик, который клянётся именами великих сказочников – братьев Гримм и Андерсена, и удивительное предсказание, напоминающее счастливый финал сказки о прекрасном принце, который после долгих поисков находит свою возлюбленную. Сказочный покров наброшен и на корабль с алыми парусами, о котором идёт речь в рассказе Эгля. В повести Грина этот образ, резко отличающийся от традиционных описаний шхун в приключенческих романах («Робинзоне Крузо» Д. Дефо, «Пятнадцатилетнем капитане» Жюль Верна и др.), вырастает в символ.

II. Грэй

Если Цезарь находил, что лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме, то Артур Грэй мог не завидовать Цезарю в отношении его мудрого желания. Он родился капитаном, хотел быть им и стал им.

Огромный дом, в котором родился Грэй, был мрачен внутри и величествен снаружи. К переднему фасаду примыкали цветник и часть парка. Лучшие сорта тюльпанов – серебристо-голубых, фиолетовых и чёрных с розовой тенью – извивались в газоне линиями прихотливо брошенных ожерелий. Старые деревья парка дремали в рассеянном полусвете над осоклой извилистого ручья. Ограда замка, так как это был настоящий замок, состояла из витых чугунных столбов, соединённых железным узором. Каждый столб оканчивался наверху пышной лилией; эти чаши по торжественным дням наполнялись маслом, пылая в ночном мраке обширным огненным строем.

Отец и мать Грэя были надменные невольники своего положения, богатства и законов того общества, по отношению к которому могли говорить «мы». Часть их души, занятая галереей предков, мало достойна изображения, другая часть – воображаемое продолжение галереи – начиналась маленьким Грэем, обречённым по известному, заранее составленному плану прожить жизнь и умереть так, чтобы его портрет мог быть повешен на стене без ущерба фамильной чести. В этом плане была допущена небольшая ошибка: Артур Грэй родился с живой душой, совершенно не склонной продолжать линию фамильного начертания.

Эта живость мальчика начала сказываться на восьмом году его жизни; тип рыцаря причудливых впечатлений, искателя и чудотворца, то есть человека, взявшего из бесчисленного разнообразия ролей жизни самую опасную и трогательную – роль провидения, намечался в Грэе ещё тогда, когда, приставив к стене стул, чтобы достать картину, изображавшую распятие, он вынул гвозди из окровавленных рук Христа, то есть попросту замазал их голубой краской, похищенной у маляра. В таком виде он находил картину более сносной. Увлечённый своеобразным занятием, он начал уже замазывать и ноги распятого, но был застигнут отцом. Старик снял мальчика со стула за уши и спросил:

– Зачем ты испортил картину?

– Я не испортил.



– Это работа знаменитого художника.

– Мне всё равно, – сказал Грэй. – Я не могу допустить, чтобы при мне торчали из рук гвозди и текла кровь. Я этого не хочу.

В ответе сына Лионель Грэй, скрыв под усами улыбку, узнал себя и не наложил наказания.

Грэй неумоимо изучал замок, делая поразительные открытия. (...)

Посещение кухни было строго воспрещено Грэю, но, раз открыв уже этот удивительный, полыхающий огнём очагов мир пара, копоти, шипения, клокотания кипящих жидкостей, стука ножей и вкусных запахов, мальчик усердно навещал огромное помещение. (...)

На кухне Грэй немного робел: ему казалось, что здесь всем двигают тёмные силы, власть которых есть главная пружина жизни замка; окрики звучали как команда и заклинание; движения работающих благодаря долгому навыку приобрели ту отчётливую, скупую точность, какая кажется вдохновением. Грэй не был ещё так высок, чтобы взглянуть в самую большую кастрюлю, бурлившую подобно Везувию, но чувствовал к ней особенное почтение; он с трепетом смотрел, как её ворочают две служанки; на плиту выплёскивалась тогда дымная пена, и пар, поднимаясь с зашумевшей плиты, волнами наполнял кухню. Раз жидкости выплеснулось так много, что она обварила руку одной девушке. Кожа мгновенно покраснела, даже ногти стали красными от прилива крови, и Бетси (так звали служанку), плача, натирала маслом пострадавшие места. Слезы неудержимо катились по её круглому перепуганному лицу.

Грэй замер. В то время как другие женщины хлопотали около Бетси, он пережил ощущение острого чужого страдания, которое не мог испытать сам.

– Очень ли тебе больно? – спросил он.

– Попробуй, так узнаешь, – ответила Бетси, накрывая руку передником.

Нахмутив брови, мальчик вскарабкался на табурет, зачерпнул длинной ложкой горячей жижи (сказать кстати, это был суп с бараниной) и плеснул на сгиб кисти. Впечатление оказалось не слабым, но слабость от сильной боли заставила его пошатнуться. Бледный, как мука, Грэй подошёл к Бетси, заложив горящую руку в карман штанишек.

– Мне кажется, что тебе очень больно, – сказал он, умалчивая о своём опыте. – Пойдём, Бетси, к врачу. Пойдём же!

Он усердно тянул её за юбку, в то время как сторонники домашних средств наперерыв давали служанке спасительные рецепты. Но девушка, сильно мучаясь, пошла с Грэем. Врач смягчил боль, наложив перевязку. Лишь после того как Бетси ушла, мальчик показал свою руку.

Этот незначительный эпизод сделал двадцатилетнюю Бетси и десятилетнего Грэя истинными друзьями. Она набивала его карманы пирожками и яблоками, а он рассказывал ей сказки и другие истории, вычитанные в своих книжках. Однажды он узнал, что Бетси не может выйти замуж за конюха Джима, ибо у них нет денег обзавестись хозяйством. Грэй разбил каминными щипцами свою фарфоровую копилку и вытряхнул оттуда всё, что составляло около ста фунтов. Встав рано, когда бесприданница удалась на кухню, он пробрался в её комнату и, засунув



подарок в сундук девушки, прикрыл его короткой запиской: «Бетси, это твоё. Предводитель шайки разбойников Робин Гуд». Переполох, вызванный на кухне этой историей, принял такие размеры, что Грэй должен был сознаться в подлоге. Он не взял денег назад и не хотел более говорить об этом. (...)

Ему шёл уже двенадцатый год, когда все намёки его души, все разрозненные черты духа и оттенки тайных порывов соединились в одном сильном моменте и, тем получив стройное выражение, стали неукротимым желанием. (...)

Это случилось в библиотеке. (...)

Обернувшись к выходу, Грэй увидел над дверью огромную картину, сразу содержанием своим наполнившую душное оцепенение библиотеки. Картина изображала корабль, вздымающийся на гребень морского вала. Струи пены стекали по его склону. Он был изображён в последнем моменте взлёта. Корабль шёл прямо на зрителя. (...) Пена неслась в воздух. Паруса, полные неистовой силы шторма, валились всей громадой назад, чтобы, перейдя вал, выпрямиться, а затем, склоняясь над бездной, мчаться судно к новым лавинам. Разорванные облака низко трепетали над океаном. Тусклый свет обречённо боролся с надвигающейся тьмой ночи. Но всего замечательнее была в этой картине фигура человека, стоящего на баке спиной к зрителю. Она выражала всё положение, даже характер момента. Поза человека (он расставил ноги, взмахнув руками) ничего, собственно, не говорила о том, чем он занят, но заставляла предполагать крайнюю напряжённость внимания, обращённого к чему-то на палубе, невидимой зрителю. Завёрнутые полы его кафтана трепались ветром; белая коса и чёрная шпага вытянуто рвались в воздух; богатство костюма выказывало в нём капитана, танцующее положение тела – взмах вала; без шляпы, он был, видимо, поглощён опасным моментом и кричал – но что? Видел ли он, как валится за борт человек, приказывал ли повернуть на другой галс или, заглушая ветер, звал боцмана? Не мысли, но тени этих мыслей выросли в душе Грэя, пока он смотрел картину. Вдруг показалось ему, что слева подошёл, став рядом, неизвестный невидимый; стоило повернуть голову, как причудливое ощущение исчезло бы без следа. Грэй знал это. Но он не погасил воображения, а прислушался. Беззвучный голос выкрикнул несколько отрывистых фраз, непонятных, как малайский язык; раздался шум как бы долгих обвалов; эхо и мрачный ветер наполнили библиотеку. Всё это Грэй слышал внутри себя. Он осмотрелся; мгновенно вставшая тишина рассеяла звучную паутину фантазии; связь с бурей исчезла.

Грэй несколько раз приходил смотреть эту картину. Она стала для него тем нужным словом в беседе души с жизнью, без которого трудно понять себя. В маленьком мальчике постепенно укладывалось огромное море. Он сжился с ним, роясь в библиотеке, выискивая и жадно читая те книги, за золотой дверью которых открывалось синее сияние океана. (...)

В этом мире, естественно, возвышалась над всем фигура капитана. Он был судьбой, душой и разумом корабля. Его характер определял досуг и работу команды. Сама команда подбиралась им лично и во многом отвечала его наклонностям. Он знал привычки и семейные дела каждого челове-



ка. Он обладал в глазах подчинённых магическим знанием, благодаря которому уверенно шёл, скажем, из Лиссабона в Шанхай по необозримым пространствам. Он отражал бурю противодействием системы сложных усилий, убивая панику короткими приказами; плавал и останавливался где хотел; распоряжался отплытием и нагрузкой, ремонтом и отдыхом; большую и разумнейшую власть в живом деле, полном непрерывного движения, трудно было представить. Эта власть замкнутостью и полнотой равнялась власти Орфея.

Такое представление о капитане, такой образ и такая истинная действительность его положения заняли, по праву душевных событий, главное место в блистающем сознании Грэя. (...)

Осенью, на пятнадцатом году жизни, Артур Грэй тайно покинул дом и проник за золотые ворота моря. Вскорости из порта Дубель вышла в Марсель шхуна «Ансельм», увозя юнгу с маленькими руками и внешностью переодетой девочки. Этот юнга был Грэй, обладатель изящного саквояжа, тонких, как перчатка, лакированных сапожков и батистового белья с вытканными коронами.

В течение года, пока «Ансельм» посещал Францию, Америку и Испанию, Грэй промотал часть своего имущества на пирожном, отдавая этим дань прошлому, а остальную часть – для настоящего и будущего – проиграл в карты. Он хотел быть *«дьявольским»* моряком. Он, задыхаясь, пил водку, а на купанье с замирающим сердцем прыгал в воду, головой вниз, с двухсаженной высоты. Понемногу он потерял всё, кроме главного – своей странной летящей души; он потерял слабость, стал широк костью и крепок мускулами, бледность заменил тёмным загаром, изысканную беспечность движений отдал за уверенную меткость работающей руки, а в его думающих глазах отразился блеск, как у человека, смотрящего на огонь. И его речь, утратив неравномерную, надменно застенчивую текучесть, стала краткой и точной, как удар чайки в струю за трепетным серебром рыб.

Капитан «Ансельма» был добрый человек, но суровый моряк, взявший мальчика из некоего злорадства. В отчаянном желании Грэя он видел лишь эксцентрическую прихоть и заранее торжествовал, представляя, как месяца через два Грэй скажет ему, избегая смотреть в глаза: «Капитан Гоп, я ободрал локти, ползая по снастям; у меня болят бока и спина, пальцы не разгибаются, голова трещит, а ноги трясутся. Все эти мокрые канаты в два пуда на весу рук; все эти леера, ванты, брашпили, тросы, стеньги и салинги созданы на мучение моему нежному телу. Я хочу к маме». Выслушав мысленно такое заявление, капитан Гоп держал, мысленно же, следующую речь: «Отправляйтесь куда хотите, мой птенчик. Если к вашим чувствительным крылышкам пристала смола, вы можете отмыть её дома одеколоном «Роза-Мимоза»». Этот выдуманный Гопом одеколон более всего радовал капитана и, закончив воображённую отповедь, он вслух повторял: «Да. Ступайте к «Розе-Мимозе»».

Между тем внушительный диалог приходил на ум капитану всё реже и реже, так как Грэй шёл к цели со стиснутыми зубами и побледневшим лицом. Он выносил беспокойный труд с решительным напряжением воли, чувствуя, что ему становится всё легче и легче по мере того, как суровый





Кадр из кинофильма «Алые паруса» (режиссёр А. Птушко, СССР)

корабль вламывался в его организм, а неумение заменялось привычкой. Случалось, что петлей якорной цепи его сшибало с ног, ударяя о палубу, что непридержанный у кнехта канат вырывался из рук, сдирая с ладоней кожу, что ветер бил его по лицу мокрым углом паруса с вшитым в него железным кольцом, и, короче сказать, вся работа являлась пыткой, требующей пристального внимания, но, как ни тяжело он дышал, с трудом разгибая спину, улыбка презрения не оставляла его лица. Он молча сносил насмешки, издевательства и неизбежную брань до тех пор, пока не стал в новой сфере «своим», но с этого времени неизменно отвечал боксом на всякое оскорбление.

Однажды капитан Гоп, увидев, как он мастерски вяжет на рею парус, сказал себе: «Победа на твоей стороне, плут». Когда Грэй спустился на палубу, Гоп вызвал его в каюту и, раскрыв истрёпанную книгу, сказал:

– Слушай внимательно! Брось курить! Начинается отделка щенка под капитана.

И он стал читать, вернее, говорить и кричать по книге древние слова моря. Это был первый урок Грэя. В течение года он познакомился с навигацией, практикой, кораблестроением, морским правом, лоцией и бухгалтерией. Капитан Гоп подавал ему руку и говорил: «Мы». (...)

Прошло ещё мало времени, и в порте Дубель вечерняя звезда сверкнула над чёрной линией новой мачты. То был «Секрет», купленный Грэм трёмачтовый галиот в двести шестьдесят тонн. Так, капитаном и собственником корабля Артур Грэй плывал ещё четыре года, пока судьба не привела его в Лисс. (...)

III. Рассвет

Одиннадцать дней «Секрет» простоял на рейде возле города Лисса. На двенадцатый день капитан Артур Грэй «глухо затосковал». Надеясь развеять тяжёлое настроение, он вместе с матросом Летикой отправился на лодке в поисках уединённого места. Неподалёку от Каперны лодка причалила к берегу. Убаюканный ночным покоем, капитан уснул у костра. Летика остался на берегу удить рыбу.





Кадр из кинофильма «Алые паруса» (режиссёр А. Птушко, СССР)

(...) Проснувшись, Грэй на мгновение забыл, как попал в эти места. С изумлением видел он счастливый блеск утра, обрыв берега среди этих ветвей и пылающую синюю даль; над горизонтом, но в то же время и над его ногами висели листья орешника. (...)

Капитан выбрался на открытое место, заросшее пёстрой травой, и увидел здесь спящую молодую девушку.

Он тихо отвёл рукой ветку и остановился с чувством опасной находки. Не далее как в пяти шагах, свернувшись, подобрал одну ножку и вытянув другую, лежала головой на уютно подвёрнутых руках утомившаяся Ассоль. Её волосы сдвинулись в беспорядке; у шеи расстегнулась пуговица, открыв белую ямку; раскинувшаяся юбка обнажала колени; ресницы спали на щеке, в тени нежного, выпуклого виска, полузакрытого тёмной прядью; мизинец правой руки, бывшей под головой, пригнулся к затылку. Грэй присел на корточки, заглядывая девушке в лицо. (...)

Быть может, при других обстоятельствах эта девушка была бы замечена им *только* глазами, но тут он *иначе* увидел её. Всё стронулось, всё усмехнулось в нём. Разумеется, он не знал ни её, ни её имени, ни тем более почему она уснула на берегу; он был этим очень доволен. Он любил картины без объяснений и подписей. Впечатление такой картины несравненно сильнее; её содержание, не связанное словами, становится безграничным, утверждая все догадки и мысли. (...)

Всё спало на девушке: спали тёмные волосы, спало платье и складки платья; даже трава поблизости её тела, казалось, задремала в силу сочувствия. Когда впечатление стало полным, Грэй вошёл в его тёплую подмывающую волну и уплыл с ней. Давно Летика кричал: «Капитан, где вы?» — но капитан не слышал его.

Когда он, наконец, встал, склонность к необычному застала его врасплох с решимостью и вдохновением раздражённой женщины. Задумчиво уступая ей, он снял с пальца старинное дорогое кольцо, не без основания размышляя, что, может быть, этим подсказывает жизни нечто существенное... Он бережно опустил кольцо на малый мизинец, белевший из-под затылка. Мизинец нетерпеливо двинулся и поник. (...)



После этого Грэй с матросом Летикой зашли в близлежащий трактир, чтобы расспросить местных жителей о понравившейся капитану девушке. Как только Грэй заговорил с трактирщиком Хином Меннерсом о прекрасной незнакомке, тот сразу же догадался, о ком идёт речь.

– Гм! – сказал он, поднимая глаза в потолок. – Это, должно быть, Корабельная Ассоль, больше быть некому. Она полоумная.

– В самом деле? – равнодушно сказал Грэй, отпивая крупный глоток. – Как же это случилось?

– Когда так, извольте послушать.

И Хин рассказал Грэю о том, как лет семь назад девочка говорила на берегу моря с собирателем песен. Разумеется, эта история с тех пор, как нищий утвердил её бытие в том же трактире, приняла очертания грубой и плоской сплетни, но сущность оставалась нетронутой.

– С тех пор так её и зовут, – сказал Меннерс, – зовут её Ассоль Корабельная.

Грэй машинально взглянул на Летику, продолжавшего быть тихим и скромным, затем его глаза обратились к пыльной дороге, пролегающей у трактира, и он ощутил как бы удар – одновременный удар в сердце и голову. По дороге, лицом к нему, шла та самая Корабельная Ассоль, к которой Меннерс только что отнёсся *клинически*. Удивительные черты её лица, напоминающие тайну неизгладимо волнующих, хотя простых слов, предстали перед ним теперь в свете её взгляда. Матрос и Меннерс сидели к окну спиной, но, чтобы они случайно не повернулись, Грэй имел мужество отвести взгляд на рыжие глаза Хина. После того как он увидел глаза Ассоль, рассеялась вся косность Меннерсова рассказа.

Неожиданно в разговор вмешался находившийся в трактире угольщик.

– Он врёт. Его отец тоже врал; врала и мать. Такая порода. Можете быть покойны, что *она* так же здорова, как мы с вами. Я с ней разговаривал. Она сидела на моей повозке восемьдесят четыре раза или немного меньше. (...) Она говорит, как большая, но причудлив её разговор. Прислушиваешься – как будто всё то же самое, что мы с вами сказали бы, а у неё то же, да не совсем так. Вот, к примеру, раз завелось дело о её ремесле. «Я тебе что скажу, – говорит она и держится за моё плечо, как муха за колокольню, – моя работа не скучная, только всё хочется придумать особенное. Я, – говорит, – так хочу изловчиться, чтобы у меня на доске сама плавала лодка, а гребцы гребли бы по-настоящему; потом они пристают к берегу, отдают причал и честь-честью, точно живые, сядут на берегу закусывать». Я, это, захохотал, мне, стало быть, смешно стало. Я говорю: «Ну, Ассоль, это ведь такое твоё дело, и мысли поэтому у тебя такие, а вокруг посмотри: все в работе, как в драке». – «Нет, – говорит она, – я знаю, что знаю. Когда рыбак ловит рыбу, он думает, что поймает большую рыбу, какой никто не ловил». – «Ну, а я?» – «А ты? – смеётся она, – ты, верно, когда наваливаешь углем корзину, то думаешь, что она зацветёт». Вот какое слово она сказала! В ту же минуту дёрнуло меня, сознаюсь, посмотреть на пустую корзину, и так мне вошло в глаза, будто из прутьев поползли почки; лопнули эти почки, брызнуло по корзине листом



и пропало. Я малость протрезвел даже! А Хин Меннерс врёт и денег не берёт, – я его знаю! (...)

Грэй вышел. С этого времени его не покидало уже чувство поразительных открытий. (...) Он опомнился и собрался с мыслями, только когда сел в лодку... затем отплыл и стал быстро грести по направлению к гавани.

IV. Накануне

Накануне того дня, когда Грэй обнаружил в лесу Ассоль, в жизни девушки произошли перемены. В Лиссе торговцы отказались принимать принесённый ею товар, заявив, что покупатели утратили интерес к игрушечным кораблям. Это означало, что отец и дочь лишались своего единственного заработка. Услышав неприятную новость, Лонгрен отправился в Лисс, чтобы устроиться матросом на какой-нибудь корабль. Ассоль осталась дома одна. Стараясь отогнать от себя грустные мысли, она взялась переделывать старую юбку...

(...) Пока она шьёт, посмотрим на неё ближе – вовнутрь. В ней *две* девушки, *две* Ассоль, перемешанных в замечательной, прекрасной неправильности. Одна была дочь матроса, ремесленника, мастеровившая игрушки, другая – живое стихотворение, со всеми чудесами его созвучий и образов, с тайной соседства слов, во всей взаимности их теней и света, падающих от одного на другое. Она знала жизнь в пределах, поставленных её опыту, но сверх общих явлений видела отражённый смысл *иного* порядка. Так, всматриваясь в предметы, мы замечаем в них нечто не линейное, но впечатлением – определённо человеческое, и – так же, как человеческое, – различное. Нечто подобное тому, что (если удалось) сказали мы этим примером, видела она ещё *сверх* видимого. Без этих тихих завоеваний всё просто понятное было чуждо её душе. Она умела и любила читать, но и в книге читала преимущественно между строк, как жила. Бессознательно, путём своеобразного вдохновения она делала на каждом шагу множество эфирно тонких открытий, невыразимых, но важных, как чистота и тепло. Иногда – и это продолжалось ряд дней – она даже перерождалась; физическое противостояние жизни проваливалось, как тишина в ударе смычка; и всё, что она видела, чем жила, что было вокруг, становилось кружевом тайн в образе повседневности. Не раз, волнуясь и робея, она уходила ночью на морской берег, где, выждав рассвет, совершенно серьёзно высматривала корабль с Альми Парусами. Эти минуты были для неё счастьем; нам трудно *так* уйти в сказку, ей было бы не менее трудно выйти из её власти и обаяния.

В другое время, размышляя обо всём этом, она искренне дивилась себе, не веря, что верила; улыбкой прощая море и грустно переходя к действительности, теперь, сдвигая оборку, девушка припоминала свою жизнь. Там было много скуки и простоты. Одиночество вдвоём, случалось, безмерно тяготило её, но в ней образовалась уже та складка внутренней робости, та страдальческая морщинка, с которой не внести и не получить оживления. Над ней посмеивались, говоря: «Она тронутая», «не в себе», – она привыкла и к этой боли; девушке случалось даже переносить оскорбления, после чего её грудь ныла, как от удара. (...)

Покончив с шитьём, Ассоль улеглась спать. Однако сон её был недолгим и тревожным. На рассвете она проснулась и, томимая неведомым предчувствием, выпорхнула босиком на дорогу.



Она шла чем далее, тем быстрее, торопясь покинуть селение. За Каперной простирались луга; за лугами по склонам береговых холмов росли орешник, тополя и каштаны. (...)

Ассоль проникла в высокую, брызгающую росой луговую траву; держа руку ладонью вниз над её метёлками, она шла, улыбаясь струящемуся прикосновению. Засматривая в особенные лица цветов, в путаницу стеблей, она различала там почти человеческие намёки – позы, усилия, движения, черты и взгляды; её не удивила бы теперь процессия полевых мышей, бал сусликов или грубое веселье ежа, пугающего спящего гнома своим фуканьем. И точно, ёж, серея, выкатился перед ней на тропинку. «Фук-фук», – отрывисто сказал он с сердцем, как извозчик на пешехода. Ассоль говорила с теми, кого понимала и видела. «Здравствуй, больной», – сказала она лиловому ирису, пробитому до дыр червём. «Необходимо посидеть дома» – это относилось к кусту, застрявшему среди тропы и потому обдёрганному платьем прохожих. Большой жук цеплялся за колокольчик, сгибая растение и сваливаясь, но упрямо толкаясь лапками. «Страхни толстого пассажира», – посоветовала Ассоль. Жук, точно, не удержался и с треском полетел в сторону. Так, волнуясь, трепеща и блестя, она подошла к склону холма, скрывшись в его зарослях от лугового пространства, но окружённая теперь истинными своими друзьями, которые – она знала это – говорят басом.

То были крупные старые деревья среди жимолости и орешника. Их свисшие ветви касались верхних листьев кустов. В спокойно тяготеющей крупной листе каштанов стояли белые шишки цветов, их аромат мешался с запахом росы и смолы. Тропинка, усеянная выступами скользких корней, то падала, то взбиралась на склон. Ассоль чувствовала себя как дома; здоровалась с деревьями, как с людьми, то есть пожимая их широкие листья. Она шла, шепча то мысленно, то словами: «Вот ты, вот другой ты. Много же вас, братцы мои! Я иду, братцы, спешу, пустите меня. Я вас узнаю всех, всех помню и почитаю». «Братцы» величественно гладили её чем могли – листьями – и родственно скрипели в ответ. Она выбралась, перепачкав ноги землёй, к обрыву над морем и встала на краю обрыва, задыхаясь от поспешной ходьбы. Глубокая непобедимая вера, ликуя, пенилась и шумела в ней. Она разбрасывала её взглядом за горизонт, откуда лёгким шумом береговой волны возвращалась она обратно, гордая чистотой полёта. (...)

Девушка вздохнула и осмотрелась. Музыка смолкла, но Ассоль была ещё во власти её звонкого хора. Это впечатление постепенно ослабевало, затем стало воспоминанием и, наконец, просто усталостью. Она легла на траву, зевнула и, блаженно закрыв глаза, уснула – по-настоящему, крепким, как молодой орех, сном, без заботы и сновидений. Её разбудила муха, бродившая по голой ступне. Беспokoйно повертев ножкой, Ассоль проснулась; сидя, закалывала она растрёпанные волосы, поэтому кольцо Грэй напомнило о себе, но, считая его не более как стебельком, застрявшим меж пальцев, она распрямила их. Так как помеха не исчезла, она нетерпеливо поднесла руку к глазам и выпрямилась, мгновенно вскочив с силой брызнувшего фонтана.

На её пальце блестело лучистое кольцо Грэй, как на чужом, – *своим* не могла признать она в этот момент, не чувствовала палец свой.



– Чья это шутка? Чья шутка? – стремительно вскричала она. – Разве я сплю? Может быть, нашла и забыла?

Схватив левой рукой правую, на которой было кольцо, с изумлением осматривалась она, пытая взглядом море и зелёные заросли; но никто не шевелился, никто не притаился в кустах, и в синем, далеко озарённом море не было никакого знака, и румянец покрыл Ассоль, а голоса сердца сказали вещее «да». Не было объяснений случившемуся, но без слов и мыслей находила она их в странном чувстве своём, и уже близким ей стало кольцо. Вся дрожа, сдёрнула она его с пальца; держа в пригоршне, как воду, рассмотрела его она – всею душою, всем сердцем, всем ликованием и ясным суеверием юности, затем, – спрятав за лиф, Ассоль уткнула лицо в ладони, из-под которых неудержимо рвалась улыбка, и, опустив голову, медленно пошла обратной дорогой.

Так, – случайно, как говорят люди, умеющие читать и писать, – Грэй и Ассоль нашли друг друга утром летнего дня, полного неизбежности.

По возвращении из Каперны Грэй направился в Лисс, чтобы закупить алый шёлк для парусов. Множество рулонов ткани самых разнообразных оттенков пересмотрел он, прежде чем нашёл шёлк царственного и свежего, «как утренняя заря», цвета. Расплатившись с хозяином лавки, Грэй вышел на улицу. Счастливый восторг переполнял его душу. Увидев неподалёку уличных музыкантов, он пригласил их к себе на корабль.

Вечером музыканты прибыли на «Секрет», вскоре туда же явился матрос Летика, которому так и не удалось раздобыть новых сведений о прекрасной незнакомке.

Удивлённый странной суетой на палубе, помощник капитана Пантен подумал было, что Грэй решил заняться контрабандой. Но капитан развеял его подозрения, откровенно рассказав о том, что под алыми парусами он хочет причалить к берегу, на котором его ожидает будущая жена. А спустя несколько дней над «Секретом» запылали алые паруса...

VII. Алый «Секрет»

Пока «Секрет» шёл руслом реки, Грэй стоял у штурвала, не доверяя руля матросу – он боялся мели. Пантен... по-прежнему не чувствовал никакой связи между алым убранством и прямой целью Грэя.

– Теперь, – сказал Грэй... – я попытаюсь настроить вас своими мыслями ... вы, как и большинство, слушаете голоса всех нехитрых истин сквозь толстое стекло жизни; они кричат, но вы не услышите. (...) Скоро вы увидите девушку, которая не может, не должна иначе выйти замуж, как только таким способом, какой развиваю я на ваших глазах... Я прихожу к той, которая ждёт и может ждать только меня... благодаря ей я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками. (...)

Некоторое время «Секрет» шёл пустым морем, без берегов; к полудню открылся далёкий берег. Взяв подозрную трубу, Грэй уставился на Каперну. Если бы не ряд крыш, он различил бы в окне одного дома Ассоль, сидящую за какой-то книгой. Она читала; по странице полз зеленоватый жучок, останавливаясь и приподнимаясь на передних лапах с видом независимым и домашним. Уже два раза был он без досады сдунут на подоконник, откуда появлялся вновь доверчиво и свободно, словно хотел что-то сказать. На этот раз ему удалось добраться почти к руке девушки, державшей угол страницы; здесь он застрял на слове «смотри», с сомнением остановился, ожидая нового шквала, и, действи-



тельно, едва избег неприятности, так как Ассоль уже воскликнула: «Опять жучишка... дурак!..» – и хотела решительно сдуть гостя в траву, но вдруг случайный переход взгляда от одной крыши к другой открыл ей на синей морской щели уличного пространства белый корабль с алыми парусами.

Она вздрогнула, откинулась, замерла; потом резко вскочила с головокружительно падающим сердцем, вспыхнув неудержимыми слезами вдохновенного потрясения. «Секрет» в это время огибал небольшой мыс, держась к берегу углом левого борта; негромкая музыка лилась в голубом дне с белой палубы под огнём алого шёлка. (...) В её простоте, ликуя, развёртывалось и рокотало волнение.

Не помня, как оставила дом, Ассоль бежала уже к морю, подхваченная неодолимым ветром события; на первом углу она остановилась почти без сил; её ноги подкашивались, дыхание срывалось и гасло, сознание держалось на волоске. Вне себя от страха потерять волю, она топнула ногой и оправилась. Временами то крыша, то забор скрывали от неё алые паруса; тогда, боясь, не исчезли ли они, как простой призрак, она торопилась миновать мучительное препятствие и, снова увидев корабль, останавливалась облегчённо вздохнуть.

Тем временем в Каперне произошло такое замешательство, такое волнение, такая поголовная смута, какие не уступят эффекту знаменитых землетрясений. Никогда ещё большой корабль не подходил к этому берегу; у корабля были те самые паруса, имя которых звучало как издевательство; теперь они ясно и неопровержимо пылали с невинностью факта, опровергающего все законы бытия и здравого смысла. Мужчины, женщины, дети впопыхах мчались к берегу, кто в чём был; жители перекликались со двора во двор, насакивали друг на друга, вопили и падали; скоро у воды образовалась толпа, и в толпу эту стремительно вбежала Ассоль.

Пока её не было, её имя перелетало среди людей с нервной и угрюмой тревогой, со злобным испугом. Больше говорили мужчины; сдавленно, змеиным шипением всхлипывали остолбеневшие женщины, но если уж которая начинала трещать – яд забирался в голову. Как только появилась Ассоль, все смолкли, все со страхом отошли от неё, и она осталась одна среди пустоты знойного песка, растерянная, пристыженная, счастливая, с лицом не менее алым, чем её чудо, беспомощно протянув руки к высокому кораблю.

От него отделилась лодка, полная загорелых гребцов; среди них стоял тот, кого, как ей показалось теперь, она знала, смутно помнила с детства. Он смотрел на неё с улыбкой, которая грела и торопила. Но тысячи последних смешных страхов одолели Ассоль; смертельно боясь всего – ошибки, недоразумений, таинственной и вредной помехи, – она вбежала по пояс в тёплое колыхание волн, крича: «Я здесь, я здесь! Это я!» (...)

От волнения, движения облаков и волн, блеска воды и дали девушка почти не могла уже различать, что движется: она, корабль или лодка, – всё двигалось, кружилось и опадало.

Но весло резко плеснуло вблизи неё; она подняла голову. Грэй нагнулся, её руки ухватились за его пояс. Ассоль зажмурилась; затем, быстро открыв глаза, смело улыбнулась его сияющему лицу и, запыхавшись, сказала:





Кадры из кинофильма «Алые паруса» (режиссёр А. Птушко, СССР)

– Совершенно такой.

– И ты тоже, дитя моё! – вынимая из воды мокрую драгоценность, сказал Грэй. – Вот я пришёл. Узнала ли ты меня?

Она кивнула, держась за его пояс, с новой душой и трепетно зажмуренными глазами. Счастье сидело в ней пушистым котёнком. Когда Ассоль решила открыть глаза, покачивание шлюпки, блеск волн, приближающийся, мощно ворочаясь, борт «Секрета» – всё было сном, где свет и вода качались, кружась, подобно игре солнечных зайчиков на струящейся лучами стене. Не помня как, она поднялась по трапу в сильных руках Грэя. Палуба, крытая и увешанная коврами, в алых выплесках парусов, была как небесный сад. И скоро Ассоль увидела, что стоит в каюте – в комнате, которой лучше уже не может быть.

Тогда сверху, сотрясая и зарывая сердце в свой торжествующий крик, вновь кинулась огромная музыка. Опять Ассоль закрыла глаза, боясь, что всё это исчезнет, если она будет смотреть. Грэй взял её руки и, зная уже теперь, куда можно безопасно идти, она спрятала мокрое от слёз лицо на груди друга, пришедшего так волшебю. Бережно, но со смехом, сам потрясённый и удивлённый тем, что наступила невыразимая, не доступная никому драгоценная минута, Грэй поднял за подбородок вверх это давно-давно пригрезившееся лицо, и глаза девушки, наконец, ясно раскрылись. В них было всё лучшее человека.

– Ты возьмёшь к нам моего Лонгрена? – сказала она.

– Да. – И так крепко поцеловал он её вслед за своим железным «да», что она засмеялась.

Теперь мы отойдём от них, зная, что им нужно быть вместе одним. Много на свете слов на разных языках и разных наречиях, но всеми ими, даже и отдалённо, не передашь того, что сказали они в день этот друг другу.

Меж тем на палубе у грот-мачты, возле бочонка, изъеденного червём, со сбитым дном, открывшим столетнюю тёмную благодать, ждал уже весь экипаж. Атвуд стоял; Пантен чинно сидел, сияя, как новорождённый. Грэй поднялся вверх, дал знак оркестру и, сняв фуражку, первый зачерпнул гранёным стаканом, в песне золотых труб, святое вино.

– Ну, вот... – сказал он, кончив пить, затем бросил стакан. – Теперь пейте, пейте все. Кто не пьёт, тот враг мне.



Повторить эти слова ему не пришлось. В то время как полным ходом, под всеми парусами уходил от ужаснувшейся навсегда Каперны «Секрет», давка вокруг бочонка превзошла всё, что в этом роде происходит на великих праздниках.

– Как понравилось оно тебе? – спросил Грэй Летику.

– Капитан! – сказал, подыскивая слова, матрос. – Не знаю, понравился ли ему я, но впечатления мои нужно обдумать. Улей и сад!

– Что?!

– Я хочу сказать, что в мой рот впихнули улей и сад. Будьте счастливы, капитан. И пусть будет счастлива та, которую «лучшим грузом» я назову, лучшим призом «Секрета»!

Когда на другой день стало светать, корабль был далеко от Каперны. Часть экипажа как уснула, так и осталась лежать на палубе, поборотая вином Грэя; держались на ногах лишь рулевой, да вахтенный, да сидевший на корме с грифом виолончели у подбородка задумчивый и хмельной Циммер. Он сидел, тихо водил смычком, заставляя струны говорить волшебным, неземным голосом, и думал о счастье...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Расскажите о детских годах Грэя. Как складывались его отношения с родителями и слугами?
2. В каких поступках мальчика проявилась незаурядность его натуры? Что послужило толчком для рождения мечты Артура о морских странствиях? Найдите соответствующий отрывок в тексте и выразительно его прочитайте. Какие трудности преодолел герой на пути к осуществлению своей мечты?
3. Расскажите о том, как Грэй впервые увидел Ассоль. Чем поразила его девушка? Как описывается зародившееся в нём чувство любви? Приведите соответствующие цитаты.
4. Что Грэй узнал об Ассоль из рассказов местных жителей? Почему он не поверил отрицательному отзыву о девушке?
5. «В ней две девушки, две Ассоль, перемешанных в замечательной, прекрасной неправильности», – пишет автор. Охарактеризуйте каждую из этих «половинок» души героини. В чём проявляется поэтичность и душевная красота девушки?
6. Расскажите о том, как Ассоль увидела корабль с алыми парусами. Как отнеслись к его появлению жители Каперны?
7. Объясняя помощнику капитана преобразование «Секрета», Грэй говорит: «...Я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками». Как вы понимаете его слова?
8. Сопоставьте образы Ассоль и Грэя. Определите общие черты в характерах этих героев.
9. На какие чувства и размышления наталкивает вас образ алых парусов?
10. **Пофантазируйте!** Как бы изменилось общее настроение повести, если бы Грин заменил алые паруса традиционными белыми парусами?
11. Верите ли вы в то, что чудо, подобное описанному в повести Грина, может произойти в жизни? Обоснуйте свою точку зрения.
12. **Работа в группах.** Разбившись на три группы, выполните одно из заданий:
 - А. Докажите, что «Алые паруса» являются повестью-сказкой. Объясните причины популярности этого произведения у читателей.
 - Б. Подготовьте информационную заметку о новом издании книги «Алые паруса» А.С. Грина для газетной рубрики «Книжное обозрение».
 - В. Разработайте экскурсию по описанной в «Алых парусах» части Гринландии. Охарактеризуйте её природу и обитателей.
13. **Творческое задание.** Напишите сочинение на тему «Чудо осуществления мечты в повести-сказке А.С. Грина “Алые паруса”».



Глава 2

КАРТИНЫ БУДУЩЕГО

Фантастические миры Айзека Азимова

Литературная разминка

Какие произведения литературной фантастики и их экранизации вы знаете? Что характерно для таких произведений?

Айзек Азимов (настоящее имя – Исаак Юдович Озимов) – известный писатель-фантаст XX века. «Он был одним из тех великих, – писал о нём другой известный автор фантастических произведений, Артур Ч. Кларк, – которые стояли на пути зла, яростно обрушивающегося на наш мир. Он защищал знания от осквернения их суеверием, стремление к взаимопониманию – от тупого фанатизма, милосердие – от жестокости, в конце концов, мир – от войны».

Эти слова – лучшая характеристика творчества А. Азимова.

Будущий писатель родился 2 января 1920 г. в еврейской семье, которая жила в маленьком городке Петровичи под Смоленском. Его отец был мельником. Через три года семья переехала и поселилась в одном из районов Нью-Йорка – Бруклине. Там родители открыли собственную кондитерскую.

Мальчик с раннего детства проявлял незаурядные способности к учёбе. В пять лет он уже бегло читал, в семь – был одним из самых активных читателей библиотеки. Так как Айзек намного быстрее, чем одноклассники, усваивал учебный материал, он закончил школу в 15 лет. Его успехи были отмечены всевозможными наградами. При этом Айзек помогал родителям в их ежедневных заботах. Каждый день он до начала школьных занятий разносил газеты, а после уроков спешил в кондитерскую, где до позднего вечера стоял за прилавком. В автобиографии писатель вспоминал: «Я работал по десять часов семь дней в неделю, всё это время я проводил в лавке. Даже когда обстоятельства вынуждали меня отлучиться на пару минут, меня начинал мучить вопрос: господи, а как там в лавке?» С тех пор у Азимова выработалась привычка к постоянному труду.

Высшее образование Азимов получил в Колумбийском университете в Нью-Йорке, на факультете химии. Впоследствии он закончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию. В 1949 г. Азимов получил должность преподавателя на медицинском факультете Бостонского университета, а вместе с ней – и возможности для дальнейшего развития научной карьеры. Но к тому времени он уже более всего интересовался литературным творчеством.



Айзек Азимов
(1920–1992)



Эта страсть вспыхнула в душе будущего писателя ещё в детстве, когда в родительской лавке он читал научно-фантастические произведения, печатавшиеся в периодических изданиях. Его любимым журналом стал «Astounding»¹. Азимов часто присылал письма в редакцию этого издания, а со временем познакомился с его шеф-редактором В. Кемпбеллом. Поводом для их знакомства стал первый рассказ, написанный Азимовым в 18 лет. Из-за художественной слабости этого сочинения Кемпбелл отказался его печатать, но с симпатией отнёсся к начинающему автору. В дальнейшем юноша ещё не раз получал такие же отказы вместе с мудрыми советами по усовершенствованию его сочинений. Спустя много лет, уже известным писателем-фантастом, Азимов попытался поблагодарить старшего товарища за тогдашнюю помощь. В ответ Кемпбелл заметил, что давал советы многим авторам, но лишь один из них стал Айзеком Азимовым.

Вскоре азимовские произведения занимали первое место по популярности среди любителей фантастических произведений: он завоёвывал позиции одного из ведущих авторов *научной фантастики*.



ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА



Научная фантастика – отдельная область художественной литературы, в которой исследуются и прогнозируются последствия достижений научно-технической мысли для человеческой цивилизации. При этом в создаваемых писателями-фантастами картинах, как правило, обнажаются реальные проблемы современного общества.

В 1939 г. Азимов написал рассказ о роботах («Робби»), положивший начало отдельной тематической серии его произведений. Заметным событием литературной жизни 1950 г. стал выход в свет сборника его рассказов «Я, робот». На его основе со временем возникли романы «Стальные пещеры», «Роботы утренней зари», «Роботы и империя» и множество рассказов. По мнению литературных критиков, Айзек Азимов и знаменитый чешский писатель Карел Чапек своим творчеством оказали самое сильное влияние на формирование образа робота в мировой литературе.

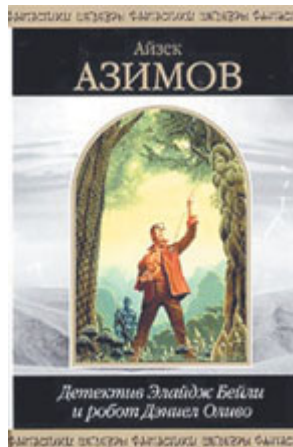
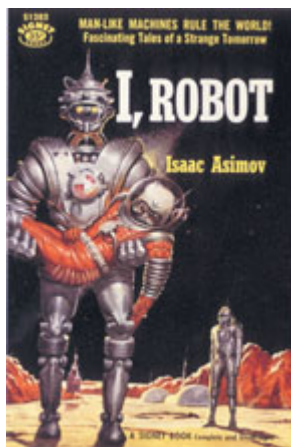
Параллельно серии о роботах писатель работал над циклом «Основание», начатым в 1942 г. В цикл вошли произведения о распаде и возрождении великой галактической империи.

Произведения писателя были отмечены многими наградами и дополнили собой полку классики научной фантастики. А некоторые из придуманных им терминов – «робототехника» (или «роботехника»), «позитронный», «психоистория» и другие – вошли в культурный и научный оборот.

Литературная деятельность А. Азимова не ограничивалась только художественным творчеством. Он писал научно-популярные книги и статьи, которые в доступной форме представляли знания из разных научных об-

¹ *Astounding* (англ.) – изумление.





Обложки изданных произведений А. Азимова

ластей – астрономии, химии, физики, математики, биологии, истории... В подавляющем большинстве они адресовались подросткам, которые стремились больше узнать о научных достижениях. Но были среди таких изданий и более серьёзные книги, например: «Путеводитель по науке для интеллигентного человека», «Азимовская энциклопедия науки и техники», «Греки», «Римская республика», «Египтяне», двухтомный путеводитель по Библии, двухтомный путеводитель по творчеству Шекспира... Яркий талант и исключительно высокая работоспособность принесли Азимову авторитет ведущего популяризатора научных знаний.

За свою творческую жизнь Айзек Азимов написал около 500 художественных и научно-популярных книг. Такая продуктивность объясняется не только невероятным трудолюбием писателя, но и его влюблённостью в литературное творчество. Даже страдая от тяжёлого недуга, который обрушился на него в конце жизни, Азимов не покидал места у письменного стола. Он мечтал умереть за работой. Однако этого не случилось. Медицина была бессильна: 6 апреля 1992 года А. Азимова не стало.

Однажды, обращаясь к читателям, писатель следующим образом очертил роль научной фантастики в современной жизни: «История достигла точки, когда человечеству больше не разрешается враждовать. Люди на Земле должны дружить. Я всегда старался это подчеркнуть в своих произведениях... Не думаю, что можно заставить всех людей любить друг друга, но я желал бы уничтожить ненависть между людьми. И я совершенно серьёзно полагаю, что научная фантастика есть одно из звеньев, которые помогают соединить человечество. Проблемы, которые мы поднимаем в фантастике, становятся насущными проблемами всего человечества... Писатель-фантаст, читатель фантастики, сама фантастика служат человечеству». Творчество Айзека Азимова является ярким доказательством искренности этих слов.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Расскажите о детстве А. Азимова. Какие способности и черты характера будущий писатель проявил в школьные годы?



2. Что побудило писателя заняться литературным творчеством? В каких направлениях это творчество развивалось?
3. Перечитайте процитированное в начале главы высказывание А.Ч. Кларка об А. Азимове. Сравните его с приведёнными в конце главы размышлениями самого писателя. В чём эти цитаты перекликаются?
4. Согласны ли вы с мнением, что научная фантастика может останавливать зло в мире и способствовать объединению человечества? Обоснуйте свою мысль.
5. Дайте определение научной фантастики.
6. Подготовьте проект презентации на одну из предложенных тем:
 - А. «А. Азимов – классик научной фантастики»,
 - Б. «А. Азимов – популяризатор научных знаний»,
 - В. «Фантастический мир А. Азимова на экране».



Перед чтением. Какой вы представляете школу будущего? А какая профессия в будущем, на ваш взгляд, станет одной из самых важных?

ПРОФЕССИЯ

(В сокращении)

Джордж Плейтен сказал с плохо скрытой тоской в голосе:

– Завтра первое мая. Начало Олимпиады!

Он перевернулся на живот и через спинку кровати пристально посмотрел на своего товарища по комнате. Неужели он не чувствует того же? Неужели мысль об Олимпиаде совсем его не трогает?

У Джорджа было худое лицо, черты которого ещё более обострились за те полтора года, которые он провёл в приюте. Он был худощав, но в его синих глазах горел прежний неуёмный огонь, а в том, как он сейчас вцепился пальцами в одеяло, было что-то от затравленного зверя.

Его сосед по комнате на мгновение оторвался от книги и заодно отрегулировал силу свечения стены, у которой сидел. Его звали Хали Омани, он был нигерийцем. Тёмно-коричневая кожа и крупные черты лица Хали Омани, казалось, были созданы для того, чтобы выражать только одно спокойствие, и упоминание об Олимпиаде нисколько его не взволновало.

– Я знаю, Джордж, – произнёс он.

Джордж многим был обязан терпению и доброте Хали; бывали минуты, когда он очень в них нуждался, но даже доброта и терпение могут стать попере́к глотки. (...)

– Сейчас на Землю за новыми специалистами прилетают космические корабли, – произнёс Джордж. – К июню тысячи и тысячи этих кораблей, неся на борту миллионы мужчин и женщин, отправятся к другим мирам, и всё это, по-твоему, ничего не значит?

– Абсолютно ничего. И вообще, какое мне дело до того, что завтра первое мая?

Беззвучно шевеля губами, Омани стал водить пальцем по строчкам книги, которую он читал, – видимо, ему попалось трудное место. (...)

Омани! Он-то стар! Ему уже по крайней мере тридцать. «Неужели и я в этом возрасте буду таким же? – подумал Джордж. – Стану таким, как он, через каких-нибудь двенадцать лет?»

И оттого, что эта мысль вселила в него панический страх, он заорал на Омани:



– Брось читать эту идиотскую книгу! (...) И больше тебе ничего не нужно от жизни? К шестидесяти пяти годам приобрести четверть знаний, которыми располагает дипломированный инженер-электронщик?

– А может быть, не к шестидесяти пяти годам, а к тридцати пяти?

– Кому ты будешь нужен? Кто тебя возьмёт? Куда ты пойдёшь с этими знаниями?

– Никому. Никто. Никуда. Я останусь здесь и буду читать другие книги.

– И этого тебе достаточно? Рассказывай! Ты заманил меня на занятия. Ты заставил меня читать и заучивать прочитанное. А зачем? Это не приносит мне никакого удовлетворения.

– Что толку в том, что ты лишаешь себя возможности получать удовлетворение?

– Я решил наконец покончить с этим фарсом. Я сделаю то, что собирался сделать с самого начала, до того как ты умаслил меня и лишил воли к сопротивлению. Я заставлю их... заставлю...

Омани отложил книгу, а когда Джордж, не договорив, умолк, задал вопрос:

– Заставишь, Джордж?

– Заставлю исправить эту вопиющую несправедливость. Всё было подстроено. Я доберусь до этого Антонелли и заставлю его признаться, что он... он...

Омани покачал головой.

– Каждый, кто попадает сюда, настаивает на том, что произошла ошибка. Мне казалось, что у тебя этот период уже позади.

– Не называй это периодом, – злобно сказал Джордж. – В отношении меня действительно была допущена ошибка. (...) Я собирался стать программистом вычислительных машин, и я действительно могу им быть, что бы они там ни говорили, ссылаясь на результаты анализа. – Он стукнул кулаком по матрасу. – Они не правы. И не могут они быть правы.

– В анализах ошибки исключены. (...)

В восемнадцать лет Джордж Плейтен твёрдо знал, что станет дипломированным программистом, – он стремился к этому с тех пор, как себя помнил. Среди его приятелей одни отстаивали космонавтику, другие – холодильную технику, третьи – организацию перевозок и даже административную деятельность. Но Джордж не колебался.

Он с таким же жаром, как и все остальные, обсуждал преимущества облюбованной профессии. Это было вполне естественно. Впереди их всех ждал День образования – поворотный день их жизни. (...)

Он был так же непоколебимо уверен в себе, как любой восьмилетний ребёнок накануне Дня чтения, этого преддверия следующего за ним через десять лет Дня образования. Ну, конечно, День чтения во многом отличался от Дня образования.

Во-первых, следует учитывать особенности детской психологии. Ведь восьмилетний ребёнок легко воспринимает многие самые необычные явления. И то, что вчера он не умел читать, а сегодня уже умеет, кажется ему само собой разумеющимся. Как солнечный свет, например.

А во-вторых, от этого дня зависело не так уж много. После него толпы вербовщиков не теснились перед списками, с нетерпением ожидая, когда



будут объявлены результаты ближайшей Олимпиады. День чтения практически ничего не менял в жизни детей, и они ещё десять лет оставались под родительской кровлей, как и все их сверстники. Просто после этого дня они уже умели читать.

И Джордж, готовясь к Дню образования, почти не помнил подробностей того, что произошло с ним в День чтения, десять лет назад.

Он, правда, не забыл, что день выдался пасмурный и моросил сентябрьский дождь. (День чтения – в сентябре. День образования – в ноябре, Олимпиада – в мае. На эту тему сочиняли даже детские стишки.) Было ещё темно, и Джордж одевался при стенном свете. Родители его волновались гораздо больше, чем он сам. Отец Джорджа был дипломированным трубопрокладчиком и работал на Земле, чего втайне стыдился, хотя все понимали, что большая часть каждого поколения неизбежно должна остаться на Земле.

Сама Земля нуждалась в фермерах, шахтёрах и даже в инженерах. Для работы на других планетах требовались только самые последние модели высококвалифицированных специалистов, и из восьми миллиардов земного населения туда ежегодно отправлялось всего лишь несколько миллионов человек. Естественно, не каждый житель Земли мог попасть в их число.

Но каждый мог надеяться, что по крайней мере кому-нибудь из его детей доведётся работать на другой планете, и Плейтен старший, конечно, не был исключением. Он видел (как, впрочем, видели и совершенно посторонние люди), что Джордж отличается незаурядными способностями и большой сообразительностью. Значит, его ждёт блестящая будущность, тем более, что он единственный ребёнок в семье. Если Джордж не попадёт на другую планету, то его родителям придётся возложить все надежды на внуков, а когда-то ещё у них появятся внуки!

Сам по себе День чтения, конечно, мало что значил, но в то же время только он мог показать хоть что-нибудь до наступления того, другого, знаменательного дня. Когда дети возвращались домой, все родители Земли внимательно слушали, как они читают, стараясь уловить особенную беглость, чтобы истолковать её как счастливое предзнаменование. Почти в любой семье подрастал такой многообещающий ребёнок, на которого со Дня чтения возлагались огромные надежды только потому, что он легко справлялся с трёхсложными словами. (...)

Детей собрали в просторном зале городского Дома образования. В этот месяц во всех уголках Земли в миллионах местных Домов образования собирались такие же группы детей. (...)

Вместе с другими детьми Джорджа завели в комнату, в которой проводилось детальное медицинское обследование. Потом его вызвали в другую комнату. Там за столом сидел доктор Ллойд.

– Ты боишься, Джордж? (...)

– Нет, сэр.

– Отлично. Теперь я объясню тебе, с чего мы начнём. Я приложу вот эти провода к твоему лбу над уголками глаз. Они приклеятся к коже, но не причинят тебе никакой боли. Потом я включу аппарат и раздастся жужжание. Оно покажется тебе непривычным, и, возможно, тебе будет





3D-архитектура. Компьютерная графика

немного щекотно, но это тоже совершенно безболезненно. Впрочем, если тебе всё-таки станет больно, ты мне скажешь, и я тут же выключу аппарат. Но больно не будет. Ну, как, договорились?

Судорожно глотнув, Джордж кивнул.

– Ты готов?

Джордж снова кивнул. С закрытыми глазами он ждал, пока доктор готовил аппаратуру. (...)

Он не почувствовал прикосновения проводов к вискам. Жужжание доносилось откуда-то издалека, и его заглушал звук стучавшей в ушах крови, такой гулкой, словно всё происходило в большой пустой пещере. Джордж рискнул медленно открыть глаза.

Доктор стоял к нему спиной. Из одного аппарата ползла узкая лента бумаги, на которой виднелась волнистая фиолетовая линия. Доктор отрывал кусочки этой ленты и вкладывал их в прорезь другой машины. Он снова и снова повторял это, и каждый раз машина выбрасывала небольшой кусочек плёнки, который доктор внимательно рассматривал. Наконец он повернулся к Джорджу, как-то странно нахмутив брови.

Жужжание прекратилось.

– Уже всё? – прошептал Джордж.

– Да, – не переставая хмуриться, произнёс доктор.

– И я уже умею читать? – Джордж не чувствовал в себе никаких изменений.

– Что? – переспросил доктор, и на его губах мелькнула неожиданная улыбка. – Всё идёт, как надо, Джордж. Читать ты будешь через пятнадцать минут. А теперь мы воспользуемся другой машиной, и это уже будет немного дольше. Я закрою тебе всю голову, и, когда я включу аппарат, ты на некоторое время перестанешь видеть и слышать, но тебе не будет больно. На всякий случай я дам тебе в руку выключатель. Если ты всё-таки почувствуешь боль, нажми вот эту маленькую кнопку, и всё прекратится. Хорошо?

Позже Джорджу довелось услышать, что это был не настоящий выключатель и его давали ребёнку только для того, чтобы он чувствовал себя спокойнее. Однако он не знал твёрдо, так ли это, поскольку сам кнопки не нажимал.

Ему надели на голову большой шлем обтекаемой формы, выложенный изнутри резиной. Три-четыре небольшие выпуклости присосались к его черепу, но он ощутил лишь лёгкое давление, которое тут же исчезло. Боли не было.



Откуда-то глухо донёлся голос доктора:

– Ну, как, Джордж, всё в порядке?

И тогда, без всякого предупреждения, его как будто окутал толстый слой войлока. Он перестал ощущать собственное тело, исчезли чувства, весь мир, вся Вселенная. Остался лишь он сам и доносившийся из бездонных глубин небытия голос, который что-то шептал ему... шептал... шептал...

Он напряжённо старался услышать и понять хоть что-нибудь, но между ним и шёпотом лежал толстый войлок.

Потом с него сняли шлем. Яркий свет ударил ему в глаза, а голос доктора отдавался в ушах барабанной дробью.

– Вот твоя карточка, Джордж. Скажи, что на ней написано?

Джордж снова взглянул на карточку – и вскрикнул. Значки обрели смысл! Они слагались в слова, которые он понимал так отчётливо, будто кто-то подсказывал их ему на ухо. Он был уверен, что именно слышал их.

– Так что же на ней написано, Джордж?

– На ней написано... написано... «Плейтен Джордж. Родился 13 февраля 6492 года, родители Питер и Эми Плейтен, место...» – от волнения он не мог продолжать.

– Ты умеешь читать, Джордж, – сказал доктор. – Всё уже позади. (...)

Затем Джордж вспомнил другое важное событие своей жизни, произошедшее в День образования. Тогда так же, как в День чтения, повсюду были толпы товарищей, которые ожидали решения своей судьбы – шанса получить образование и определённую профессию. Для этого они должны были пройти сложное тестирование. Джордж, который отчаянно надеялся добыть разрешение на образование программиста, был предельно взволнован. Его пригласили в комнату, в которой он увидел врача Антонелли, который как раз должен был исследовать его способности и, следовательно, определить его дальнейшую судьбу.

Он пристально, по-совиному, разглядывал на свет маленькие кусочки плёнки.

Джордж внутренне содрогнулся. Он смутно вспомнил, что тот, другой доктор (он забыл, как его звали) тоже рассматривал такую же плёнку. Неужели это та самая? Тот хмурился, а этот взглянул на него сейчас так, как будто его что-то рассердило.

Джордж уже не чувствовал себя счастливым.

Доктор Антонелли раскрыл довольно пухлую папку и осторожно отложил в сторону плёнки.

– Тут сказано, что вы хотите стать программистом вычислительных машин.

– Да, доктор.

– Вы не передумали?

– Нет, сэр.

– Это очень ответственная и сложная профессия. Вы уверены, что она вам по силам?

– Да, сэр.

– Большинство людей, ещё не получивших образования, не называют никакой конкретной профессии. Видимо, они боятся повредить себе.

– Наверное так, сэр.

– А вас это не пугает?

– Я полагаю, что лучше быть откровенным, сэр.



Доктор Антонелли кивнул, но выражение его лица осталось прежним.

– Почему вы хотите стать программистом?

– Как вы только что сказали, сэр, это ответственная и сложная профессия. Программисты выполняют важную и интересную работу. Мне она нравится, и я думаю, что справлюсь с ней.

Доктор Антонелли отодвинул папку и кисло взглянул на Джорджа.

– Откуда вы знаете, что она вам понравится? Вы, наверное, думаете, что вас тут же подхватит какая-нибудь планета класса А?

«Он пробует запугать меня, – с тревогой подумал Джордж. – Спокойно, Джордж, говори правду».

– Мне кажется, что у программиста на это большие шансы, – произнёс он, – но, даже если бы меня оставили на Земле, работа эта мне всё равно нравилась бы, я знаю. («Во всяком случае, это так и я не лгу», – подумал Джордж.)

– Пусть так, но откуда вы это знаете?

Вопрос был задан таким тоном, словно на него нельзя было ответить разумно, и Джордж еле сдержал улыбку. У него-то имелся ответ!

– Я читал о программировании, сэр, – сказал он.

– Что?

На лице доктора отразилось неподдельное изумление, и это доставило Джорджу удовольствие.

– Я читал о программировании, сэр, – повторил он. – Я купил книгу на эту тему и изучал её.

– Книгу, предназначенную для дипломированных программистов?

– Да, сэр.

– Но ведь вы могли не понять то, что там написано.

– Да, вначале. Но я достал другие книги по математике и электронике и разобрался в них, насколько мог. Я, конечно, знаю не так уж много, но всё-таки достаточно, чтобы понять, что мне нравится эта профессия и что я могу быть программистом. (Даже его родители ничего не знали о тайнике, где он хранил эти книги, и не догадывались, почему он проводит так много времени в своей комнате и почему не высыпается.)

Доктор оттянул пальцами дряблую складку под подбородком.

– А зачем вы это делали, друг мой?

– Мне хотелось проверить, действительно ли эта профессия интересна.

– Но ведь вам известно, что это не имеет ни малейшего значения. Как бы вас ни привлекала та или иная профессия, вы не получите её, если физическое устройство вашего мозга делает вас более пригодным для занятий иного рода.

Погрузившись в мрачное раздумье, доктор Антонелли перекладывал с места на место кусочки плёнки, которые рассматривал в начале их разговора.

Наконец он произнёс:

– Займёмся-ка вашим анализом. Так мы ничего не добьёмся.

К вискам Джорджа приложили провода. Раздалось жужжание, и снова в его мозгу возникло ясное воспоминание о том, что происходило с ним в этом здании десять лет назад. (...) Он не заметил, когда именно с его висков сняли провода. Он только вдруг осознал, что доктор стоит перед ним и задумчиво смотрит на него. А проводов уже не было. Отчаянным усили-



ем воли Джордж взял себя в руки. Он полностью распротился с мечтой стать программистом. За каких-нибудь десять минут она окончательно рассеялась.

– Наверно, нет? – уныло спросил он.

– Что нет?

– Из меня не выйдет программиста?

Доктор потёр нос и сказал:

– Одевайтесь, заберите свои вещи и идите в комнату 15-С. Там вас будут ждать ваши бумаги и моё заключение.

– Разве я уже получил образование? – изумлённо спросил Джордж. – Мне казалось, что это только...

Доктор Антонелли внимательно посмотрел на письменный стол.

– Вам всё объяснят. Делайте, как я сказал.

Джордж почувствовал смятение. Что от него утаивают? (...)

В комнате, где Джордж должен был услышать решение относительно своей будущей профессии, ему сообщили, что он не может быть программистом, так как структура его мозга нарушена и он вообще не может получить какое-либо образование. Поэтому Джордж, по его словам, должен был стать «ником»... Так Джордж узнал, что должен жить в приюте, специально созданном для людей, неспособных к образованию и приобретению профессии. Эта новость стала для него настоящим потрясением.

Как и было обещано, о Джордже позаботились. Его окружили вниманием и были к нему неизменно добры – Джорджу казалось, что он сам точно так же обращался бы с больным котёнком (...).

Первое время Джордж отказывался есть и ему вводили питание внутривенно. От него спрятали острые предметы и приставили к нему охрану. В его комнате поселился Хали Омани, и флегматичность нигерийца подействовала на Джорджа успокаивающе.

Однажды, снедаемый отчаянной скукой, Джордж попросил какую-нибудь книгу. Омани, который сам постоянно что-то читал, поднял голову и широко улыбнулся. Не желая доставлять им удовольствия, Джордж чуть было не взял назад свою просьбу, но потом подумал: «А не всё ли равно?»

Он не уточнил, о чём именно хочет читать, и Омани принёс ему книгу по химии. Текст был напечатан крупными буквами, составлен из коротких слов и пояснялся множеством картинок. Это была книга для подростков, и Джордж с яростью швырнул её об стену (...)

Изнывая от ненависти, он лежал в кровати и глядел в потолок, однако через час, угрюмо насупившись, встал, поднял книгу и принялся за чтение.

Через неделю он кончил её и попросил другую (...)

О да, это место не было тюрьмой! Ни запертых дверей, ни стен, ни охраны. Оно напоминало тюрьму только тем, что его обитатели не могли его покинуть.

И всё-таки было приятно увидеть десятки подобных себе людей. Ведь слишком легко могло показаться, что во всём мире только ты один так... искалечен. (...)

Омани остановился на пороге комнаты, где стояли небольшая телевизионная установка и настольная счётная машина. Перед экраном сидели пять-шесть человек.

– Классная комната, – пояснил Омани.



– А что это такое? – спросил Джордж.

– Эти юноши получают образование, – ответил Омани. – Но не обычным способом, – быстро добавил он.

– То есть они получают знания по капле?

– Да. Именно так учились в старину. (...)

– Что толку от этого крохоборства? – спросил он.

– Нужно же чем-то занять время, Джордж, а кроме того, им интересно.

– А какая им от этого польза?

– Они чувствуют себя счастливее.

Джордж размышлял над этим, даже ложась спать.

На другой день он буркнул, обращаясь к Омани:

– Ты покажешь мне класс, где я смогу узнать что-нибудь о программировании?

– Ну конечно, – охотно согласился Омани.

Дело продвигалось медленно, и это возмущало Джорджа. Почему кто-то снова и снова объясняет одно и то же? Почему он читает и перечитывает какой-нибудь абзац, а потом, глядя на математическую формулу, не сразу её понимает? Ведь людям за стенами приюта всё это даётся в один присест.

Несколько раз он бросал занятия. Однажды он не посещал классов целую неделю. Но всегда возвращался обратно. Дежурный наставник, который советовал им, что читать, вёл телевизионные сеансы и даже объяснял трудные места и понятия, казалось, не замечал его поведения.

В конце концов Джорджу поручили постоянную работу в парке, а кроме того, когда наступала его очередь, он занимался уборкой и помогал на кухне. Ему представили это как шаг вперёд, но им не удалось его провести. Ведь тут можно было бы завести куда больше всяческих бытовых приборов, но юношам нарочно давали работу, чтобы создать для них иллюзию полезного существования. Только его, Джорджа, им провести не удалось.

Им даже платили небольшое жалованье. Эти деньги они могли тратить на кое-какие дополнительные блага из числа указанных в списке либо откладывать их для сомнительного использования в столь же сомнительной старости. Джордж держал свои деньги в открытой жестянке, стоявшей на полке стенного шкафа. Он не имел ни малейшего представления, сколько там накопилось. Ему это было совершенно безразлично.

Он ни с кем по-настоящему не подружился, хотя к этому времени уже вежливо здоровался с обитателями приюта. Он даже перестал (вернее, почти перестал) терзать себя мыслями о роковой ошибке, из-за которой попал сюда. (...)

Во время Олимпиады профессий Джордж всё-таки сбежал из приюта. Напрасно Омани пытался его отговорить от этого опасного и бессмысленного, по его словам, шага. Джордж сделал по-своему. Ему удалось беспрепятственно добраться до Сан-Франциско.

Для удобства приезжающих пассажиров в аэропорту были установлены Олимпийские стенды, перед которыми собирались большие толпы. Для каждой основной профессии был отведён особый стенд, на котором значился адрес того Олимпийского зала, где в данный день проводилось состязание по этой профессии, затем перечислялись его участники с указанием места их рождения и называлась планета-заказчик (если таковая была).



Всё полностью соответствовало традициям (...)

Ведь было же время, когда эти люди сами участвовали в Олимпиадах. А чего они достигли? Ничего!

Если бы они были победителями, то не сидели бы на Земле, а находились бы где-нибудь далеко в глубинах Галактики. Кем бы они ни были, их профессии с самого начала сделали их добычей Земли. Или, если у них были высокоспециализированные профессии, они стали добычей Земли из-за собственной бездарности.

Теперь эти неудачники, собравшись здесь, взвешивали шансы новых, молодых участников состязаний. Стервятники! Как страстно он желал, чтобы они прикидывали сейчас его шансы! (...)

На стенде Джордж увидел имя своего старого товарища Тревелияна, который мечтал стать металлургом и стал им, а теперь стремился получить работу на другой планете с высокоразвитой цивилизацией.

У входа в зал стояла очередь. Очевидно, Олимпиада металлургов обещала захватывающую и напряжённую борьбу. По крайней мере так утверждала горевшая высоко в небе надпись, и так же, казалось, думали теснившиеся у входа люди. (...) Джордж так глубоко задумался, что вздрогнул, когда его плеча мягко коснулась чья-то рука и вежливый голос произнёс:

– Вы стоите в очереди, молодой человек?

Очередь продвинулась, и теперь Джордж наконец обнаружил, что перед ним образовалось пустое пространство. Он поспешно шагнул вперёд и пробормотал:

– Извините, сэр.

Два пальца осторожно взяли его за локоть. Он испуганно оглянулся. Стоявший за ним человек весело кивнул. В его волосах пробивалась обильная седина, а под пиджаком он носил старомодный свитер, застёгивавшийся спереди на пуговицы.

– Я не хотел вас обидеть, – сказал он.

– Ничего.

– Вот и хорошо! – он, казалось, был расположен благодушно поболтать.

– Я подумал, что вы, может быть, случайно остановились тут, задержавшись из-за очереди, и что вы, может быть...

– Кто? – резко спросил Джордж.

– Участник состязания, конечно. Вы же очень молоды.

Джордж отвернулся. Он был не в настроении для благодушной болтовни и испытывал злость ко всем любителям совать нос в чужие дела. Его внезапно осенила новая мысль. Не разыскивают ли его? Вдруг сюда уже сообщили его приметы или прислали фотографию? Вдруг этот Седой позади него ищет предлога получше рассмотреть его лицо? (...)

Джордж покинул очередь и вошёл в зал, в котором как раз должно было начаться состязание металлургов. На сцене стояли участники. Под номером «12» стоял Тревелиян, друг детства Джорджа. На прошлой Олимпиаде он потерпел поражение.

В ложу, расположенную в самом центре длинной дуги овала, входили люди, одетые в цвета планеты Павий, и на главном табло над их головами вспыхнуло слово «Новия».





Работы художника *Б. Пеннингтона* (Великобритания)

Новия была планетой класса А с большим населением и высокоразвитой цивилизацией, быть может самой лучшей во всей Галактике. Каждый землянин мечтал когда-нибудь поселиться в таком мире, как Новия, или, если ему это не удастся, увидеть там своих детей. Джордж вспомнил, с какой настойчивостью стремился к Новии Тревельян, и вот теперь он состязается за право уехать туда. (...)

– Уважаемые новианские заказчики, уважаемые дамы и господа! – раздался отчётливый, хорошо поставленный голос диктора. – Сейчас начнутся Олимпийские состязания металлургов, специалистов по цветным металлам. В состязании принимают участие...

С добросовестной аккуратностью диктор прочитал список, приведённый в программе. Фамилии, названия городов, откуда прибыли участники, год получения образования. Зрители встречали каждое имя аплодисментами, и самые громкие доставались на долю жителей Сан-Франциско. (...) Диктор продолжал сообщать другие официальные сведения, касавшиеся номера состязания, метода хронометрирования и подсчитывания очков. Наконец он дошёл до самого главного, и публика замерла, обратившись в слух.

– Каждый участник состязания получит по бруску сплава неизвестного для него состава. От него потребуются произвести количественный анализ этого сплава и сообщить все результаты с точностью до четырёх десятых процента. Для этого все соревнующиеся будут пользоваться микроспектрографами Бимена, модель MD-2, каждый из которых в настоящее время неисправен.



Зрители одобрительно зашумели.

– Каждый участник должен будет определить неисправность своего прибора и ликвидировать её. Для этого им даны инструменты и запасные детали. Среди них может не оказаться нужной детали, и её надо будет затребовать. Время, которое займёт доставка, вычитается из общего времени, затраченного на выполнение задания. (...)

Джордж увлечённо следил за соревнованием, искренне сопереживая Тревельяну. Но старый товарищ справился с заданием одним из последних и потерял возможность получить работу на Новиин. Радость, которую молодые люди ощутили в первую минуту встречи, быстро переросла во взаимное раздражение. Лишь вмешательство полиции предотвратило дальнейшее развитие конфликта. По требованию полисмена Тревельян показал своё удостоверение. У Джорджа не было при себе никаких документов, что серьёзно осложняло его положение. Но тут на помощь пришёл Седой. Показав полисмену какой-то документ, он заявил, что Джордж – его гость. Судя по уважению, с которым полисмен отнёсся к этому человеку, он был важной персоной. Затем Ладислав Индженеску – так звали Седого – пригласил Джорджа к себе в номер на обед и предложил герою свою помощь. Юноша попросил, чтобы он устроил ему разговор по видеофону с каким-нибудь новианином. Индженеску удивился, но согласился.

И вот на экране появился он. Новианин. Настоящий новианин. (Джордж ни на секунду не усомнился. В нём было что-то совершенно вземное, нечто такое, что невозможно было точно определить или хоть на миг спутать с чем-либо иным.) (...)

Он улыбался.

– Ладислас, это уже слишком. Мы не протестуем, чтобы за нами, пока мы на Земле, следили – в разумных пределах, конечно. Но чтение мыслей в условие не входит!

– Чтение мыслей, почтенный?

– Сознайтесь-ка! Вы ведь знали, что я собирался позвонить вам сегодня. (...)

– У меня здесь находится один молодой человек, и я бы хотел, чтобы вы с ним побеседовали.

– Что? – видимо, новианина это не слишком обрадовало. – На какую тему?

– Не знаю. Он мне не сказал. По правде говоря, он даже не назвал мне ни своего имени, ни профессии.

Новианин нахмурился.

– Тогда зачем же отнимать у меня время?

– Он, по-видимому, не сомневается, что вас заинтересует то, что он собирается сообщить вам.

– О, конечно!

– И этим вы сделаете одолжение мне, – сказал Индженеску.

Новианин пожал плечами.

– Давайте его сюда, но предупредите, чтобы он говорил покороче.

Индженеску отступил в сторону и шепнул Джорджу:

– Называйте его «почтенным». (...)

– Я был сегодня на Олимпиаде металлургов, – сказал он [Джордж].

– Как, и вы тоже? – вежливо спросил новианин. – По-видимому, там присутствовала вся Земля.



– Нет, достопочтенный, но я там был. В состязании участвовал мой друг, и ему очень не повезло, потому что вы дали участникам состязания прибор Бимена, а он получил специализацию по Хенслеру, – очевидно, уже устаревшая модель. Вы же сами сказали, что различие очень незначительно. – Джордж показал кончик пальца, повторяя недавний жест своего собеседника. – И мой друг не знал заранее, что потребуется знакомство с прибором Бимена.

– И что же из этого следует?

– Мой друг всю жизнь мечтал попасть на Новию. Он уже знал прибор Хенслера. Он знал, что ему нужно ознакомиться с прибором Бимена, чтобы попасть к вам. А для этого ему следовало усвоить всего лишь несколько дополнительных сведений и, быть может, чуточку попрактиковаться. Если учесть, что на чашу весов была поставлена цель всей его жизни, он мог бы с этим справиться...

– А где бы он достал ленту с дополнительной информацией? Или образование здесь, на Земле, превратилось в частное домашнее обучение?

Лица на заднем плане расплылись в улыбках, которых, по-видимому, от них и ожидали.

– Поэтому-то он и не стал доучиваться, достопочтенный. Он считал, что ему для этого нужна лента. А без неё он и не пытался учиться, как ни заманчива была награда. Он и слышать не хотел, что без ленты можно чему-то научиться.

– Да неужели? (...) Продолжайте. Даю вам ещё несколько минут.

– Не думайте, что это шутка, – сказал Джордж горячо. – Ленты попросту вредны. Они учат слишком многому и слишком легко. Человек, который получает знания с их помощью, не представляет, как можно учиться по-другому. Он способен заниматься только той профессией, которой его зарядили. А если бы, вместо того чтобы пичкать человека лентами, его заставили с самого начала учиться, так сказать, вручную, он привык бы учиться самостоятельно и продолжал бы учиться дальше. Разве это не разумно? А когда эта привычка достаточно укрепитя, человеку можно будет прививать небольшое количество знаний с помощью лент, чтобы заполнить пробелы или закрепить кое-какие детали. После этого он сможет учиться дальше самостоятельно. Таким способом вы могли бы научить металлургов, знающих спектрограф Хенслера, пользоваться спектрографом Бимена, и вам не пришлось бы прилетать на Землю за новыми моделями.

Новианин кивнул...

– А откуда можно получить знания помимо лент? Из межзвёздного пространства?

– Из книг. Непосредственно изучая приборы. Думая.

– Из книг? Как же можно понять книги, не получив образования?

– Книги состоят из слов, а большую часть слов можно понять. Специальные же термины могут объяснить специалисты, которых вы уже имеете.

– А как быть с чтением? Для этого вы допускаете использование лент?

– По-видимому, ими можно пользоваться, хотя не вижу причины, почему нельзя научиться читать и старым способом. По крайней мере частично.



– Чтобы с самого начала выработать хорошие привычки? – спросил новианин.

– Да, да, – подтвердил Джордж, радуясь, что собеседник уже начал понимать его (...).

– Боже мой! – сказал новианин, обращаясь к сгрудившимся вокруг него людям. – У этого чертёнка на всё есть ответ.

– Да, да! – вскричал Джордж. – Спрашивайте! (...)

– Как вы думаете, сколько вам понадобится времени, чтобы стать металлургом, умеющим обращаться со спектрографом Бимена, если предположить, что вы начнёте учиться, не имея никаких знаний, и не будете пользоваться образовательными лентами?

Джордж заколебался.

– Ну... может быть, несколько лет.

– Два года? Пять? Десять?

– Ещё не знаю, достопочтенный.

– Итак, на самый главный вопрос у вас не нашлось ответа. Ну, скажем, пять лет. Вас устраивает этот срок?

– Думаю, что да.

– Отлично. Итак, в течение пяти лет человек изучает металлургию по вашему методу. Вы не можете не согласиться, что всё это время он для нас абсолютно бесполезен, но его нужно кормить, обеспечить жильём и платить ему.

– Но...

– Дайте мне кончить. К тому времени, когда он будет готов и сможет пользоваться спектрографом Бимена, пройдёт пять лет. Вам не кажется, что тогда у нас уже появятся усовершенствованные модели этого прибора, с которыми он не сумеет обращаться?

– Но ведь к тому времени он станет опытным учеником и усвоение новых деталей будет для него вопросом дней.

– По-вашему, это так. Ладно, предположим, что этот ваш друг, например, сумел самостоятельно изучить прибор Бимена; сможет ли сравниться его умение с умением участника состязания, который получил его посредством лент?

– Может быть, и нет... – начал Джордж.

– То-то же, – сказал новианин.

– Погодите, дайте кончить мне. Даже если он знает кое-что хуже, чем тот, другой, в данном случае важно то, что он может учиться дальше. Он сможет придумывать новое, на что не способен ни один человек, получивший образование с лент. У вас будет запас людей, способных к самостоятельному мышлению...

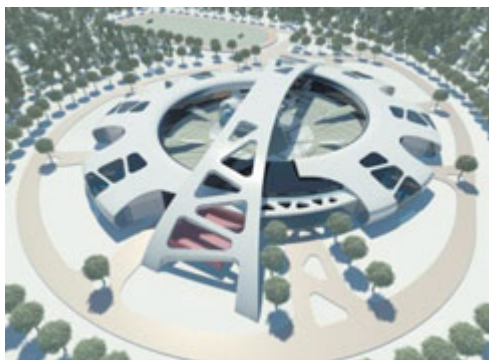
– А вы в процессе своей учёбы придумали что-нибудь новое? – спросил новианин.

– Нет, но ведь я один, и я не так уж долго учился. (...)

Новианин потерял интерес к дальнейшему разговору и, наспех попрощавшись, отключил связь.

Руки Джорджа взметнулись к экрану в бессмысленной попытке вновь его оживить.





Проект Р. Морозова



Проект С. Макутова

Конкурс архитектурных проектов «Школа будущего»

– Он не поверил мне! Не поверил!

– Да, Джордж, не поверил. Неужели вы серьёзно думали, что он поверит? – сказал Индженеску. (...)

Задыхаясь, Джордж оглянулся.

– Как мне с ним увидеться? Это необходимо. Всё получилось не так, как нужно. Я не должен был говорить с ним по видеofону. Мне нужно время. И чтобы лично. Как мне...

– Он откажется принять вас, Джордж, – сказал Индженеску. – А если и согласится, то всё равно вам не поверит.

– Нет, поверит, уверяю вас. (...)

Он стремительно повернулся и бросился к двери.

За ней стояли два полицейских, которые его немедленно схватили.

Как Джордж ни вырывался, шприц коснулся его шеи под подбородком. И всё кончилось. Последнее, что осталось в его памяти, было лицо Индженеску, который с лёгкой тревогой наблюдал за происходящим. (...)

Проснулся Джордж в приюте. Рядом с ним был Омани. Внезапно Джордж понял, что этот приют был создан совсем для иной цели, чем он себе представлял...

– За мной следили, когда я ушёл отсюда, так?

Омани кивнул.

– Ты всё время был под наблюдением. Мы считали, что тебе следует побывать у Антонелли, чтобы ты мог дать выход своим агрессивным потребностям. Нам казалось, что другого способа нет. Эмоции тормозили твоё развитие.

– Я был к нему очень несправедлив, – с лёгким смущением произнёс Джордж.

– Теперь это не имеет значения. Когда в аэропорту ты остановился у стенда металлургов, один из наших агентов сообщил нам список участников. Мы с тобой говорили о твоём прошлом достаточно, для того чтобы я мог понять, как подействует на тебя фамилия Тревельяна. Ты спросил, как попасть на эту Олимпиаду. Это могло привести к кризису, на который мы надеялись, и мы послали в зал Ладисласа Индженеску, чтобы он занялся тобой сам.

– Он ведь занимает важный пост в правительстве?



– Да.

– И вы послали его ко мне. Выходит, что я сам много значу.

– Ты действительно много значишь, Джордж.

Принесли дымящееся ароматное жаркое. Джордж улыбнулся и откинул простыню, чтобы освободить руки. Омани помог ему поставить поднос на тумбочку. Некоторое время Джордж молча ел. (...)

– Ну, во всяком случае, мне всё стало ясно, словно я всегда знал это, но не хотел прислушаться к внутреннему голосу. «Чего я ждал от Павий?» – подумал я. Я хотел отправиться на Новию, чтобы собрать группу юношей, не получивших образования, и учить их по книгам. Я хотел открыть там приют для слабоумных... вроде этого... а на Земле уже есть такие приюты... и много.

Омани улыбнулся, сверкнув зубами.

– Институт высшего образования – вот как точно называются эти заведения.

– Теперь-то я это понимаю, – сказал Джордж, – до того ясно, что только удивляюсь, каким я был слепым. В конце концов, кто изобретает новые модели механизмов, для которых нужны новые модели специалистов? Кто, например, изобрёл спектрограф Бимена? По-видимому, человек по имени Бимен. Но он не мог получить образование через зарядку, иначе ему не удалось бы продвинуться вперёд.

– Совершенно верно.

– А кто создаёт образовательные ленты? Специалисты по производству лент? А кто же тогда создаёт ленты для их обучения? Специалисты более высокой квалификации? А кто создаёт ленты... Ты понимаешь, что я хочу сказать. Где-то должен быть конец. Где-то должны быть мужчины и женщины, способные к самостоятельному мышлению.

– Ты прав, Джордж.

Джордж откинулся на подушки и устремил взгляд в пространство. На какой-то миг в его глазах мелькнула тень былого беспокойства.

– Почему мне не сказали об этом с самого начала?

– К сожалению, это невозможно, – ответил Омани. – А так мы были бы избавлены от множества хлопот. Мы умеем анализировать интеллект, Джордж, и определять, что вот этот человек может стать приличным архитектором, а тот – хорошим плотником. Но мы не умеем определять, способен ли человек к творческому мышлению. Это слишком тонкая вещь. У нас есть несколько простейших способов, позволяющих распознавать тех, кто, быть может, обладает такого рода талантом. Об этих индивидах сообщают сразу после Дня чтения, как, например, сообщили о тебе. Их приходится примерно один на десять тысяч. В День образования этих людей проверяют снова, и в девяти случаях из десяти оказывается, что произошла ошибка. Тех, кто остаётся, посылают в такие заведения, как это.

– Но почему нельзя сказать людям, что один из... из ста тысяч попадает в такое заведение? – спросил Джордж. – Тогда тем, с кем это случается, было бы легче.

– А как же остальные? Те девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять человек, которые никогда не попадут сюда? Нельзя, чтобы все эти люди чувствовали себя неудачниками. Они стремятся получить профессии



и получают их. Каждый может прибавить к своему имени слова «дипломированный специалист по тому-то или тому-то». Так или иначе каждый индивид находит своё место в обществе. Это необходимо.

– А мы? – спросил Джордж. – Мы, исключения?

– Вам ничего нельзя объяснить. Ведь в этом заключается последнее испытание. Даже после отсева в День образования девять человек из десяти, попавших сюда, оказываются не совсем подходящими для творчества, и нет такого прибора, который помог бы нам выделить из этой десятки того единственного, кто нам нужен. Десятый должен доказать это сам.

– Каким образом?

– Мы помещаем вас сюда, в приют для слабоумных, и тот, кто не желает смириться с этим, и есть человек, которого мы ищем. Быть может, это жестокий метод, но он себя оправдывает. Нельзя же сказать человеку: «Ты можешь творить. Так давай, твори». Гораздо вернее подождать, пока он сам не скажет: «Я могу творить, и я буду творить, хотите вы этого или нет». Есть около десяти тысяч людей, подобных тебе, Джордж, и от них зависит технический прогресс полутора тысяч миров. Мы не можем позволить себе потерять хотя бы одного из них или тратить усилия на того, кто не вполне отвечает необходимым требованиям. (...)

– А как же с теми, которые... не вполне отвечают требованиям?

– В конце концов они проходят зарядку и становятся социологами. Индженеску – один из них. Сам я – дипломированный психолог. Мы, так сказать, составляем второй эшелон.

Джордж допил кофе.

– Мне всё ещё непонятно одно, – сказал он.

– Что же?

– Почему состязания называются Олимпиадой?

Перевод С. Васильевой

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Что свидетельствует о высокой степени развития цивилизации, изображённой в повести «Профессия»?
2. Как и почему Джордж попал в приют? Почему он чувствовал неудовлетворение в этом заведении?
3. Охарактеризуйте отношения между Джорджем и Омани. Как каждый из них воспринимал своё пребывание в приюте?
4. Как вёл себя Джордж в День чтения? А в День образования? Почему эти праздники имели огромное значение для каждого жителя Земли?
5. Какие качества проявил Джордж во время Олимпиады и в разговоре с новианином?
6. В чём проявилась свойственная герою нестандартность мышления?
7. Считаете ли вы справедливым изображённое в повести разделение людей по их способностям к образованию? Каковы достоинства и недостатки такой системы?
8. Найдите черты жанра научной фантастики в прочитанном вами произведении.
9. Как, по вашему мнению, сложится судьба главного героя повести в будущем?
10. **Работа в группах.** Рассмотрите иллюстрации на с. 219, 225, 229. Составьте устный рассказ на тему:
 - А. Какой будет школа будущего и система обучения в ней?
 - Б. Какой я представляю себе планету класса А – Новию?
11. **Творческое задание.** Дайте письменный ответ на вопрос «Каким предстаёт общество будущего в повести А. Азимова “Профессия”?»





Романтическая мечта об алых парусах



Романтическая феерия А. Грина «Алые паруса» в 1961 г. была экранизирована А. Птушко. Режиссёр снял сильный, эмоциональный, с умело выстроенным сюжетом фильм, ставший любимым для многих поколений зрителей.



Кадр из кинофильма «Алые паруса»
(режиссёр А. Птушко, СССР)



«Правдивая история
об Алых парусах»

Но на этом тема не была исчерпана. В 1983 г. Б. Степанцов снял фильм «Ассоль», а в 2010 г. вышел четырёхсерийный фильм украинских кинематографистов «Правдивая история об Алых парусах». В основе фильма режиссёра А. Стеколенко лежит феерия «Алые паруса», но в киноленте появились и персонажи из других произведений А. Грина. Романтическая линия Ассоль и Грэй в фильме дополнена авантюрно-детективной интригой.

Экранизированы также романы А. Грина «Бегущая по волнам», «Блестящий мир», «Дорога никуда», «Золотая цепь» и рассказы «Колония Ланифер», «Серый автомобиль» (фильм называется «Господин оформитель»).

Мир фантастики

Литературная фантастика является неисчерпаемым источником современного киноискусства. А. Азимов как известный писатель-фантаст был консультантом многих научно-фантастических фильмов, самым популярным из которых стал сериал «Звёздный путь». По его рассказам была снята лента «Я, робот» (режиссёр А. Пройас, 2004), которая получила широкую известность среди поклонников кинофантастики. Действие фильма происходит в 2035 году. Азимов изображает мир, в котором роботы





Афиша кинофильма



Кадр из кинофильма «Я, робот»
(режиссёр А. Пройас, США)

стали привычной частью быта. Но есть люди, которые видят в этом угрозу. Не доверяет роботам и полицейский детектив Дэл Спунер, которого в фильме сыграл У. Смит. «В машине всегда были призраки. Они порождают вопрос о свободе воли, творчества, а также о том, что мы могли бы назвать душой», – слышит полицейский, расследуя гибель учёного.

Разрешить противоречия сосуществования роботов и человека – это, по мнению режиссёра фильма, один из главных вопросов будущего.

ИТОВОЗЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Назовите главных героев повести А. Грина «Алые паруса».
2. Какое чудо пообещал «волшебник» Ассоль?
3. В чём особенности восприятия мира Ассоль и Грэм в повести «Алые паруса»?
4. В чём причина конфликта между жителями Каперны и романтическими героями Грина?
5. В рассказе о Каперне и её жителях А. Грин не использовал ни одного определения, обозначающего цвет. Говоря об Ассоль и Грэм, он использует много красок. Составьте портреты героев, выбирая из палитры нужные цвета.
6. Какие нравственные ценности утверждаются в «Алых парусах»?
7. Вспомните волшебные сказки, в которых влюблённые творят чудеса. Определите сходство и различия между сказкой и феерией «Алые паруса» А. Грина.
8. Определите фантастические элементы в феерии «Алые паруса». Раскройте их функции в этом произведении.
9. Как воплощается идея столкновения романтики и будничности в «Алых парусах» А. Грина и в «Цветных мышах» Л. Костенко? В чём особенность образов Ассоль и Анны?
10. **Творческое задание.** Напишите сочинение по повести «Алые паруса» А. Грина на одну из предложенных тем: «Когда живёшь в ожидании чуда...»; «Какая тонкая работа счастливым сделать хоть кого-то...» (Ю. Мороз).
11. Как, по мнению А. Азимова, дети в будущем будут учиться читать?
12. Какую профессию хочет получить Джордж Плейтен? Какие испытания пришлось пройти Плейтену, чтобы осознать свою способность к самостоятельному творческому мышлению?
13. Чем, по мнению Азимова, образование в будущем будет отличаться от сегодняшнего?
14. **Подискутируйте!** Обсудите с товарищем вопрос «Что такое гениальность: врожденный дар или результат образования?». Кратко запишите основные соображения и доводы в пользу своей позиции.
15. **Творческое задание.** Напишите сочинение на тему «Как найти своё предназначение?» по повести А. Азимова «Профессия».



ИТОГОВЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

Теоретическая разминка

1. Какие произведения называются былинами? В чём их отличие от сказок?
2. Дайте определение баллады. Назовите известные вам литературные баллады.
3. Дайте определение понятий «композиция» и «интрига». Для каких произведений характерно наличие интриги?
4. Дайте определение понятий «антитеза», «художественная деталь». С какой целью писатель использует деталь и антитезу? Приведите примеры из прочитанных произведений.
5. Каковы особенности детективной литературы? Обязательно ли наличие интриги в детективных произведениях?
6. Чем отличается новелла от рассказа? Приведите примеры.
7. Чем отличается рассказ от повести?
8. Докажите, что в лирическом произведении – стихотворении или поэме – нельзя отождествлять автора и лирического героя.
9. Каковы характерные особенности научно-фантастической литературы? Приведите примеры из прочитанных произведений.
10. Раскройте смысл понятия «цикл». Приведите примеры циклов произведений.

Практикум

1. Укажите произведение, которое не принадлежит к жанру баллады.
 - «Вересковый мёд» Р.Л. Стивенсона
 - «Цветок» А.С. Пушкина
 - «Перчатка» Ф. Шиллера
 - «Светлана» В.А. Жуковского
 - «Свистязь» А. Мицкевича
2. Какие произведения относятся к жанру рассказа, а какие являются новеллами?
 - «Толстый и тонкий» А.П. Чехова
 - «Последний лист» О. Генри
 - «Смерть чиновника» А.П. Чехова
 - «Дары волхвов» О. Генри
 - «Злоумышленник» А.П. Чехова
3. Укажите, в какой сборник Н.В. Гоголь включил повесть «Тарас Бульба».
 - «Вечера на хуторе близ Диканьки»
 - «Миргород»
4. Назовите автора указанных произведений.
 - «Этюд в багровых тонах»
 - «Знак четырёх»
 - «Голубой карбункул»



5. Назовите произведения, в которых:
- прослеживаются библейские мотивы;
 - поэтизируется история Древней Руси;
 - девушка гадала на суженого;
 - молодой послушник стремился вырваться из монастыря;
 - рассказывается о быте, нравах и борьбе за свободу запорожского казачества;
 - при встрече один из школьных друзей начинает лебезить перед другим, узнав, что тот дослужился до высоких чинов;
 - молодой человек научился творить чудеса собственными руками и воплотил в жизнь мечту прекрасной девушки;
 - мальчик управлял самолётом и спас отца, пострадавшего от нападения акул;
 - молодой человек, пройдя через трудные испытания, доказал себе и окружающим, что может мыслить нестандартно, творчески.
6. Рассмотрите первый форзац. По данным иллюстрациям узнайте прочитанное произведение, назовите его автора и героев.
7. Рассмотрите второй форзац. По данным иллюстрациям узнайте произведение, прочитанное на уроках внеклассного чтения. Кто автор этого произведения? На каком портрете он изображён?
8. Узнайте писателя.

Этот писатель

- был наставником наследника русского престола;
- написал рождественский рассказ, чтобы на полученный гонорар купить маленькой дочери «подарок от Санта Клауса», стал впоследствии известным мастером новеллы;
- мечтал о путешествиях и поселился на острове Самоа;
- учился в Царскосельском лицее, вскоре после его окончания был сослан на юг за вольнолюбивые стихи;
- многие свои стихотворения и поэмы посвятил любимому Кавказу;
- был врачом, но прославился своими детективными произведениями;
- считал, что человек всю жизнь должен себя воспитывать, изживая малодушие, угодливость, невежество, высокомерие, своеволие, и беспощадно высмеивал любые формы унижения человеческого достоинства;
- ознакомил читающую публику с украинскими легендами и поверьями, включив их в свои произведения;
- приехал из Австралии в Лондон учиться журналистике;
- много лет мечтал о море, но нашёл себя в писательском труде;
- писал не только научно-фантастические произведения, но и научно-популярные книги для подростков и взрослых.



СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Анти́теза – резкое противопоставление образов, свойств или понятий в литературном произведении.

Балла́да – жанр, в основе которого лежит повествование с необычным историческим, легендарным, фантастическим или бытовым сюжетом. В это повествование, как правило, включён диалог (явный или скрытый), в нём нередко присутствуют также зачин и концовка. Характерная черта баллады – эмоциональная оценка изображаемых событий. Жанр возник в устном народном творчестве. На основе народных баллад или по их образцу писатели создавали собственные (литературные) баллады.

Были́на – древнерусская фольклорная песня, повествующая о героических свершениях легендарных богатырей. Для былины характерно переплетение фантастических и исторических элементов, а также торжественно-приподнятый, спокойно-величавый тон, задаваемый былинным стихом.


Гипе́рбола – художественный приём, который заключается в явном преувеличении определённых свойств изображаемого героя, предмета или явления.

Детекти́вная литерату́ра – разновидность приключенческой литературы, посвященная, как правило, раскрытию загадочных преступлений.

Интри́га – сложное и напряжённое сплетение действий персонажей, которые для достижения своих целей прибегают к уловкам и сокрытию своих намерений. Интрига характерна для приключенческих сюжетов.

Компози́ция – это построение художественного произведения, обусловленное его содержанием и жанром.

Лири́ческий геро́й – это образ поэта в лирике, художественный «двойник» автора, который обладает определёнными чертами характера, а иногда – и индивидуальной судьбой. Между лирическим героем и автором существует сходство, однако в этот образ, как и в любой другой, автор привносит элементы художественного вымысла. Поэтому следует иметь в виду, что лирический герой и автор – это одно и то же лицо.



Лирическое отступление – это слова повествователя, прямо не связанные с описываемыми событиями, но содержащие важные комментарии и эмоциональные оценки изображаемых явлений.

Монолог – речь наедине, развёрнутое высказывание героя, которое не предполагает ответа со стороны и служит раскрытию сокровенных чувств и мыслей говорящего. В поэзии монологом часто называют стихотворение или поэму, написанные от первого лица. Лирический монолог характеризуется насыщенностью переживаний и эмоционально окрашенных размышлений.

Научная фантастика – отдельная область художественной литературы, в которой исследуются и прогнозируются последствия достижений научно-технической мысли для человеческой цивилизации. При этом в создаваемых писателями-фантастами картинах, как правило, обнажаются реальные проблемы современного общества.

Новелла – прозаическое произведение небольшого объёма, повествующее о каком-либо происшествии. Новелла похожа на рассказ, однако отличается от него более острым сюжетом, для которого характерно стремительное развитие и неожиданный финал.

Поэма – крупное стихотворное произведение с лирическим или повествовательным сюжетом.

Символ – образ, характеризующийся иносказательной многозначностью и глубиной обобщений. В силу этих особенностей символ не подлежит однозначному истолкованию: он открывает свои смыслы постепенно – в сопоставлении с другими образами произведения и на фоне развития всего сюжета. При этом читатель, «расшифровывающий» символ, обнаруживает неисчерпаемость его значений и обобщающих возможностей.

Художественная деталь – это выразительная подробность в художественном произведении, которая несёт важную информацию и имеет самостоятельное значение.

Цикл – группа произведений (стихотворений, рассказов, повестей и т.д.), объединённых автором в одно целое. Между этими произведениями существует внутренняя связь, которая важна для понимания их общего замысла.

